АКАДЕМИЯ МАГИИ

ВАЛЕНТИНА САВЕНКО

ХОД КОЛДУНЬИ

АКАДЕМИЯ МАГИИ
ВАЛЕНТИНА САВЕНКО
ХОД КОЛДУНЬИ

Annotation

Четыре года учебы коту под хвост! И все потому, что кто-то из предков Мартины умудрился вместо щедрых чаевых за отличные ткани получить проклятие. Прощай диплом и нормальная жизнь! Да здравствует уютный домик и одиночество.

Нет уж. К бесу ваш домик! И пусть говорят, что в институте темных не место такой, как Мартина. Что бытовая магия не то, чем можно воевать с нежитью. А добиться личной аудиенции императора непросто даже самым лучшим из темных боевых магов. Мартина точно не собирается отдавать свою жизнь и мечту. Главное – не убить одного темного, с которым у нее внезапно появилась общая тайна… и, кажется, не только она.

- Валентина Савенко
  -
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18

- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Эпилог

Валентина Савенко
Ход колдуньи

© Савенко В., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

АКАДЕМИЯ МАГИИ

ВАЛЕНТИНА САВЕНКО

ХОД КОЛДУНЬИ

МОСКВА
2023

Глава 1

Темные всегда ходят первыми и выигрывают. Мы об этом знали. Но все равно ползли по присыпанной весенним снежком траве к светлому будущему в виде конца полосы препятствий.

Стадион радостно ревел. Горожане, которых ректор заманил обещанием зрелища, требовали зрелища вместо стайки плетущихся к цели студентов. Адепты Высшей школы бытовой и прикладной магии поддерживали нас бодрым свистом и воплями, радуясь, что это не они сейчас лежат под сеткой.

А мы, четверка счастливчиков, три девушки и один парень-заучка, не успевшие сбежать от ректора, продолжали осваивать новую и неизвестную ранее нам профессию доморощенного разведчика.

Вокруг наших распластанных под сеткой тел вился целый рой магических линз, сияющих солнечными бликами. В небе, над чашей стадиона, маячила проекция, показывающая происходящее на полосе препятствий во всех красках и оттенках.

Оттенки были преимущественно серые, цвета грязи на арене. Моя шевелюра, каштановые волосы с тонкими синими прядями на концах, почему-то особенно понравилась репортерам. На проекции снова мелькнуло мое лицо, голубые глаза на сером фоне смотрелись на удивление сочно. И опять появился мой затылок.

– Давай руку! – Перед моим испачканным носом появилась мужская ладонь.

Оторвавшись от созерцания своего позорного ползания на небесном экране, я с удивлением заметила, что наши противники, четыре темных… теневых боевых мага, не торопятся пересекать финишную прямую. А вытаскивают из-под сетки моих товарищей.

Руководил ими русоволосый теневик, волосы которого были стянуты на затылке в короткий хвост, а на зеленой куртке не имелось ни одного пятна, словно он не полз по полосе препятствий до нас, а гулял по стерильной лаборатории.

В васильковых глазах плескался смех, на подбородке у теневика была ямка. Но только она ничуть не смягчала его облик. Парень был высоким, гибким и чем-то напоминал змея.

Вцепившись в его руку, я выползла из-под сетки. С завистью покосилась на его чистую куртку. Цвет нашей команды, светло-коричневый, канул под слоем не очень лечебной грязи со стадиона.

– Не бойся, не съем. – Теневик легко коснулся пальцем синей пряди у моего лица, покосился на трибуну, занятую нашим курсом. Темные брови вопросительно дрогнули.

Легкой полосатостью прически щеголяла не только я. Однокурсники, главные трибунные соловьи, также имели разную степень покраса во все оттенки синего.

– Командный дух! – буркнула я, пытаясь ладонью стереть со щеки незапланированную грязевую маску.

Именно из-за повышенной пестрости я не узнала, что ректор не собрал команду и открыл сезон охоты на студентов. Хорошая у моих однокурсников память…

А я ничуть не виновата, между прочим!

Преподаватель курса производственных заклинаний сам предложил поставить отлично всему курсу, если хоть кто-то разберется с испорченным артефактом для покраски тканей. Я разобралась. Мне не поверили. И потребовали проверить. Я сразу предупредила находящихся в лекционном зале, что проводить демонстрации и тем более следить за ней лучше, надев специальный костюм. Ну или из-под стола. Мне снова не поверили. Результат недоверия одногруппников и упрямства преподавателя: отлично покрашенный потолок аудитории и головы всех, кто там был, включая нашего упертого поводыря на пути науки.

В итоге наш курс внезапно стал лучшим по успеваемости по производственным заклинаниям. И самым приметным в том плане, что краски в артефакте оказались повышенной стойкости. Бриться и носить парики никто не стал, общаться со мной тоже.

Я не сильно расстроилась.

Как оказалось, зря.

– Господа адепты, немедленно прекратите нарушать правила! – разнесся над стадионом усиленный магией голос судьи.

– Уже прекратили! – Теневик демонстративно поднял руки и даже отступил от меня.

А потом прогулочным шагом направился к деревянной лестнице, стремящейся к сизым облакам. Последнему препятствию на пути

к финишу. Препятствию, которое его команда уже преодолела. Дважды. Первый раз, когда оторвалась от нас, буйных черепашек на прогулке, и второй – когда под руководством русоволосого теневика решила вытащить нас из-под сетки.

Неужели третий раз полезут?

– Держись левее. – Русоволосый теневик обернулся ко мне, хитро улыбнулся и запрыгнул на лестницу. – Удачи, мышка!

– Удачи, змей, – не осталась я в долгу.

Пара секунд – и наши противники уже были по ту сторону препятствия. Но финишную черту пересекать не спешили. Словно знали, что ректор, выдвигая нас в ряды команды, выдвинул «чу́дное» в своей простоте требование: стоять до последнего адепта. Или сдавать уже сданную сессию до следующей весны. Потому как ректор имеет полное право усомниться в выставленных оценках.

А все потому, что раньше Высшая школа бытовой и прикладной магии ни разу не попадала в Императорские магические игры. Их победители получали награду лично из рук императора и могли обратиться к нему с одной просьбой.

Это великая честь…

Но школа не просто не попадала. Даже стадию подачи документов на участие не проходила! А тут вдруг невероятное везение: нас приняли в отборочный тур.

Правда, на этом везение и закончилось.

Нашими первыми противниками были адепты Института теневой и боевой магии. Те самые, что пять раз побеждали в Императорских магических играх.

Неудивительно, что желающих повоевать за имя школы не нашлось. Нас бодро выловил ректор, пройдясь по спискам студентов, коридорам, кладовкам и подсобкам. Меня отыскали в столовой, я как раз хотела отметить пирожком закрытие сессии. А пришлось отмечать начало собственной деятельности на благо школы. Меня приволокли на арену последней, после представления команд. Чуть позже на трибуны просочился весь мой курс. Но мне это никак не могло помочь: господин Крам, он же ректор, лично записал меня на место участницы, подхватившей редкую простуду левой пятки и озарение первого центра хитрости в голове.

Итог: три девицы и один зубрила-парень выступили дружным фронтом. Мысленно проклиная ректора и его методы. Выступили против темных боевых магов.

Страшный сон и для нас, и для них. Потому что бытовая и прикладная магия – не то, чем можно воевать. А теневикам непонятно, что делать, чтобы случайно не уменьшить наше количество и не загреметь в тюрьму.

И теневики нашли выход: решили нам помочь.

– Адепты Института теневой и боевой магии – два штрафных балла! – прогудел судья. – Высшая школа, вы долго будете стоять у стены? Вы сюда не на митинг вышли!

Мы нестройно ответили: «Нет!» И поползли вверх по лестнице. Свалились с другой стороны и под редкие хлопки переступили финишную линию вслед за теневиками.

Судья торопливо объявил о победе теневиков и о начале перерыва перед вторым этапом соревнований. На нем нам предстояло показать, как мы работаем в команде.

Наша «команда» расползлась отчищаться от лечебной грязи стадиона под радостный голос ректора, усиленный магией. Господин Крам решил воспользоваться тем, что на трибунах, кроме горожан, сидят почти все адепты нашей школы, и напомнил, что «хвостатым» студентам в их рядах не место, и он вот-вот подпишет приказ на отчисление, один на всех, чтобы не тратить свое драгоценное время. После этого бодрого вступления он перешел к сладкому: к программе обмена студентами.

Из-за этой программы, внезапно свалившейся на нашу школу вслед за участием в Играх, у нас резко возросло количество состоятельных адептов. Из тех, кто не мог поступить в Институт теневой магии напрямую и решил попасть туда обходным путем, через нашу школу. Ректор с удовольствием их принимал и вписывал в список обменных студентов за умеренную плату. Без платы попасть туда можно было лишь чудом. Или прославив имя школы. Но пока никто славить его не спешил. Где боевая магия и где наши вполне безобидные бытовые заклинания?

Оставив на очистителях в уборной грязь и часть краски с ткани куртки, я вышла в тамбур под трибунами.

– Эй, Леннет, там тебя отец ждет! – выпалил однокурсник, пробегавший мимо, махнув рукой в сторону коридора, ведущего к выходу со стадиона.

Папа тут?

Взволнованно пригладив волосы, я заспешила по коридору.

Господин Леннет был весьма занятым человеком. Его чаще видели партнеры по торговле тканями, директора его пяти фабрик по их же производству, чем домашние. Мама, домоседка на все сто пятьдесят процентов, была в полном восторге от такого положения вещей. Мой старший брат – тоже. Он стал точной копией отца и к двадцати годам успел дорасти до должности его помощника. Младшая сестра вообще такими вещами не заморачивалась. Милая и непоседливая Ненси напоминала беззаботную бабочку.

А я… Я была как бы приложением к брату. Случайным. Мы с ним близнецы.

Все, что от меня требовали, – не позорить имя отца. Чем я занимаюсь, чего достигла, принималось родными с равнодушной улыбкой.

И тут вдруг папа пришел. Без предварительного письма с приглашением на встречу. Не связался по линзе, чтобы сэкономить драгоценное время. Да он даже на день рождения, который был месяц назад, прислал курьера с подарком и поздравительной открыткой!

Коренастая фигура отца маячила в паре шагов от входа. Рыжие волосы пламенели над пушистым воротником пальто.

– У меня серьезный разговор, Мартина. – Отец стряхнул с усов снежинки, подхватил меня под локоть и отвел в глубь тамбура.

– А у меня соревнования, – напомнила я.

– Это ненадолго. – Он вытащил из кармана прозрачную пирамиду, записывающий артефакт, и вручил мне.

Отец любил записывать пояснения. Так ему было проще. Сказал суть, остальное посмотришь сама.

Я спрятала ее в карман куртки.

– В чем дело, пап?

Отец вынул диск с синими каплями кристаллов на поверхности и активировал защитную пелену, скрывающую разговоры от желающих подслушать.

– Ты никогда не задумывалась, почему, если второй ребенок наследника нашего рода – дочь, то она всегда ведет уединенную жизнь? – Рыжие кустистые брови отца сошлись на переносице.

Я пожала плечами. Не задумывалась. Честно говоря, дочерей, которые были вторыми детьми, у наследников нашего рода раз-два и обчелся.

– В нашей семье не просто так избегают рождения вторых детей-девочек. Все дело в семейном проклятии. – В голубых глазах отца промелькнуло что-то смутно напоминающее сожаление. – Ты второй ребенок, Мартина, и ты девочка. Мы очень надеялись, что ты родишься первой. Но ты вторая. И ты его унаследовала. Это проклятие заставляет всех, кто с тобой рядом, говорить правду. Первые признаки проклятия начнут проявляться через тридцать четыре дня после твоего совершеннолетия.

Совершеннолетия? Двадцать лет мне исполнилось месяц назад… или больше? Или все же немного меньше?

– …Сила проклятия будет расти, – совершенно будничным тоном продолжал отец, пока я пыталась подсчитать дни. – Через месяц, в лучшем случае – три, ты не сможешь находиться рядом ни с одним человеком.

– Почему? – Новости о проклятии категорически не желали укладываться в голове. – Что плохого в правде?

– Правда не всегда нужна, – уклончиво ответил отец. Показал на карман моей куртки, намекая, что подробности там. – Приготовься, в конце месяца ты переведешься на домашнее обучение. Переедешь в тихий уединенный домик, где получишь все, что нужно для нормальной жизни.

Все, кроме жизни.

Я подавилась смешком. Вот всегда так! Где надо рыдать, меня на смех тянет.

– И все? Домик – и все? – Я справилась с рвущимся наружу хохотом.

Прощай еще год учебы в школе и диплом? Хотя нет, не прощай – да здравствует домашнее обучение! И домик! Ну а что, четыре года очно поучилась, побегала на свободе, пора в клетку… Домик.

– А как насчет того, чтобы найти способ снять проклятие? Хотя бы попробовать? – В мыслях мелькали сотни догадок

и предположений.

– Все, что можно, перепробовали до тебя, – сухо отрезал отец. – И проклятие все еще с нами. Делай вывод.

Делаю. Им все равно, что будет со мной. И это обидно!

– Я никуда не перееду и школу тоже не брошу, – ответила я тихо.

– Мартина, это глупо, – поморщился отец. – Видимо, мы зря давали тебе столько свободы. Надо было быть строже. Если откажешься, останешься без денег на карманные расходы.

Я все же хихикнула. Прижав пальцы к губам, с грустью посмотрела на раздраженного отца:

– Пап, не хочу тебя расстраивать, но я уже год работаю помощницей в лавке бытовых артефактов и твои деньги не трачу. С тех пор, как съехала от вас.

Тогда мы сильно поспорили с братом – Бернард доказывал, что мне не нужно учиться в высшей школе. Что раз магия во мне не особо полезного для семьи направления, лучше взять пример с младшей сестрички и жить в свое удовольствие, на чужом обеспечении. Себя я все равно не смогу обеспечить.

Я смогла. И отец даже покивал, когда я сказала ему, что выиграла у брата спор… Но меня никто не слушал.

– Это не решит твою проблему, – непробиваемо заявил отец. – Внимательно просмотри запись. Выбирай любое место, в любой части Фридхольма, вдалеке от крупных городов. Мы купим тебе дом и обеспечим всем необходимым. Выбирай внимательно, там тебе жить.

И господин Леннет развернулся на каблуках и удалился.

А я побрела в сторону арены. Что делать? Как избавиться от проклятия? Вопросы, вопросы…

Под потолком коридора эхо насмешливо повторяло усиленную магией речь ректора. Господин Крам был безумно рад, что школе выпала честь сразиться с чемпионами. И еще более рад, что нас включили в программу обмена. Интересно, сколько раз до конца соревнования мы это услышим?

Величайшая честь и великая радость…

Я споткнулась на ровном месте. Честь и радость! А ведь радость не только для ректора и его кармана! Наша школа меняется адептами с институтом, побеждавшим пять раз! А победителей Императорских игр награждает лично император, и во время церемонии к нему можно

обратиться с одной просьбой. И именно на него работают лучшие проклятийники! Настолько лучшие, что никто точно не знает, сколько их в свите короля.

В голове тут же сложилась схема: перевод, вступить в команду, оказаться среди победителей. Дело за малым: попасть в программу обмена. Моего заработка в лавке хватало на комфортное существование. Но привычка откладывать на черный день у меня не появилась, а моего месячного жалованья точно недостаточно на запись ректора в списках обменных студентов. Отец денег не даст. Мама его поддержит. Брат… Нет, слушать в его исполнении папу я точно не хочу. А Ненси… Расходы сестры контролирует отец.

Вариант один: надо славить имя школы. Чтобы у ректора не было выхода, кроме как вручить мне документы на перевод.

Осталось понять, как это сделать.

Я дотопала до выхода на поле, рядом с ним толпилась моя команда. Вытянув шеи, они разглядывали арену. Там вместо полосы препятствий устанавливали две деревянные пирамиды с плоской вершиной, друг напротив друга, на противоположных концах поля. На этих подставках будут размещены реликвии. У каждой команды своя.

Реликвии выбирал император. От обычных безделушек до редкостей. В случае победы одну из них могли подарить лучшему игроку.

Правила командной части соревнования просты: защитить свою реликвию и отвоевать чужую. Только с «отвоевать» проблема: если на первом этапе соревнований запрещено использовать магию, во втором – пользуйся сколько влезет. Единственное условие: никаких смертельных заклинаний. За такое игрок вылетит из команды, а сама команда получит штрафные баллы.

– Нас раскатают, – хмуро пробурчал паренек в висящей мешком куртке, кажется, первокурсник-бытовик.

– Зато выполним наказ ректора: стоять до последнего адепта! – ехидно поддержала его пепельная блондинка. Я пару раз видела ее с адептами третьего года обучения прикладной магии.

У нас целых три факультета. Два – узкоспециализированных: бытовой магии (там натаскивают только по бытовым заклинаниям) и прикладной магии (тут изучают сопутствующие, простые основы-

заклинания, на них другие маги могут сделать что-то грандиозное). Ну и третий факультет – мой, общий: бытовой и прикладной магии. И я единственная оказалась недостаточно шустрой, чтобы сбежать от ректора…

– О… – Представитель мужского пола в нашей команде неожиданно схватился за бок и, постанывая, побрел в сторону дежурного доктора.

– Может, нам всем того?.. – задумчиво предложила блондинка.

Рыжеватая адептка, вроде со второго бытового, скривилась.

– Напоят отваром и назад выставят! – уверенно заявила она. – Три раза пробовала, – добавила она сердито.

Да, похоже, на команду надежды нет.

Из магии у меня только бытовые заклинания и сносное умение собирать основы для сложных артефактов.

Домик? Нет уж, спасибо.

Придирчиво оглядев арену, я задумчиво потерла лоб. Расстояние между реликвиями было приличным.

– Всего-то! – фыркнула блондинка, показывая пальцем на деревянный помост теневиков.

Помощник судьи аккуратно положил на плоскую подставку небольшой диск – самый обычный согревающий артефакт. В нашем городке, горном курорте, такие особенно востребованы весной и осенью, когда погода меняется по пять раз на день.

– Ого! – присвистнула бытовичка.

Я тоже удивленно уставилась на будто сотканную из подсвеченной солнцем паутины накидку. Ее как раз водружали на нашу подставку.

– Солнечная накидка! – восторженно выдохнула блондинка.

Солнечная накидка – сложный артефакт, пропитанный солнечной магией, светлой, как ее называют в простонародье. Надев ее, человек получает способность слепить врагов, плюс она защищает его от теневых заклинаний. Не всех, только части. Но все равно такие накидки редкость – слишком много магии тратится на их создание. Проще нанять телохранителя.

– А толку-то слюни пускать? – усмехнулась бытовичка. – Все равно ее у нас в первую же минут отберут.

Может, и не отберут.

– Команды, займите свои места! – разнесся над стадионом голос судьи.

Наша троица кучно выпала на арену и встала у подножия помоста.

Я отступила, оглядела бок деревянного сооружения. Невысоко, должно получиться.

Пока прикидывала, появились теневики в количестве трех штук: Змей, блондин с крупным носом и шатен с узкими губами и злыми серыми глазами. Четвертый – кудрявый русый гигант с тяжелой челюстью – остался сидеть на трибуне. Похоже, нашего внезапно заболевшего так и не сумели вытолкать на арену. И противники весьма благородно убрали одного игрока.

Змей и блондин встали на два шага впереди, шатен занял позицию у пирамиды.

Наша команда внезапно ощутила себя сплоченной и дружной: девочки вместе отступили, подперли тылами помост.

– Начали! – Голос судьи прозвучал как гром среди ясного неба.

Змей с блондином рванули к нам. Я подпрыгнула, дернула накидку на себя. Чуть не свалилась, когда она легко слетела с подставки. Торопливо накинула на плечи, трясущимися руками застегнула застежку.

И…

На накидке стояло блокирующее заклинание. Просто отлично! Да здравствует наш судья! Самый справедливый судья!

Змей с товарищем были уже в десяти шагах от нас.

Тихо выругавшись, я с развевающейся за спиной накидкой побежала им навстречу.

Трибуны улюлюкали и свистели. Моя команда озадаченно молчала.

Теневики не поняли, с чего вдруг чужая реликвия сама несется им в руки, притормозили и переглянулись.

– Осторожно, гололед! – выпалила я, на ходу сплетая простенькое заклинание, которым подправляли поверхность катков.

Оранжевые огоньки слетели с моих пальцев и устремились под ноги парней. Грязь со снегом растеклась, застыла ровной ледяной коркой. Я шлепнулась на бок и проскользила между Змеем

и блондином, прямо под руками пытавшихся поймать меня парней. Вскочила на ноги, понеслась по кругу.

Змей бросился наперерез, его товарищ – с другой стороны. Меня собирались прижать к трибунам. Я не желала прижиматься. В теневиков полетели оранжевые огоньки – заклинания стирки. Без воды, но и так пойдет.

Змей увернулся, а блондин начал сдирать куртку, когда та зашевелилась, пытаясь прямо на нем крутиться, сжиматься и расправляться.

Трибуны огласились радостными женскими криками.

Скосив глаза, я заметила блондина, стягивающего рубашку, вслед за курткой решившую постираться прямо на нем.

– Какая изобретательная мышка, – усмехнулся Змей, его пальцы сомкнулись на моем запястье.

Трибуны взревели.

Оранжевые огоньки появились на моей ладони, и я бросила под ноги теневика все то же заклинание для исправления дефектов катков.

Змей выругался, с трудом удержал равновесие: его сапоги оказались закованными в ледяную корку. Но мою руку не отпустил.

Я потянула сильнее: шатен из дозора у реликвии быстро шагал к нам, на его пальцах пульсировало черное пламя.

– Юрг, не лезь, – процедил Змей.

Шатен не остановился.

В меня полетело темное заклинание. Я с испуга вспомнила заклинание чистки ковров, но промазала – оно ушло куда-то вниз. Змей дернул меня на себя, и мы под удивленный вздох толпы хлопнулись на землю. Рухнули в облако пыли, кого-то сбили. Шатена. Ругаясь, он свалился сверху. И вся наша веселая компания, окруженная пылью, с размаху врезалась в пирамиду. Она покачнулась. Змей дернул меня в сторону. Деревянная конструкция рухнула. Я выставила руку: только бы поймать! Пальцы сжались на диске.

Шатен, поминая мою родню, вскочил на ноги. Кажется, его все же немного задело, потому что на пальцах начали закручиваться воронки из тьмы.

– Юрг! – Из облака пыли вынырнул раздетый до пояса блондин и сцапал его сзади за руки.

– Хватит, – отрезал Змей, поднимаясь на ноги и ставя меня.

Шатен, зло глядя на меня, нехотя убрал тьму.

– Адепт Юрген Эбнет! Десять штрафных очков! – прозвучал над стадионом голос судьи.

Всего-то? Даже моих знаний хватило понять, что второе заклинание Юрга было из смертельных! Мне стало нехорошо, я оперлась о плечо Змея.

Шатен вывернулся из хватки товарища, зло поморщился и ушел.

Змей проводил его хмурым взглядом. Повернулся ко мне, неожиданно подхватил под мышки, поднял и объявил:

– Реликвия добыта!

Ах ты ж…

– Да! Добыта! – повторила я, поднимая руку с зажатым в пальцах артефактом теневиков.

Трибуны замерли. Потом послышался радостный визг со стороны нашей пирамиды. Повернув голову, я увидела танцующих танго девочек. Отыскала взглядом ректора. Господин Крам оглаживал окладистую бороду, сияя сильнее, чем его парадная золотая мантия.

– Ничья! – объявил судья. – По итогам двух соревнований победа за командой Института теневой и боевой магии.

– Это твоя победа, мышка. – Змей опустил меня на землю.

Трибуны взорвались радостными воплями. Кто-то сотворил разноцветные лепестки и запустил над ареной. Линзы показали лица команд, ректора, судью.

Оставив реликвии помощнику судьи, я отправилась караулить ректора у выхода.

На широком, местами присыпанном снегом, местами сверкающем лужами крыльце столкнулась с по-деревенски закутанной в шаль женщиной. Незнакомка пару минут смотрела на меня, потом поправила закрывающий лицо край платка. На пальце сверкнул перстень с большим изумрудом, внутри которого горела крохотная янтарная капля. Женщина нырнула за дверь, а я скатилась по поблескивающим лужицами воды и слегка обледеневшим по краям ступенькам.

У входа стоял ядрено-красный ректорский мобиль, рядом с ним сидел рыжий энфилд.

На лисьей морде элементаля воздуха было написано недовольство тем, что ему приходится ждать хозяина. Орлиные перья на передних лапах были сердито встопорщены, задние, волчьи, – царапали когтями камни мостовой. Быстрее энфилдов никого нет. Только если пройти через разлом. Но пройти через них можно только в определенных местах.

Так что личные мобили были нарасхват. Младшие братья промелькнувших незамеченными автомобилей медленно, но верно захватывали улицы городов.

К слову, автомобили не получили признания народа – топливо для них было редким и дорогим. А элементали у нас встречаются на каждом шагу. Вот и решили связать железную машину и их специальным артефактом. Результат всем понравился.

Кроме личных мобилей, имелись общественные духовозки. В них не было ни плавных изгибов и благородной «внешности», ни комфортного салона: смесь дилижанса и вагончика. Зато и оплата небольшая.

На крайний случай можно было проехаться верхом на энфилде.

В общем, элементали были весьма востребованным транспортом.

С грохотом распахнулись двери холла, и господин ректор в накинутом поверх мантии полушубке выплыл на крыльцо. Следом, точно утята за уткой, наша команда. Включая внезапно выздоровевшего парня.

Вот злыдень! Ну и ладно. Мне с ним один артефакт не делать и заклинания не править!

Я бросилась к ректору, спускающемуся по лестнице с видом победителя.

– Не уделите пару минут?

– Тебе, Леннет, сколько угодно! – довольно пропыхтел он в бороду, направляясь к мобилю. – Говори, что у тебя там стряслось?

Повелительным взмахом руки господин Крам отпустил нашу команду. Ребята обрадованно смешались с толпой.

– Вы бы не могли меня обменять?! – выпалила я.

– Боюсь, вы давно переросли возраст, когда родители могли вернуть вас аисту, – пошутил господин Крам и пробурчал, поглаживая бороду: – Что касается иных обменов… Вы действительно считаете, что я отдам каким-то теневикам такую перспективную адептку?

Он гордо косился по сторонам на охотно «греющих уши» горожан и студентов, делающих то же самое, но не так заметно.

Ладно… Как там отец сказал? Честность не всем нужна?

Насколько помню, не только папа таскает с собой артефакты для приватных бесед.

– Господин ректор, разрешите сказать вам пару слов наедине?

Господин Крам поморщился и нехотя кивнул. Все же я сегодня его гордость. А гордость не принято посылать лесом. Он вытащил из кармана артефакт и активировал, отрезая нас от любопытных ушей.

– Если вы не отправите меня к боевикам, через месяц, максимум три, у вас будет самая честная школа в Фидхольме, – не стала ходить вокруг да около я. – Причем все будут честными. И адепты, и преподаватели, и обслуживающий персонал, и вы…

Ректор нахмурился и погладил бороду.

– И в связи с чем у нас случится приступ честности?

– В связи со мной, – я развела руками, – и моим тлетворным влиянием.

Ректор дураком не был – сообразил, что выяснять детали не стоит. Некоторые семьи старательно хранят свои тайны. До семейного склепа, так сказать. Склепа того, кто решил узнать подробности. Но и излишним легковерием он не страдал. Хмуро изучая меня, продолжал поглаживать бороду.

– А вы оставьте меня, и сами все увидите, – предложила я.

– Тень тебя забери, Леннет, – вздохнул господин Крам, – отправляйся к своим темным!

Глава 2

Хорошее настроение не могла испортить никакая поездка в духовозке. Я потолкалась с пассажирами, с ними же попрыгала на кочках. Водитель только руками разводил – энфилд попался крайне вредный и находил неровности даже там, где по всем законам физики наш транспорт должен был скользить колесами по сплошной наледи. А еще элементаль не хотел сидеть внутри стен духовозки, поэтому наружу постоянно высовывалась его голова с крайне ехидной и довольной мордой. Так мы и подкатили к моей остановке: вагончик, слегка напоминающий карету, где на месте оглобель торчала голова рыжего лиса, и хор ругающихся пассажиров, припавший к окнам.

Но к домику, где снимала мастерскую и комнату, я все равно летела точно на крыльях.

Получилось!

В холле двухэтажного здания, которым владела госпожа Бевис, меня ждала коробка с материалами и записка из лавки. Поступил крупный заказ, и требовалось срочно разобраться с заготовками.

Напевая, я поволокла коробку в мастерскую.

Жизнь определенно налаживалась.

Оставив ношу на углу большого массивного стола, занимавшего центр комнаты, я приоткрыла окно, чтобы проветрить. Бросила в камин полено.

Саламандра, огненный элементаль госпожи Бевис, которого я, по ее словам, избаловала как последнюю кошку, а не ящерицу, тут же радостно накинулась на перекус.

Пока она ужинала, я сбегала к себе, отмылась от даров стадиона, переоделась в домашнее шерстяное платье. Сунула в карман «подарок» отца. Мельком глянула в зеркало и оценила проклюнувшиеся на носу веснушки. В городе снег, а у меня уже весна. Мама бы точно заставила выводить, а мне нравились солнечные поцелуи. Нравилось быть настоящей, живой.

А мама пыталась создать из нас с сестрой улучшенные копии себя в молодости.

В молодости мамулю считали одной из самых красивых девушек страны. Пророчили замужество за родовитым лаерном. Но она выбрала вместо дворянина папу – состоятельного и известного куда больше, чем некоторые захудалые дворянские семьи.

Мы не были лаернами, но мама считала, что ее дети должны быть не хуже отпрысков дворян. Брату повезло. Родительница озадачила его лишь правилами поведения. Дальше Бернарда воспитывал отец. А нас с Ненси – мама.

Сестричка была в восторге от всех этих этикетов, правильных подборов платьев в зависимости от времени суток… Устранения мелких «дефектов» внешности, которых у нее не имелось, но мама их с удовольствием находила.

Мне же просто хотелось изучать заклинания, колдовать.

К тому же мы с братом пошли в отца: прямой нос, овальное лицо, голубые глаза. Нормальная, вполне симпатичная внешность, но, по мнению мамули, обычная. И такой внешности обязательно требовалась изюминка или корзина изюма из чудес косметической магии, чтобы стать распрекрасной.

Естественно, ни я, ни брат обрастать «изюмом» не хотели.

Наверное, поэтому я подумывала подкрасить синие пряди специально, когда то, что уже есть на моей голове, отрастет…

Вернувшись в мастерскую и первым делом пошарив по ящикам шкафов, я отыскала тонкие светло-коричневые перчатки, напоминающие обычный дамский аксессуар. Незаменимая вещь в работе любого мага прикладной или бытовой магии. Они защищали руки от неприятных сюрпризов, связанных с чужими заклинаниями.

Но прежде чем приступать к работе, надо узнать все подробности, касающиеся нашего семейного проклятия.

Отложив перчатки, я вытащила прозрачную пирамиду. Дотронувшись до вершины пальцем, активировала.

Над столом тут же появилось сосредоточенное лицо отца.

– …Точное время появления проклятия правды в нашей семье неизвестно, – сразу с места в карьер начал родитель. – Предположительно десять поколений назад оно появилось у дочери главы семьи, она была вторым ребенком. Возможно, проклятие было наложено обманутым клиентом. Кем именно – не удалось выяснить…

А дальше отец сухо перечислил тех, кому повезло стать ходячим артефактом правды для окружающих. И себя.

– …Не только окружающие начинают говорить правду, проклятие заставляет быть правдивым хозяина… – вещала запись.

Дальше шли подробные перечисления того, чем именно это может быть чревато. Скандалами, судами, разводами… С браком, к слову, тоже была загвоздка: сила проклятия росла, если владелица выходила замуж. Даже обручение могло усилить проклятие. Поэтому мечты о счастливой жизни с прекрасным принцем придется оставить…

Обидно! Не то чтобы у меня толпа принцев под окнами сидит… но какая девушка не мечтает влюбиться? Я мечтала. И вдруг…

Дальше в записи перечислялись методы, которые перепробовали, чтобы снять проклятие.

Отец не солгал, сказав, что все испробовано до меня. Но верить в то, что выхода нет, я категорически отказывалась. В конце концов, магия не стоит на месте. Раньше не получилось, теперь выйдет! Надо только добраться до лучшего проклятийника в Фридхольме. А если и он не поможет, наше королевство не единственное в мире…

Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, я сходила к себе в комнату, оставила пирамиду с записями на тумбочке, сунула в карман напоминающую прозрачный леденец линзу: утром свяжусь с деканатом, узнаю, когда отправляться в институт теневиков.

Обратно в мастерскую вошла с желанием творить. И вытворять.

А вытворять мне предстояло много. Без малого пятьдесят основ под согревающие кольца ждали меня в коробке.

Неудивительно, что я немного заработалась…

И тихие трели ледяных элементалей, крохотных, напоминающих ледяных синиц духов, стали полной неожиданностью.

– Только не стол! – Я вытянула руку, но пальцы лишь скользнули по краю бумажного треугольника, запорхнувшего в приоткрытое окно.

Зимние духи, доставив почту, улетели.

Письмо с размаха грохнулось на только что доделанные заготовки для артефактов.

Круглые основы, напоминающие кольца, бодро посыпались со стола, не успевшие закрепиться искры огненной магии засверкали в воздухе. А треугольник плотной бумаги все скользил по столешнице,

грозя уничтожить мою работу подчистую. Скользил и счастливо шуршал.

В душе росло радостное желание найти того, кто его прислал, и… заставить переделывать заготовки для артефактов! Все пятьдесят штук!

И кто у нас счастливчик?

Схватив письмо, я сердито покосилась на россыпь заготовок под ногами. Сломав печать, на которой был выдавлен мой адрес и имя, развернула бумагу, пробежала глазами ровные строчки. Поморгала, потому что возникли сомнения в собственной адекватности.

Все же соревнование и полсотни заготовок, после такого и император на пороге почудится!

Не помогло.

В свитке был брачный договор! Мой брачный договор. Согласно ему, я была глубоко замужем. Уже сутки.

Ну да – замужем! Отец скорее выкупит мне целый квартал домиков, чем выдаст замуж. Так что мимо, господа шутники!

Я скомкала бумагу и ловко закинула в камин.

Саламандра, скользнув по тлеющим углям, сцапала добычу.

– Приятного аппетита! – улыбнулась я, наблюдая, как ящерка с видом дегустатора пробует край моего брачного договора.

Пока она изучала закуску, я собрала с пола заготовки, сложила их на краю стола, осторожно переместила уцелевшие в шкатулку.

Как раз ставила ее на полку, как в камине закашлялась саламандра, а мне на голову с ехидным шорохом спланировал договор. Свернутая трубкой бумага стукнула по макушке и свалилась в руку, выбив шкатулку. Та со скорбным звяканьем приземлилась на пол.

Я с ненавистью уставилась на свиток, совершенно не помятый и даже ни капли не подгоревший.

Поставив шкатулку на стол, я снова старательно смяла договор. Достала из ящика стола зажигательную палочку и щербатую тарелку, высыпала из нее запасные детали. Установила ее на столешнице, сунула туда бумажный комок и подожгла.

Брачный договор вспыхнул ярко. Но радовалась я недолго. Пламя с хлопком погасло, плюнув мне в лицо облачко копоти. А целая и невредимая бумага с громким шелестом начала разворачиваться и распрямляться!

Это война!

Выдвинув ящики стола, я вытащила запасы артефактов.

Свиток не горел ни синим, ни обычным пламенем, не намокал, не становился пеплом! Только комкался. Но удовольствия от этого было мало: вредный кусок бумаги тут же распрямлялся.

Неизвестная магия охраняла его целостность. Похоже, шутник хочет, чтобы я дочитала и насладилась? Наслажусь. А потом найду автора этого пасквиля и устрою ему день жизни без бытовых заклинаний. Восстановлю естественную среду, так сказать.

Усевшись в кресло, я приступила к чтению.

Заключали брачный договор по всем правилам конспирации и седой древности. Личности подписавших договор от моего и имени жениха скрывала магическая пленка. Убрать ее можно было одним способом: встретиться со счастливым новобрачным и сложить вместе два договора.

А вот мой жених, напротив, являлся личностью известной.

Лаерн Стейн Борг, наследник древнего рода. Рода, считавшегося мертвым и внезапно воскресшего в лице этого самого наследника. Появился он аккурат ко дню, когда собственность лаерна должна была отойти короне. Это все, что я запомнила про того, чье имя мелькало в новостных колонках газет, которые я ради любопытства просматривала через линзу. Интересно, а ему тоже прислали письмо? Или мне радоваться в одиночку?

С удовольствием смяв договор, я забросила его в камин. Саламандра опасливо покосилась на бумагу, а та развернулась и легла на угли, будто в насмешку демонстрируя мне текст.

Не стоит издеваться над бытовыми магами, даже очень усталыми. Особенно теми, у кого морозный ветерок игриво шевелит занавески на приоткрытом окне, работая вместо бодрящей микстуры!

Я вытащила из кармана, скрытого в корсаже платья, набор инструментов для изучения артефактов. Или набор домушника, как, морщась, его называл отец. Вынула тонкий стальной крючок, шагнула к камину и подцепила треклятую несгораемую бумажку.

Раздался мелодичный перезвон дверного колокольчика. Но тут же оборвался на трагическом звяке и закончился грохотом, словно кто-то распахнул дверь с ноги вместе с охранными чарами и замком.

– Что вы творите?! – тут же раздался возмущенный вопль домоправительницы. – По какому праву вы рушите наш дом?!

– По праву мужа, – отрезал ледяным тоном смутно знакомый мужской голос.

– Чьего?

– Явно не вашего.

Под сердитый вскрик госпожи Бевис дверь мастерской открылась. Громко стукнула о стену, криво повисла на петлях.

Я замерла от удивления, глядя на гостя. Русые волосы, стянутые в хвост, васильковые глаза, гибкая фигура, закутанная в плащ.

– Змей?

Представление команд я пропустила, потому что меня еще не доволокли до стадиона. Поэтому имени теневика не знала. Погодите… Он что, и есть тот внезапно обнаружившийся наследник?

– Заметаешь следы? – предположил Змей, оказавшийся лаерном Стейном Боргом, глядя на бумажку на крючке.

– Провожу опыт. – Грозные взгляды и зверский тон перестали действовать на меня лет с пятнадцати.

– Уничтожить не удастся, ты перестаралась с защитой. – Теневик оказался рядом, навис угрожающе. – И как? Нравлюсь?

– Не особо. Но быть твоей женой мне не нравится больше. – А еще мне не нравилось задирать голову, поэтому я обогнула супруга – тени побери шутника! – подошла к столу, сдвинула несчастные артефакты и положила бумагу и крючок.

Теневик повернулся следом. Пола пальто и штанина оказались в непозволительной близости от камина, а у саламандры после неудачного поедания брачного договора случилось отвратительное настроение.

Остановить ее можно было лишь одним способом. Я выдвинула ящик стола, цапнула артефакт для полива. Подобрав юбку, прыгнула к теневику. Тот насмешливо вздернул бровь, явно собираясь что-то сказать, но тут его пальто затрещало и вспыхнуло. Саламандра, радостно попискивая, понеслась вверх по ткани.

Я направила на нее артефакт, нажала камни на ободке. Вода тугой струей ударила прямо в теневика, как раз в этот момент сдернувшего пальто. Пальто улетело на пол, где его тут же начала жевать упрямая саламандра. В воздух поднялись облачка пара.

С артефакта в моей руке капало. С теневика текло.

– Прежде чем ты в дополнение к принуждению к браку обвинишь меня в собственном утоплении, скажи: договор с тобой? – торопливо выпалила я, пока он опять не озверел.

– Хочешь подтвердить свою вину? – процедил сквозь зубы Змей, стирая с лица капли воды.

– Хочу узнать имя того, кому испорчу все артефакты в доме, чтобы ему жилось легко и хорошо! И без магии!

Теневик неожиданно усмехнулся и кивнул на пол. Там саламандра возмущенно шипела на близнеца моей бумаги. От пальто не осталось ни клочка.

Я бросила артефакт на стол, наклонилась и цапнула договор супруга.

Тут в холле раздался протяжный рык.

– Что ты сделал с моей домоправительницей?

– Обездвижил.

– Тебе конец, – с сочувствием сообщила я.

Некоторые люди страшны в гневе. Так вот: моя милая домоправительница была очень страшна в гневе! Потому что обладала магией тлена, звериной силой и такой же логикой. Однажды к нам залез вор. Так через десять минут стража снимала его со шпиля колокольни, его одежда осыпалась лоскутами, а он сам заикался и молился.

Избежать гнева госпожи Бевис можно было двумя способами: собственно, или быстро убежать, или спрятаться. Вор понял это не сразу.

Я покосилась на Змея… Борга… Стейна. Нет, этот бегать не станет! Бегло осмотрела мастерскую. Рычание в гостиной усиливалось. Надо же, я раньше и не замечала, что тут так мало мест, пригодных для прятанья мужей!

Шкафов три, больших и основательных, но внутри полки. Узкие, на неубиваемых креплениях. Сама заказывала, чтобы выдержали артефакт любого веса. На них он не поместится.

Стол – не убежище, разве что мой супруг сможет отгородить нас им вместо двери? Но он не похож на атлета. Поэтому вряд ли.

Камин? Он в мастерской огромный, чтобы прожорливой саламандре всегда хватало пищи и простора. Но дымоход обычный.

Портьеры на покрытых морозными узорами окнах чисто символические, шириной с пару ладоней. Потому что больше ткани – больше вероятность устроить пожар. За окном заснеженные кусты жимолости. Но лучше колючки, чем домоправительница!

– Вылезай. – Я показала на приоткрытую створку.

Саламандра насмешливо зашипела из камина. Пока я размышляла, куда девать мужа, она забралась назад.

– Мне не настолько жарко. – Стейн насмешливо посмотрел на меня сверху вниз. Он был слишком близко, чтобы избежать брызг с его мокрых волос.

Отодвинувшись, я пожала плечами.

– Тогда тебе придется воевать с моей домоправительницей.

– Я не воюю с женщинами.

Вот это новость! А кто за мной по арене гонялся? И потом…

– Ну, пару минут назад ты на меня очень вдохновенно рычал, – напомнила я, не отказав себе в скромной женской радости: ехидстве.

– А что ты решила, получив договор?

– Что у кого-то отвратительное чувство юмора. – Я постучала пальцем по столешнице рядом с нашими договорами. – Давай уже посмотрим, кто решил испортить нам жизнь?

И тут в холле раздалось радостное рявканье. Потом топот.

Змей нахмурился.

Да, походка у моей домоправительницы в злом состоянии тяжела.

– Можешь забаррикадироваться столом, – снова предложила я, – но тогда ты будешь должен новый стол.

Стейн раздраженно поморщился и скрестил руки на груди, спокойно глядя на дверь.

Я с сожалением покосилась на заготовки. Жаль их. Сцапала договоры, свой и супруга.

Тяжелая поступь госпожи Бевис звучала все ближе. Секунда – и в мастерскую влетел вихрь из юбок, когтей и развевающейся бахромы от шали. Да, в таком состоянии моя домоправительница очень быстрая.

Госпожа Бевис сразу же накинулась на Стейна. А тот взял и… поймал рычащую даму. И, держа на вытянутых руках, удивленно констатировал очевидное:

– Берсерк.

– А ты что за бес?! – рыкнула ошарашенная домоправительница. Когти оставляли глубокие царапины на его руках, а магия тлена быстро превращали одежду в кучу лоскутов.

А он держал. Держал берсерка!

– Мой муж, – ответила я, озадаченно глядя на Змея.

Госпожа Бевис покосилась на меня и немного успокоилась. Когти исчезли, зверское выражение с лица тоже.

Стейн тут же поставил ее на пол.

Домоправительница поправила шаль, трагически вздохнула и протянула ее теневику. Как раз вовремя: его одежда окончательно дотлела, и он оказался в костюме первого человека, только с шалью вместо фигового листа.

Сложен он был отлично… прямо смотреть и смотреть… и его ничуть не портили царапины и… тонкие белые нити шрамов на руках и груди…

– Как муж? Откуда муж? – переспросила домоправительница.

– Да вот, завелся как-то сам, – хмыкнула я. – У вас тараканы, а у меня вот… муж.

Змей сверкнул глазами. Очевидно, это означало, что он не завелся, а если заведется, мне не поздоровится.

Госпожа Бевис выудила из складок юбки зеркальце, поправила волосы, нахмурилась, глядя на отражение, и пробормотала:

– Пойду-ка я отвара успокоительного заварю! Себе, литров шесть.

Едва она переступила порог мастерской, мы со Змеем, завернутым в шаль на манер полотенца, дружно придвинулись к столу.

Я приложила договоры друг к другу боком. Опустила пальцы на край своего, Стейн дотронулся до своего.

Пленка на месте имен наших доверенных лиц начала неторопливо таять. Словно лед под лучами солнца, она истончалась неравномерно. Части букв возникали в хаотичном порядке.

Теплое дыхание щекотно коснулось щеки, горячая рука – моего плеча. Крохотные волоски на шее встали дыбом, по спине заспешили суетливые мурашки. Не привыкла я, что рядом со мной стоят совершенно чужие индивиды в шали. Это не брат в полотенце, к которому ты заскочила сказать, что вместо завтрака надо готовиться к банкету у очередного делового партнера отца… Но все это меркло

и бледнело перед треклятыми буквами, выползающими из-под пленки со скоростью разбитой параличом улитки!

– Чай! – В комнату вплыла, чинно шурша юбками, госпожа Бевис с подносом.

Платья в пол, еще и с дивизией подъюбников, носят только в далеком островном Дааране. Моя домоправительница как раз была оттуда. И выглядела в своих закрытых платьях и пышных юбках до подошв ботинок так, словно сбежала из проекции, как одевались сто лет назад.

Меня ее манера наряжаться совершенно не волновала. А она не пыталась переодеть меня в «приличное», принятое у нее на родине. Так и жили.

Наученная опытом (все, что валяется в мастерской, может не валяться, а лежать в художественном беспорядке), госпожа Бевис вначале высмотрела свободную часть стола, а потом поставила поднос.

– Это вам. – Она протянула Змею рубашку, потрепанные штаны, шинель и видавшие виды сапоги. Очевидно, ограбила комод, где лежали старые вещи для кухонных тряпок. – Любимые вещи моего мужа, – чинно сложив руки перед собой, смиренно сообщила она.

Да, любимые. Ее супруг любил в них пугало наряжать на их ферме. Два дырявых сапога и шинель, напоминающая решето и доставшаяся ему от деда-военного, не только ворон доводили до икоты, нежить заставляли обходить их огород стороной!

– Благодарю. – Змей тоже мог быть учтивым.

Госпожа Бевис неторопливо выплыла из мастерской. Судя по блеску глаз домоправительницы, месть за ловушку удалась на славу.

– Непростая у ее супруга была жизнь, – оценив прорехи на ткани и трещины на сапогах, усмехнулся теневик.

Госпожа Бевис услышала – из холла донеслось:

– Что вы! Жил он хорошо! Только экономный был очень. Да осветит солнце его загробный путь!

– Судя по всему, жизнь была хорошая не у господина Бевиса, а у мышей, – Змей дотронулся до дырок на шинели, – и моли.

– Очень хорошая, – согласилась я, изо всех сил стараясь не смеяться: жених примерял шинель. – На чердаке до сих пор такие экземпляры летают и бегают, что их никакие отпугивающие артефакты

отпугнуть не могут. Того и гляди сыр из кухни прямо головкой укатят или шубу из шкафа унесут!

– И как они тебя до сих пор не утащили, мышка?

– А они на диете, полосатых не любят. Холл, штора, дверь шкафа, – перечислила я места для переодевания из шали в дары домоправительницы.

– Просто отвернись.

Мне несложно, но голый парень за спиной, не прикрытый ни домоправительницей, ни ее шалью, – это слишком даже для такого невыспавшегося и злого бытовика, как я!

– Чем штора не устраивает?

– Слишком далеко. – Стейн бросил вещи на край стола и взялся за узел на шали.

Я рывком отвернулась. Чудом сдержалась, чтобы не отпрыгнуть подальше. Спокойно, это всего лишь голый… муж.

Тихо хихикнув, я успокоилась. В его словах имелся здравый смысл: вдруг, если отойдем, договоры обратно все пленкой затянут? Но я все же незамужняя… то есть не видевшая… то есть видевшая за свои двадцать лет голого мужчину дважды: сейчас и когда соседка по столу в школе подпортила сделанный артефакт, и наш новый и до безобразия молодой преподаватель оказался под прикрытием сгустка магии и кактуса, сдернутого с подоконника! А тут…

А тут за спиной раздался треск.

Я подпрыгнула на месте и с беспокойством спросила:

– Договоры?

– Нет, это я.

– Старость? – не удержалась я от шпильки.

– Не буди во мне гиппогрифа, мышка. – И следом удивленное: – Какого демона?

– Опять ты?

– Нет, договоры. Я одет.

Повернувшись, я мельком глянула на местами разлезшийся и явно узкий теневику наряд и уставилась на листы. Имена наших «благодетелей», заключивших брак, не проявились! Вместо них над бумагой возникли огненные буквы с переливами серебра:

«Корона на ее голове сияла ярко, но потускнела. По левую руку от солнца сидит, забытая всеми».

– Загадка? – Змей насмешливо покосился на меня. – Все-таки подделка, да, моя хитрая мышка?

– Нет, мой упертый змей! – огрызнулась я. – Если и подделка, то не моя. Слушай, чего ты так упорно пытаешься сделать меня виноватой, а? Тебе, конечно, сложно поверить, но мне замуж нельзя, вот никак. И вообще, может, это ты сам нас обручил?

– И стишок сочинил, – ядовито подсказал теневик.

– А что? Кто знает, какие у тебя скрытые таланты? – Я еще раз прочитала странное послание, висящее перед носом.

Ну и кто ты, наш таинственный «благодетель»? В голове была только одна кандидатура, но она казалась слишком невероятной.

– Подлинность этих бумаг можно легко проверить. Прогуляемся в мэрию, мышка? – предложил теневик.

– С удовольствием, змейчик!

– Стейн.

– Мартина.

Пару минут спустя я маршировала по заледеневшей улице под руку с теневиком, одетым в побитую молью шинель и слегка потрескавшиеся сапоги. В витринах мелькало наше отражение: породистый лаерн в костюме оборванца и я, худощавая, бледнолицая гирька в меховой накидке с капюшоном.

В светлое здание мэрии вошли так же.

Теневик не стал откладывать проверку в долгий ящик: поймал первого попавшегося клерка, сунул ему под нос листы.

– Мы с невестой хотели бы удостовериться в правильности оформления документов.

Клерк, парень на пару лет старше меня, радостно повернулся в его руке, и, вися на собственной одежде, сложил ладони вместе. Тонкие браслеты на его запястьях, исписанные символами и пропитанные магией, соприкоснулись, и перед нами появилась голубая полупрозрачная книга.

– Лаерн Стейн Борг и госпожа Мартина Леннет, – подсказал теневик, отпуская его ворот.

Страницы книги зашевелились и замерли. Над ними появилась выдержка, крупные буквы голубого цвета были беспощадны:

«Лаерн Стейн Борг и госпожа Мартина Леннет… Брак заключен… Обряд номер… проведен согласно единому

протоколу по заключению браков от 1222 года от правления…»

Вот черт!

Не подделка. И даже больше того, нас обручили по древнему обряду! Расторгнуть его можно только с личного разрешения императора. Имелся и еще один подвох: заключаешь брак, а через шесть месяцев ни одна мэрия вас не разведет. Не успел. Даже император не поможет.

Не так я представляла собственную свадьбу!

Цветы, гости… А тут злющий теневик и перепуганный клерк, который не мог удрать от нас лишь потому, что этикет общения с клиентами не позволял.

– Кто подписал договор? – тихо и весьма проникновенно выдохнул Стейн.

– Так вот-с! – пискнул клерк, ткнув пальцем в подписи под текстом.

В отличие от наших договоров, там все было написано предельно точно и ясно:

«Ее императорское величество лаерна Белинда Брабел».

Вот тебе и «Корона на ее голове сияла ярко, но потускнела. По левую руку от солнца сидит, забытая всеми».

Солнцем себя именует наш император. По правую руку от него сидит принцесса, по левую – его мать. И корона на ее голове как раз потускнела, потому что теперь «сияет» ее сын.

– Вдовствующая императрица? – пробормотала я, борясь с желанием потереть глаза.

Змей уверенно кивнул.

По слухам, матушка правителя – дама с чудинкой. То всех слуг разгонит, то годами из покоев не выходит. А вот желания поженить всех и вся у нее не наблюдалось – сын как ходил гордой поступью среди придворных дам, так и ходит. Радуя и их, и журналистов всех мастей. Романов у него больше, чем муравьев у разбитой банки варенья. Наследники? Имеются. Принцесса – признанный бастард. Так что в плане «кому отдать корону в случае кончины императора от любовной горячки» полный порядок. Вот она, наследница.

А тут вдруг нате вам!

Ну и зачем вдовствующая императрица решила обручить двух незнакомых ни ей, ни друг другу людей?

Или знакомых?

Глава 3

– Признавайся, чем ты разгневал мать императора, что она решила тебя окольцевать? – тихо спросила я, глядя, как обрадованный клерк скачет через холл, а следом за ним летит магическая книга, пугая редких припозднившихся посетителей.

– Я разгневал? – Стейн смерил меня насмешливым взглядом.

Мы направились к двери.

– Ну а кто из нас наследник древнего рода? – Выходя наружу, я покосилась на Змея.

– А кто дочка одного из крупнейших торговцев тканями?

– Не настолько крупного, чтобы торговать с двором. – Отца это очень злило. Однако все «сочные» места во дворце были давно заняты. Чужих туда на залп орудий не подпускали. – К тому же из нас двоих внезапная находка и адепт престижного института – ты!

– Вот именно, и выйти за меня выгодно именно тебе, – поморщился Стейн, закрывая за мной дверь.

Мы остановились на крыльце.

– И тебе тоже, – буркнула я.

А что? У него имя, у меня отец не последний торговец тканями королевства.

– Хорошо… – Стейн задумчиво потер пальцами русую бровь. – Не ты и не я. Будем считать, что мы оба жертвы некомпетентности придворного доктора, просмотревшего явное душевное расстройство старой женщины…

– Будем считать, – согласилась я.

Прохожие бодро скользили по своим делам. Потрескивали фонари. Духовозки и мобили постукивали колесами, спеша по своим делам. Энфилды, сидящие у свободных наемных мобилей, пофыркивали, ловили на кончики лисьих морд падающие снежинки. Зеленели почки, припорошенные снежной крошкой. Все так мирно, привычно…

И если подумать, ничего страшного не произошло. Просто план избавления от проклятия осложнился внезапным браком. Браком, расторгнуть который может только император. А к нему еще попробуй

подберись. И на него у меня совсем другие планы. Интересно, достаточно ли для развода только просьбы Стейна? А если нет? В какие дали отправит император нахальную девицу, решившую обратиться к нему сразу с двумя просьбами?

– Значит, так, Мартина. Я все исправлю. – Стейн едва заметно улыбнулся. – Про наш брак никому ни слова. Учись и живи спокойно. Я все сделаю. Мы будем свободны.

А в домик не переехать, случайно? В уединенный?

– Не получится, – глядя в васильковые глаза, кажущиеся темными при свете фонаря, улыбнулась я.

– Что? – не понял теневик.

– Учиться и жить спокойно. Я к вам еду по обмену.

– Тоже за дипломом для родителей, что ли? – поморщился Змей.

Я отрицательно покачала головой.

– За замужеством? – криво усмехнулся он.

– Не поверишь, но нет. За славой и признанием. – И мысленно добавила: «И личной аудиенцией императора».

Стейн смерил меня удивленным взглядом.

– Не выйдет.

– Почему?

– Ты шустрая, мышка, но этого мало, чтобы попасть в команду. – Теневик поправил съехавший с моей головы капюшон.

Лихо он меня в запас списал. Прямо как отец в свой домик.

– А я тебя удивлю, – упрямо выдвинула подбородок.

– Ты всегда такая вредная?

– Нет. С понедельника по пятницу.

Стейн навис надо мной. Я упорно смотрела ему в глаза, стараясь не замечать, как мало вдруг стало воздуха, а тот, что остался, будто прошивали грозовые разряды.

– Стейн! – Радостный мужской голос прервал поединок взглядов.

К нам шагал носатый блондин из команды Змея. Следом маршировали остальные. Кудрявый гигант держался рядом с опять чем-то недовольным Юргеном. На плече каждого боевика висел небольшой рюкзак. У блондина два.

– А мы тоже решили в мэрию заглянуть, узнать, где тут приличное место, чтобы снять на ночь комнату, поесть и… отдохнуть. А то в гостинице, адрес которой нам дал ректор, цены такие, словно там

личные покои императора. И комнаты – прямо оранжерея: плесень, клопы, тараканы на любой вкус! А через дыры в полу и стенах можно с соседями говорить, – пожимая руку Змея, выдал блондин. – А ароматы с кухни такие, что даже зомби не позарится.

Знаю я эту обитель экономии в царстве тараканов, ректор ее всем гостям школы и знакомым советует. Ну а как? Сим заведением владеет тетка двоюродной сестры жены ректора. А он свою родню любит. И регулярно обеспечивает ей заработок.

– Что за маскарад? – Блондин отдал другу второй рюкзак и теперь с интересом разглядывал его наряд.

– Неудачно зашел на огонек, – отшутился Змей.

– Огонек, судя по твоему виду, пылал жарко, – хмыкнул блондин. – Привет, реликвия! – добавил он, глядя на меня. – Мартина? Правильно, лапушка?

Я кивнула. Комплимент приятно согрел душу, хоть и был нарочитым. Как у торговца на рынке, у которого все покупательницы красавицы.

Змей едва заметно поморщился.

– А я Кристоф, – продолжал, лучась приветливой улыбкой, блондин. – А это Вардкес…

Он ткнул пальцем в сторону кудрявого здоровяка. Тот склонил голову и прогудел:

– Вард.

– Юргена ты уже знаешь, – представил чокнутого теневика Кристоф.

Шатен лениво проследил взглядом за проехавшей мимо коляской, запряженной огненно-рыжим энфилдом. На ней катались туристы, желающие почувствовать себя в древних временах. Чем их, туристов, не устроили лошади, хозяин повозки умалчивал.

Я тоже сделала вид, что вместо Юргена вижу фонарный столб.

– Узнал что-нибудь? – Кристоф повернулся к Змею. – Куда нам направлять свои стопы, капитан?

Теперь ясно, чего он ими так лихо командовал и откуда у него замашки все за всех решать. Кстати, о решениях.

– Полквартала на север, и вы сможете снять уютные комнаты и хорошо поесть. – Я махнула рукой, показывая направление.

Госпожа Бевис редко сдавала комнаты на один день, но, думаю, для четверки парней она сделает исключение.

Сейчас та самая пора, когда уже не зима и кататься на лыжах и ледянках не выйдет, разве только с веслами. Но еще не совсем весна, и сделать снимок себя на линзу на фоне цветущих Эдисских гор тоже пока еще проблематично. Поэтому туристов почти нет. И владельцы съемных комнат мечтают о скорейшем потеплении или ледниковом периоде. А погода радует чем-то средним… Вот я и решила порадовать домоправительницу новыми постояльцами.

За год, что я у нее жила, женщина стала мне кем-то вроде бабушки. Заботливой, понимающей, которая всегда может довести вора до икоты.

– Полквартала на север, спасибо, лапушка, – расцвел Кристоф.

Обхватил рукой Юргена за плечи и потащил в указанном направлении. Вард потопал следом. Замыкали шествие мы со Змеем.

Я прожила в Йоне всю жизнь. Для меня были привычными улочки, то поднимающиеся, то резко уходящие вниз. Дома, точно грибы, растущие по их сторонам. Горные вершины в шапках ледников, которые видно даже ночью.

Мне было странно слушать восторженные вопли Кристофа, сердитое бурчание Юргена, что видел и получше. И подбадривающее сопение здоровяка Варда, очевидно, означавшее, что шатен не прав и великан поддерживает говорливого блондина.

Было удивительно замечать, как улица идет волнами, а дома будто пляшут по ней!

Змей же, напротив, оставался совершенно равнодушным.

– Не любишь горы? – спросила я, поглядывая на сосредоточенное лицо теневика.

Он пожал плечами:

– Это всего лишь неровность ландшафта.

Как все запущено!

Мы как раз подошли к светлому крыльцу дома госпожи Бевис. Прежде чем вваливаться внутрь в компании парней, я позвонила в дверной колокольчик.

Госпожа Бевис встретила нас в холле с кружкой успокоительного чая.

– Тоже сами завелись? – отпивая пахнущий травами отвар, спросила она, разглядывая выстроившихся за моей спиной теневиков и Змея, помогающего мне снять накидку.

– Ага, – улыбнулась я, показывая на шкаф для уличной одежды в углу.

Стейн тут же сунул туда мою накидку и свою дарственную шинель. Остальные не торопились разоблачаться.

– Вы же не оставите на улице четверых несчастных? – спросила я у домоправительницы.

– И твои несчастные, конечно, очень приличные создания? – скептически нахмурилась госпожа Бевис.

– Самые приличные! – заверил Кристоф.

Домоправительница покосилась на Змея.

– Мы не причиним неудобств, – подтвердил он. – Нам нужны комнаты только на ночь.

Не причиним – дверь слегка выбьем, и все. Я прикусила язык. Скажу про дверь, придется пояснять, с чего вдруг теневик решил ее вышибить. И радость победы, и страстное желание видеть меня еще раз, просто чтобы узреть мой неземной лик, его друзей вряд ли устроит в качестве объяснения.

– Четверть серебряного за всех. – Домоправительница допила отвар. – Две комнаты, селитесь по двое. Сдам на сутки. Ванная и удобства на этаже, в конце коридора. Плюс плотный ужин и основательный завтрак – столовая внизу. Ужин подам через пятнадцать минут. Не шуметь, чужих не приводить.

Змей согласно покивал.

– Вы наша спасительница! – обрадовался Кристоф.

Здоровяк Вард растянул губы в улыбке. Юрген придирчиво изучал стены.

– Прошу. – Домоправительница направилась к лестнице, ведущей на второй этаж.

Пока парни снимали плащи и поднимались за госпожой Бевис, я ускользнула в мастерскую. Прикрыв покосившуюся дверь, уселась за заготовки.

Тихо потрескивали дрова в камине, довольно посапывала на углях саламандра, ветер бросал в стекло на окне снежинки, скреблась ветка

куста. Тикали часы. В воздухе витал едва заметный сосновый аромат канифоли.

Надев перчатки, я закрепляла искры огненной магии на кольцах и складывала их на стол. Если хоть кто-нибудь еще раз уронит мою работу на пол… загрызу! И плевать, что людям кусаться не положено.

Пока руки были заняты, в голове крутился целый рой мыслей. Проклятие, замужество. Слова Змея, что у меня не выйдет стать частью его команды. Самое обидное, он прав: умения шустро уворачиваться от противников мало, чтобы выстоять против боевого мага. Только вот выбора у меня нет. Либо сделаю невозможное, либо уютный домик и все, что нужно для жизни, кроме самой жизни. Еще и женитьба эта…

Последнее кольцо с алой каплей огненной магии на ободке легло на стол.

Я ревниво покосилась по сторонам.

Саламандра опасливо попятилась от решетки в глубь камина.

Решив зазря не рисковать, я подтянула коробку, в которой прислали заготовки, и начала складывать их, проверяя крючком, плотно ли закрепились искры.

Дверь с истеричным воплем приоткрылась, и я чуть не снесла крючком искру с ободка.

– Мы недоговорили. – В мастерскую вошел Стейн, переодетый в нетронутые молью рубашку и брюки, с мокрыми волосами, все так же стянутыми в хвост.

Закрыл криво висящую дверь. Посмотрел на нее задумчиво, поднажал. Петли возмущенно заскрипели, деревянное полотно плотно встало на место.

Будто в насмешку, за дверью грохнуло, потом послышалась мужская ругань.

Мы с теневиком удивленно переглянулись. Змей шагнул к двери, потянул, дернул на себя.

Дверь стояла намертво.

Стейн поднажал. Ручка осталась в его пятерне.

Дверь стояла.

На ходу поправляя защитные перчатки, я бросилась к камину.

– Извини, дорогая, но придется немного поработать. – Я цапнула саламандру за хвост.

Элементаль возмущенно запищал, пытаясь достать до моих пальцев. Не обращая внимания на его вопли, я кинулась к двери. Змей в недоумении нахмурился.

Я приложила саламандру к петлям. Запахло паленым: затрещало, прогорая, дерево.

Я отпрянула от двери.

Деревянное полотно с грохотом рухнуло на пол, на месте петель остались выжженные дыры. Сами петли сиротливо висели на косяке.

Змей оттеснил меня и выскочил первым, на ходу сплетая черную сеть заклинания. Я, саламандра и ее дурное настроение рванули следом.

Понеслись на звук: раскатистая, замысловатая, как кружево, ругань звучала со стороны входной двери. Проскочив через холл, я выпала следом за теневиком на крыльцо и от удивления чуть не выронила саламандру.

Снаружи теневики, встав плечом к плечу, оборонялись от четверки незнакомцев с закрытыми магией лицами.

– Мартина, не высовывайся, – скомандовал Змей, бросаясь к товарищам и на ходу раздавая приказы: – Вард, прикрываешь дом. Юрг, Кристоф, смотрите в оба. Я пошел.

Блондинистый теневик кивнул, в его кармане что-то засветилось темно-синим цветом. Кристоф отвлекся на мерцание, чем и воспользовался один из бандитов. Заклинание снесло блондина с ног. Змей выругался. Крепыш Вард прикрыл полупрозрачным, напоминающим пузырь щитом Кристофа и фасад дома.

Юрг и Змей вдвоем остались против четверых. Троих. Черная сеть Змея оттолкнула несущиеся в теневиков заклинания. Юрг ударил – и вырубил одного из нападавших.

И все равно превосходство было не на их стороне.

Тряхнув саламандру, я наскоро сплела заклинание, которым прачки подсушивают белье: получился поток теплого ветра. Вместе с ним я запустила небольшого и легкого элементаля аккурат под щитом Варда.

– Фас их! – не зная, что скомандовать, выпалила я.

Саламандра от удивления перестала пищать. Воздушный поток поднес ее к ногам бандитов и потащил дальше. Не растерявшись, элементаль плюнул огнем. Бандиты дрогнули, улица наполнилась

ароматом жженой шерсти. Бандиты с руганью кинулись тушить полы пальто, брюки и сапоги. Змей и Юрг накинули на супостатов черную сеть и спеленали. Выскользнувший из-за щита Кристоф что-то сделал с «неводом», и на землю упали три ругающихся свертка со сверкающими от злости глазами.

Саламандра с довольным видом долетела на воздушном потоке до крыльца и, сердито шипя на меня, приземлилась на камни мостовой.

В кармане блондина снова замерцало. Закатив глаза, он замер на полпути к четвертому бандиту, сбитому Юргом в самом начале, и вытащил светящуюся линзу.

С их помощью можно не только показывать в небе проекции, но и записывать их и передавать на другие артефакты. А еще связываться друг с другом, если хочется поговорить.

Судя по тому, как перекосило Кристофа и как мрачно переглянулись Змей с Юргом и Вардом, теневики видеть настойчиво взывающего их абонента не хотели. А вот он их очень даже хотел.

Линза выскользнула из руки блондина, закрутилась волчком на месте, и на дорожку у крыльца шагнула проекция высокого плечистого мужчины лет пятидесяти. В темном плаще, застегнутом на все пуговицы.

Ого! Вот бы мне такую линзу. Но нет, у меня как у всех: вызвал– ответил. И картинка только по плечи… И никаких принудительных ответов без желания абонента. Кстати, а это вообще законно?

– Развлекаетесь? – насмешливо осведомился мужчина.

Его проекция заложила руки за спину и прогулочным шагом прошлась вдоль вытянувшихся по стойке «смирно» теневиков.

– Так, гении тактики и стратегии, улов сдать полиции. И быстро в родные стены. Через полтора часа в моем кабинете, – процедил незнакомец.

Полтора часа до столицы? Всего лишь? Из Йона до стационарного разлома ехать час! И то при условии, что в службе найма будут свободные мобили. Найти их ночью – то еще приключение.

Но теневиков это не смущало. Они дружно козырнули. Вард убрал щит. Юрг незаметно пнул пытающегося отползти бандита, единственного, не спеленатого магией. Змей хмуро на него покосился.

Юрген пожал плечами и набросил на объект пинания сеть. Блондин ее затянул, превращая бандита в еще один глазастый кокон.

Незнакомец тем временем остановился, разглядывая меня и зашипевшую саламандру.

– Девушку по обмену тоже не забудьте.

– Меня? – Я ошарашенно вытаращилась на обладателя плаща.

Саламандра вопросительно пискнула.

– Вас. Вы, Леннет, единственная, кто до сих пор не истерит под кабинетом ректора, – изучая меня с явным раздражением, ответил он.

– А почему мне надо там истерить? – не поняла я.

Саламандра опасливо отползла к крыльцу и возмущенно покосилась на меня: пришлось спуститься по ступенькам и взять ее на руки.

– Потому что ночное дежурство плохо укладывается в головах студентов по обмену. С вашей головой все проще: проспали отправку и совершенно спокойно хлопаете глазами, – поморщился этот… плащеносец.

– Как проспала? – вырвалось у меня.

– Судя по вашему свежему личику, со вкусом и посапывая, – ехидно ответил престарелый концентрат ядовитости.

А вот и «подарочек» нашего ректора подоспел! Отпустил, значит? Только забыл уведомить, что прямо со стадиона надо нестись к разлому.

– Если вы все же решили остаться в родных стенах, ради солнца и теней, оставайтесь. Если вдруг надумаете явиться к нам, зверинец брать не обязательно. Если возьмете, уход полностью на вас.

И один из преподавателей Института теневой и боевой магии (кто ж еще?) исчез.

Линза шлепнулась на ладонь Кристофа. Блондин улыбнулся мне и открыл рот, собираясь что-то сказать.

– Крис, на нас с тобой полиция. Юрг, справочники, номера личных линз извозчиков, что угодно, нам нужен транспорт, – не дал произнести ни звука Змей. – Вард, вещи. Мартина, если не передумала, у тебя пятнадцать минут.

– Ни за что! – Поглаживая саламандру, я забежала на крыльцо.

В дверях стояла домоправительница с чайником в одной руке и большой кружкой в другой.

– Тихие и неудобств никаких… – Философски отпивая успокаивающий отвар, она наблюдала, как Змей вызывает по линзе полицию, а Кристоф складывает бандитов в компактную кучу под фонарем, облюбованным парочкой ледяных синиц.

– За дверь заплачу, – проскользнув мимо госпожи Бевис, виновато пообещала я. В конце концов, ее снесла я.

– Беги уже. Я как раз собиралась новую дверь в твою мастерскую поставить, – отмахнулась от меня домоправительница.

– Тогда я установлю на нее чары от плесени, жуков и… артефакт для гашения пламени.

Надо же хоть какую-то пользу принести.

Госпожа Бевис согласно отсалютовала мне чайником.

Вот и договорились.

С саламандрой наперевес я первым делом бросилась в мастерскую. Сгрузив элементаля в камин, собрала оставшиеся заготовки в коробку. Написала записку владельцу лавки: извинилась, что мне пришлось срочно отбыть. Вытащив короб в холл, попросила домоправительницу отправить. Оставив ношу госпоже Бевис, ринулась к себе в комнату. В панике выгребла из шкафа вещи, затолкала в чемодан что влезло. Что не влезло, засунула обратно живописным ворохом – потом разберу. На выходных. Есть же в их институте выходные?

Ровно через десять минут я волокла вниз по лестнице чемодан. Дотащив его до холла, запоздало вспомнила, что так и не сняла перчатки для работы. Я как раз стягивала вторую, когда в кармане зажурчала линза. Сунув перчатки под мышку, я выудила ее.

На гладкой поверхности появилось крохотное изображение: курносое личико сестры в обрамлении светло-рыжих, старательно выпрямленных прядей.

С Ненси мы общались нормально. Ровно настолько, насколько могут общаться два человека с разными интересами. Мне нравилась магия и учеба. Ей – платья и приемы.

Едва я коснулась картинки на линзе пальцем, как в воздухе появилась проекция сестры по плечи, одетой в легкую белую шубку.

В руках Ненси был небольшой светло-коричневый рюкзак. Странно – она носила либо крохотные сумочки, либо ничего.

– Ты же дома, да?! – выпалила сестричка.

– Да, но скоро… уеду… – закончила я, глядя на погасшую линзу.

Ненси, как всегда, взяла и отключилась! Сиди теперь и думай, зачем ей понадобилось спрашивать, где я?

Перезвон дверного колокольчика заставил торопливо сунуть линзу в карман и направиться к двери.

Ненси? А зачем вызывала по линзе, если стоит на крыльце?

Оставив чемодан у шкафа для верхней одежды, я распахнула дверь.

По ту сторону была не сестра. Парень в подбитом мехом пальто с надвинутым капюшоном. Стянув его, гость улыбнулся «моей» улыбкой. Из-под каштановой, как у меня, челки глянули такие же, как у меня, голубые глаза…

Глава 4

– Солнца и теней тебе. – Брат, деловито стряхивая с пальто снег, шагнул через порог.

Дверь осталась открытой: неподалеку от крыльца виднелись теневики. Здоровяк Вард подпирал фонарь, у его ног лежали рюкзаки. Змей, Юрг и Кристоф о чем-то говорили с водителем мобиля, у которого сидели целых пять энфилдов! Видимо, на нем приехал Бернард. И, судя по количеству элементалей, ради разговора со мной он выложил кругленькую сумму. Чем больше энфилдов сольются с артефактом в мобиле, тем быстрее он едет. Правда, все равно не так стремительно, как верхом на лисе. Но братик любит комфорт.

– Надо поговорить, Тишка. – Бернард оставил пальто в покое.

Я подошла к шкафу, сунула перчатки в карман накидки и вытащила ее.

– У тебя четыре минуты, Берни, потом я уйду.

Брат скривился: один – один. Мне не нравится имя «Тишка», – прямо как мартышка! – но Бернард регулярно меня так называет. А я не люблю быть в долгу. У его имени тоже есть варианты, которые заставляют братца морщиться.

– Думаешь, если сбежишь, проблема будет решена? – Бернард подошел вплотную, голубые глаза раздраженно блестели, в каштановых волосах искрились снежинки.

– Я не сбегаю, а перевожусь. И да, хочу решить свою проблему. – Я застегнула пуговицы на накидке, подцепила чемодан за ручку.

Брат заступил дорогу.

– Мелкая, это не поможет.

– Откуда ты знаешь? Вы же даже не пытались, – поморщилась я, обходя Бернарда.

– Все проверено до нас, в этом нет смысла, – отзеркалил мою гримасу брат, схватил за плечо и развернул к себе лицом. – Послушай, просто смирись. Все будет хорошо.

Но явно не у меня!

За спиной раздалось сердитое покашливание.

– Девушку отпустил, – процедил Змей, огибая меня и перехватывая руку Бернарда.

– Не твое дело, – отозвался братец. – Она моя сестра.

– Уже понял. – Стейн с едва заметной усмешкой медленно отвел его руку в сторону.

Брат был всего на полголовы ниже теневика и куда шире в плечах, но не мог ничего сделать.

Я положила ладонь на сцепленные руки парней, пытаясь их разъединить.

– Хватит!

– Вечно тебе все спускают! – неожиданно зло выдал Бернард. – Все, мелкая, конец твоей свободе! И никуда ты не денешься! Наконец-то все прекратят носиться с тобой!

Слова ударили сильнее пощечины: столько ярости и скрытой радости прозвучало в них, что я, ошарашенно глядя на Бернарда, не знала, что сказать.

– Подобрал себя и вышел, – едва слышно выдохнул Змей. – Иначе я тебя выйду отсюда, причем не факт, что целиком. А Мартина вряд ли будет в восторге от этого. Ты же ее братец.

Брат отдернул руку и скривился. Потом нахмурился, в голубых глазах промелькнуло непонятное недоумение. И Бернард, толкнув плечом Юргена, за время нашего разговора оказавшегося на крыльце, вылетел на улицу.

– Надо бы догнать, – задумчиво сказал ему вслед Змей и мотнул головой.

– Это приказ? – азартно уточнил Юрген, следя за тем, как Бернард ругается с водителем, а потом грузится в мобиль.

В переднюю часть железного коня нырнул… один энфилд. Остальные четыре, освобожденные от связи с артефактом, сидели рядом с Кристофом и Вардом.

– Нет, не приказ, – ответил Юргену Змей.

Отнял у меня руку и потер пальцами лоб. Темно-русые брови сошлись на переносице.

– Я сам разберусь.

Юрг с сожалением проследил за отъезжающим мобилем.

В голове звучали слова брата: «конец свободе», «никуда ты не денешься», «прекратят носиться с тобой». Я-то думала, что меня

не замечают. Что я лишняя. А оказывается, Бернард мне… завидует? Мне?

В кармане зажужжала линза. Вытащив ее, я увидела личико сестры. Едва нажала, как Ненси выпалила:

– Я тут! То есть у дома! В общем, я тебя вижу. Ты выходишь, да? – И отключилась.

– Мартиша! – Радостный голосок сестры прозвучал у крыльца.

Спустя миг облако белоснежного меха и светло-рыжих волос налетело на меня.

– Ты правда перевелась к боевым магам? – Выпустив меня из объятий, сестра стиснула мои ладони холодными пальцами.

– Правда.

– Поторопись, мы отправляемся. – Змей понимающе улыбнулся, отобрал у меня чемодан и вышел на крыльцо.

Ненси лукаво покосилась на него, хитро глянула на меня и оттащила к лестнице.

– Симпатичный!

Кто о чем, а она парнях!

– Не рано тебе на парней заглядываться? – подколола я сестричку.

– Мне как раз, а вот тебе скоро будет поздно, да, старшая сестра? – рассмеялась Ненси.

Старшая, но не настолько. Всего на два года.

– Ты правильно делаешь! – неожиданно громким шепотом выпалила сестричка, тиская мои руки пальцами.

– Эм… Что именно делаю? – не поняла я.

– С отцом не соглашаешься, – ответила Ненси.

Неожиданно!

– Нельзя так… – пояснила она. – Дом и все остальное… Неправильно это все. Ты же не виновата, чтобы тебя под арест сажать. Папа преувеличивает! Что плохого в правде?

– Я тоже так сказала. – Но запись в кристалле утверждала обратное.

– Я вот всегда правду говорю! – просияла сестра, отпустила мою руку и хлопнула себя по лбу: – Забыла!

Она стянула с плеча небольшой светло-коричневый рюкзак, тот самый, что я видела, когда она связывалась со мной первый раз.

– Это тебе! На удачу! – Она вручила его мне и хитро добавила: – Ты же до сих пор хранишь того мишку?

Ничего я не храню! А плюшевый медведь всего лишь лежит в моих вещах. Просто так. Как напоминание о детстве, когда я не замечала, что родители ведут с нами себя по-разному. К слову, в институт теневиков я его не взяла. Забыла. Слишком резко на голову свалилась программа обмена. Может, это знак? Не нужно цепляться за прошлое?

– Тут энфилд, плюшевый, маленький, тепленький, почти как живой! – прошептала Ненси, сжимая мои пальцы ладонями и заставляя стиснуть ремень рюкзака. – Пусть будет с тобой. Я ведь не могу поехать: нас с мамой и отцом пригласили на три приема. Но потом обязательно приеду! Папа обещал на сезон балов снять дом в столице!

Одни домики. Мне в уединении. Остальным в столице. В столице! Похоже, дела отца не просто идут в гору, как было всегда, а летят!

– Ой, тебе пора? – Ненси, вытянув шею, выглянула в открытую дверь.

Теневики сидели на спинах энфилдов. Лисы пофыркивали. Судя по нетерпению в глазах парней, ждали только меня.

– Ты вызывай меня по линзе, ладно? Если тебе что-то надо, тоже. Папа, конечно, все чеки проверяет, но я что-нибудь придумаю… Удачи! – Ненси обняла меня и накинула ремень рюкзака на шею, звонко расцеловав в обе щеки. И с присущей только ей непосредственностью спросила: – А твоя домоправительница далеко? Мне бы мобиль вызвать, а то я свой отпустила. Не надо было, но я так спешила, а он в луже колесом застрял, а я боялась, что ты уйдешь куда-нибудь… Госпожа Бевис! Я сестра Мартины, можно вас попросить об одолжении?!

– Нужно! – донеслось со второго этажа.

– Иди, не люблю провожать! – Ненси шмыгнула носом и понеслась вверх по ступенькам.

Спустя минуту со второго этажа донеслось:

– Госпожа Бевис? Как я рада познакомиться! Ой! Простите! Не так. Добрый вечер, госпожа Бевис!

– Ой, – хмыкнула я, набрасывая ремень рюкзака на плечо. Потом посмотрю, что там за чудо-игрушку принесла сестра.

Накинув капюшон, я вышла в пахнущую смолистыми почками и снегом ночь.

Мой чемодан обнаружился у созданного из магии теней седла на спине энфилда Змея. Значит, мне ехать тоже с ним.

Увидев меня, Стейн покрутил указательным пальцем в воздухе, словно пытался изобразить летящее семечко ясеня.

Юрг и Вард пришпорили пятками энфилдов, и элементали понеслись по заснеженной улице. Кристоф не торопился за ними.

– Что за солнышко там тебя обнимало, а, лапушка? – косясь на дверь, спросил он.

– Сестра, – сухо отрезала я.

Парень забавный, шебутной. Но как сестра Ненси я бы не хотела видеть с ней рядом такого лапушно-солнечного индивида.

– Понял. – Кристоф развел руками, и его элементаль радостно фыркнул и понесся за остальными.

Змей протянул руку, ловко усадил меня перед собой. Боком. Я нерешительно обняла его рукой за шею. Ладонь коснулась кожи между воротником пальто и волосами. Мне стало жарко, потом холодно…

Попробовала убрать руку. Но либо было неудобно, либо я все равно, так или иначе, касалась горячей кожи парня. Вот почему у него воротник не стойка! Вдруг кто решит держать Стейна за шею?

Ой, как говорит сестричка, что-то я не то думаю!

Змей присвистнул, и наш энфилд бросился догонять товарищей.

Неровный ход зверя примирил меня с тем, что под моими пальцами чужая шея. Отпущу – улечу прямиком в подтаявшие сугробы или, хуже того, в лужу. По ним я сегодня налазилась, спасибо!

Замелькали витрины, фонари, полуночные прохожие, недовольно идущие по лужам среди островков снега. На улице потеплело.

– Надо бы вызвать твоего братца на дуэль, – пробормотал Стейн.

Какая дуэль? О чем он?

– Не надо дуэлей! Он просто хотел убедить меня согласиться с отцом… – Я поперхнулась пламенной речью.

Змей молчал.

– Эй? Ты чего? – тихо спросила я.

– Я не собирался тебе говорить.

– О дуэли?

– Да.

Проклятие! Совсем о нем забыла. А оно обо мне – нет. И еще: я, тени побери мать императора, жена! А оно усиливается, даже при обручении! Или Змей случайно проговорился и проклятие тут ни при чем?

Не отрывая ладони от его шеи и стараясь не краснеть, я тихо уточнила:

– То есть ты не станешь вызывать Бернарда на дуэль?

– Хочу. Но не стану. Вряд ли он владеет мечом. А дуэль на кулаках – это простой мордобой, до магического поединка он у тебя еще не дорос, – предельно четко и откровенно ответил Стейн.

– Бернард не маг.

– Ну вот, – согласился он и мотнул головой: – Похоже, когда мы с тобой летали по стадиону, не только Юрга куском пирамиды приложило. Так и тянет правду сказать!

Это его не доской, а мной приложило! И как мне теперь держаться? Упаду ведь. А если Змей будет всю дорогу вещать правду и только правду, точно догадается, с чего вдруг его на откровения потянуло.

Но ведь потянуло его раньше… и брата тоже потянуло… И началось это, когда я положила ладонь на их пальцы. То есть мне нельзя касаться других? В смысле, без перчаток?

Я незаметно переместила руку с шеи теневика на ткань. Ну и что спросить, чтобы он точно соврал? Или отказался сказать правду?

– Я тебя раздражаю? – не придумала ничего лучше я.

– Не раздражаешь. Иногда ты выводишь меня из себя, – хмыкнул Стейн. Наш лис бодро обскакал элементаля Кристофа.

– Сильно вывожу? – уточнила я.

Ну промолчи же!

Змей неопределенно пожал плечами.

Получилось!

Энфилд обрадованно фыркнул, высоко подпрыгнул, перескакивая через Кристофа и его лиса. Подлетев в седле, я вцепилась в Стейна. Пальцы опять скользнули по его шее.

С этим надо что-то делать! Как-то изолировать мои руки от чужих шей и конечностей. Желательно придумать простое объяснение,

и боязнь прикосновений – не вариант. Я в институт боевых магов еду. Надо заизолировать меня, и точка…

Перчатки! Те самые, что носят все бытовики и прикладники во время работы. А я буду не только во время нее. Вот такой у меня пунктик.

Сунув руку в карман накидки, я вытащила перчатки. Пока натягивала, Змей заинтересованно следил.

– Не знал, что защитные перчатки помогают от холода.

Я глубокомысленно промолчала, вспомнив, что проклятие работает в обе стороны.

Хорошая новость: желания немедленно просветить Змея об истинных причинах ношения перчаток не имелось. Значит, проклятие набирает силу не так быстро и кардинально, как описал отец…

Тем временем наш энфилд обогнал Варда и Юргена. Юрг громко выругался и дернул своего элементаля за уши. Оскорбленный лис извернулся во время прыжка и сбросил наездника в лужу. Под хохот парней Юрг снова заскочил в седло, и наш отряд двинулся к площадке, сверкающей огнями тонконогих фонарей. Место разлома от последних домов окраины отделяла широкая полоса по-весеннему зеленеющей травы с белыми холмиками снега.

Разломы – наследие древних времен. Времен, когда первые из них принесли в наш мир магию. Ее частички, соприкоснувшись с животными, создали элементалей. С людьми – магов. Но сила разломов иссякла. А может, просто все, что они должны были дать нашему миру, они дали. Так или иначе, но чудес разломы больше не несли.

Энфилд задорно тявкнул, подпрыгнул особенно высоко. Я вцепилась в Стейна как клещ.

Лисы дружно, почти морда в морду, затормозили у края площадки. Каменного круга, окруженного фонарями. В центре темной молнией змеился разлом, вспыхивая то черным, то белым, то радужным пламенем. У края площадки висела проекция магической карты с указанными разломами: местами, где они открываются, и планами городов. По ним можно было прикинуть, куда дальше держать путь.

С помощью Змея спустившись на землю, я подошла к карте.

– И все равно я вас на пару сантиметров обогнал! – довольно заявил Крис.

– Ага, мечтай, – дружно фыркнули Змей и Юрг.

Вард покачал головой.

Парни занялись магической упряжью. Ее надо было снять, прежде чем отпустить лис.

А я убрала карту Фридхольма и открыла карту мира.

В детстве мы с Ненси и Бернардом часто так развлекались. Брали атлас и наперегонки называли королевства, моря, старались первыми сказать, как называется океан, в котором плавал похожий на бесхвостого ската материк.

Океан назывался Рес. В нем и плыл наш «скат».

– Решила просветиться? – громко хмыкнул Крис, распутывая сплетенное из теней седло.

– Вспомнить, – вздохнула я.

Как мне было хорошо и радостно когда-то с братом и сестрой…

– Вспомнить, что за блин с ушками перед тобой? И почему он в шляпе? – развеселился блондин.

– Я и так знаю, что это.

Наш материк. Раньше назвался Фридхольмом. Как наше королевство. На тот момент единственное на нем и бывшее империей. Но те времена давно прошли.

– Проверим? – подмигнул Кристоф. – А то моя кузина тоже говорила, что знает карты в лицо, в итоге очень удивилась, увидев ее, и сказала, что я дал ей рисунок с бабочкой в шляпе!

– Я не твоя кузина, – я пожала плечами.

И у меня не бабочка, а скат. На бабочку вообще не похоже!

– Да что ты! – не поверил блондин. – Тогда скажи, что за кругляши внизу?

– Дааран, – не задумываясь ответила я, проводя пальцами по карте.

Родина моей домоправительницы действительно была снизу от «ската». На юге от континента, за Ровным морем. Острова Даарана напоминали бисер. Там жили так, словно прошедшие сто лет прошли мимо.

– Ладно. А шляпа сверху? – не унимался блондин.

Его лис заинтересованно прислушивался.

С верхней стороны «ската» за Северным морем одиноко плыл большой остров.

– Норк.

Королевство-остров, скалистый, холодный, известный своими редкими минералами, из которых выходили лучшие артефакты. Именно поэтому Фридхольм когда-то отвоевал у горцев часть Эдисских гор. Нам был нужен выход в Северное море, чтобы торговать с Норком напрямую.

Эдисские горы шли по краю головы «ската» на севере и, изгибаясь, тянулись на запад, по основанию его крыла, постепенно истончаясь.

– А в центре бабочки что? – тут же озадачил Кристоф.

– Издеваешься? – усмехнулась я.

– Нет, – расплылся в улыбке блондин.

Подкалывает. Ладно.

– Наше королевство.

Фридхольм занимал середину «ската». Наше королевство тянулось от северного побережья за Эдисскими горами до Ровного моря на юге.

Соседей у нас было много.

Горцы. Жившие со времен появления мира в Эдисских горах. Весьма беспокойный народ, где в каждом поселке свой король. И никто не знает, решит он воевать с соседями или заметит границу с Фридхольмом и подумает увековечить свое имя нападением на нее.

На западе у нас тоже было довольно «весело».

– А со стороны левой руки у тебя какие королевства? – Очевидно, Крис все никак не мог поверить, что я и его кузина – разные люди.

– Вернфрид, Вилесса, Квирин, – показывая пальцем, перечислила я.

Слева, на западе, у нас имелось сразу три соседа.

Громадина, заросшая лесами, Вернфрид – королевство, у которого с нами граница была по тем же горам. И две малютки: Вилесса и Квирин. Они точно блинчики в стопке были на карте друг над другом. Вилесса севернее, Квирин южнее.

Эти три страны когда-то были частью Фридхольма. Но наместники взбунтовались, в итоге откололось сразу три «куска». И эти куски до сих пор мечтали оттяпать от Фридхольма земель.

На востоке нашего королевства тоже было нескучно.

– А… – открыл рот Крис, показывая на восточную часть материка.

– Тебе справочник подарить? – перебил его Змей. – Упряжь к утру закончишь снимать?

– Нет. Лапушка напомнит мне, что там у нас справа, и сниму, я ж спать не смогу, не вспомнив, что там такое! – отшутился блондин.

– Ортрун и Агда, – выдала я.

Да, на востоке от Фридхольма располагалось не так много государств.

Во-первых, Ортрун, он же Ортрунский каганат, он же название пустыни, на юго-востоке. Правил там каган, мечтающий захватить весь мир. Его стараниями свободные пустынники поделились на пустынников, признавших его власть и радующих соседей набегами. Или не признавших, но не видевших ничего страшного в легком разбое.

Во-вторых, Агда на северо-востоке. Королевство, обнесенное стеной. Закрытое. Где правит свой император. У нас с ними вечный мир. Но кто знает, что взбредет в голову тому, кто засел за магической стеной?

Добавить к этому разломы, через которые можно переноситься не только по своей стране, но и в другое королевство. Благо пронести с собой можно не так много. И получится весьма сложная политическая обстановка семь дней в неделю, каждый месяц, круглый год.

Как наш император со всем этим справляется, умудряясь ставить на место соседей и одновременно заключать с ними же выгодные сделки, способствующие процветанию Фридхольма, для меня было загадкой.

– Слушай, лапочка, – начал Кристоф.

– Крис! – не дал договорить Змей.

Юрг, Вард и Стейн уже освободили своих лис от магических пут и отпустили.

Блондин замолчал, накинулся на переплетение теней так рьяно, что энфилд начал посматривать на него с опаской. Очевидно, боясь, что вместе с упряжью исчезнет и часть его шерсти.

А я решила воспользоваться паузой и посмотреть карту столицы: прикинуть путь до нового места обучения…

Выход из разлома был на окраине столицы, неподалеку от большого поместья, которое и было Институтом теневой и боевой магии.

Центр обнесенной каменным забором и магической защитой территории занимал огромный особняк в три этажа. От него в разные стороны разбегались дорожки и дороги. Они вели к зданиям, площадкам, странным строениям, форму которых было сложно описать: казалось, архитектор пытался увековечить в них приступ морской болезни, так их «качало». Кроме чудес архитектуры имелись скверы и кучно насаженные деревья, разбросанные по всему поместью.

Я дотронулась пальцем до изображения одного из странных зданий, но проекция категорически отказывалась увеличиваться.

– Закрытый объект, – процедил сквозь зубы Юрген.

Шатенистый теневик поправил лямку рюкзака и шагнул на мерцающую темным пламенем полосу разлома. Миг – и он исчез. Здоровяк Вард меланхолично покосился на замерших в шаге от меня Кристофа и Змея и ступил в черное пламя.

– Лапушка, наша очередь. – Блондин потер кончик носа и искоса глянул на Стейна.

Брови Змея насмешливо приподнялись, пальцы стиснули ручку моего чемодана, стоявшего рядом с теневиком.

– То есть моя очередь, – хохотнул Кристоф, подмигнул мне и исчез в черном огне разлома.

Стейн взмахом руки пригласил меня войти в магический огонь первой. Стиснув ремень рюкзака, я сглотнула. Во рту вдруг стало сухо, как в пустыне. Коленки задрожали. От института теневиков меня отделял один шаг! Ну ладно, один шаг через разлом и еще много шагов до территории института.

– Вовремя ты передумала, ничего не скажешь. Где теперь тебе энфилда искать, а, мышка? – пробормотал Змей, переставляя чемодан ко мне.

Я не передумала!

– Просто прицеливаюсь! – Я обогнула теневика и вошла в темное пламя под его насмешливое:

– Не промахнись, снайперша!

Перед глазами потемнело, потом стало светло до рези, затем серо, словно ты канарейка в клетке и на тебя вначале набросили ткань и тут же сдернули, а ты все никак не можешь проморгаться. Серая мгла исчезла так же быстро, как и появилась.

Сырой, снежно-весенний Йон остался позади. Меня встретила теплая, пахнущая цветущим садом ночь Вальхарда.

Ехидный мужской голос не дал оглядеться:

– А вот и реликвия с сопровождением: Мартина Леннет собственной персоной.

Напротив меня, на краю площадки под фонарями, стоял седовласый преподаватель, отчитывавший парней по линзе. В жизни он оказался не таким массивным и явно младше пятидесяти лет. Вместо плаща на нем была темная мантия до средины бедра и брюки. По обе стороны от преподавателя сидели каменные горгульи. Глаза крылатых сопровождающих преподавателя светились зеленым огнем, морды, напоминающие львиные, заинтересованно скалились, уши шевелились. На шее поблескивали золотом ошейники с круглыми медальонами, похожими на карманные часы с замысловатым растительным узором на крышке.

Големы – оживленные магией статуи!

Я читала о них, но видеть не приходилось.

Одна из горгулий дернула нетопыриным крылом, отгоняя комара, словно камню могло навредить какое-то насекомое. Скорее уж комара ждала смерть от вывиха хоботка… или от осознания собственной незначительности.

– Ваше опоздание на пять минут дало мне время немного прогуляться и вспомнить философское изречение Тауриса Морского: «Где я, там мир». Вот и я решил, что где я, там мой кабинет. И раз вы не изволили явиться, я являюсь к вам. – Преподаватель заложил руки за спину и прошелся вдоль края площадки.

Я запоздало покосилась по сторонам.

Выйдя из разлома, я оказалась точно в шеренге теневиков. Слева стояли Юрг, Вард и Кристоф. Справа – Змей с моим чемоданом.

Преподаватель остановился напротив меня, смерил взглядом.

– Четыре боевика не смогли вовремя затащить в разлом одну бытовушку? Прискорбно.

Он развернулся ко мне спиной и шагнул к Стейну.

– Я не только на бытовой магии специализируюсь, – пробурчала я.

Бытовушка! Тоже мне, магический расист нашелся!

– Да что вы говорите? – Преподаватель обрадованно развернулся. – Просветите, в какой сфере вы столь ценный специалист?

А он тот еще умелец по созданию словесных ловушек!

– Пока я не специалист, но буду специалистом по бытовой и прикладной магии, – выкрутилась я.

– Я вас понял. – Тонкие губы тронула едва заметная усмешка.

Все, я попала. Теперь он точно мне этого неспециалиста припомнит!

– Похоже, остальным тоже можно смело примерять звание неспециалиста боевой магии, – зло отрезал преподаватель, отходя к фонарям. – Тени вас укрой, что за салочки вы устроили на стадионе? Решили повеселить зрителей? Ну вы их и так повеселили, когда вытащили своих противников с полосы. Повеселили, завоевали симпатии. Я даже согласен был закрыть глаза на штрафные баллы. И даже придумал объяснение для ректора, с чего вдруг у команды, которую я тренирую, возникла такая странная тактика. Но нет – вы решили сыграть в хватай-беги!

Я открыла рот… и закрыла. Парни молчали. А мне как-то надо будет пробираться в ряды команды, меня и так уже запомнили. Причем не кто-нибудь – тренер!

– Ладно, пусть бы была беготня, но кто вам разрешил проигрывать? – продолжал тренер, сверля взглядом Змея.

Стейн смотрел прямо ему в лицо и ничего не говорил. Остальные тоже будто языки проглотили.

– Они не проиграли, – не сдержалась я. – У нас была ничья. А в итоге ваша команда победила.

– Спасибо, – скривился преподаватель, – мне как раз не хватало секретаря, способного просмотреть записи, которые гуляют во всех новостях по линзам, и напомнить мне, как было дело. Ведь я сам никак не мог разобраться.

– Я не хотела…

Меня дернули за руку справа и толкнули в бок слева.

Змей едва заметно, отрицательно качнул головой. Кристоф еле слышно прошептал:

– Тихо.

– Дорогуша, – тренер чуть наклонился вперед, мне захотелось отступить, хотя стоял мужчина далеко, – ничья для моей команды – позор. А если вспомнить, что один из игроков не схлопотал дисквалификацию лишь потому, что судья оказался его дальним родственником, позор вдвойне. Думаете, бытовики упустят такой шанс? Нет. Их ректор сделает все, чтобы они выползли в первый тур. А вот куда уползете вы с такими умениями, я не знаю…

Прекратив сверлить меня взглядом, преподаватель склонил голову набок, глядя на Змея.

– Какого бешеного энфилда у тебя нападающий стал глухим и слепым? – И, не поворачиваясь, добавил: – Юрген, тебе что, доктора мозг ампутировали? Смертельное заклинание против ребенка?

– Я не ре… Ай!

Сердито покосилась на Змея, без зазрения совести наступившего мне на ногу.

Но тренер мой возглас все равно заметил.

– Так, дитятко по обмену, к тебе как раз вопросов нет. За полосу минус десять, за умение быстро бегать плюс три, за все остальное по мелочи… Итого, минус один и двадцать, – выдал он.

Минус один и двадцать? Это как? Это что? Это за что вообще?

– За стремление к победе – освобождение от сегодняшнего ночного дежурства, – добавил тот, от математики которого хотелось взвыть. – На этом для тебя все. Свободна.

Он поднял правую руку, горгулья шевельнула головой, разминая плечи.

– Проводи ее. – Тренер показал на меня.

Каменная махина расправила крылья и кровожадно осмотрела меня, словно я была сочным стейком.

– А может, я сама провожусь? – предложила я, отступая за спину Змея.

– Вот, верная оценка своих сил и ситуации, – непонятно чему обрадовался тренер. И бросил горгулье: – Хватит.

Каменный монстр закатил глаза и вздохнул, будто там было чему дышать. Взлетел, попутно подцепив длинным заостренным хвостом мой чемодан, и кивнул, приглашая идти за собой.

Глава 5

Идти следом за летящей горгульей оказалось тем еще удовольствием. Крылатый монстр несся так, словно ему до безобразия надоела я и мой чемодан. На просьбы слегка притормозить зверюга не реагировала.

Пыхтя, я бежала за вредной каменной махиной, проклиная тот момент, когда надела тяжелую теплую накидку, совершенно забыв, что в столице уже настоящая весна, без снега и перепадов температуры.

Горгулья летела напрямик, а я бежала как получится. Времени на раздевание не имелось от слова «совсем».

Тротуар… трава… кажется, газон… освещенные фонарями и увитые плющом ограды домов справа… Опять кусок мостовой… Снова зеленая трава, не то роща, не то сквер.

Пока я виляла, точно пьяная, среди усыпанных белыми цветами деревьев, провожатая исчезла. Только среди веток, на фоне ярких звезд, мелькала крылатая фигура с чемоданом на хвосте, и вот ее нет.

Кто-то теряет иголку в стоге сена, а я горгулью посреди неба!

Зато можно больше не торопиться.

Стянув с плеча ремень рюкзачка, я сняла накидку. Повесила подарок сестры обратно. Поглядывая по сторонам, пошла дальше, вспоминая карту.

Парк там был, и если я все правильно запомнила, чтобы выйти к институту, надо двигаться прямо.

Громоздкая накидка в руках мешала, я решила перекинуть ее через плечо. Но только забросила, как на меня с сердитым рыком спикировала горгулья.

Не успела я испугаться, как оказалась висящей кверху ногами над макушками деревьев. Юбка платья тут же устремилась к голове. Не достала, длины не хватило. Радовало, что на улице ночь и шерстяные чулки с теплыми короткими штанишками никто не видит.

Накидка и рюкзак тоже решили, что им лучше будет внизу. Я дернулась за ними, но поймала только ремень.

Накидка красиво расправилась и прикрыла макушку дерева, мимо которого меня тащила горгулья.

– Ты специально? – Я возмущенно дернула подбородком, сдвигая лезущую в рот ткань платья.

В очередном рыке горгульи мне послышался ехидный смех.

Специально.

Ладно, бабочка-переросток, сама напросилась.

Кажется, именно эта горгулья дергала крылом, отгоняя комара?

Стараясь не выронить рюкзак, я присмотрелась к каменному монстру. Как и думала, вокруг него имелось едва заметное серое плетение, отпугивающее комаров, и оно было местами повреждено. Его явно пытались уничтожить. Только делал это не бытовик.

Вытянув руку, я порадовалась, что мои коллеги – практичные ребята. Ткань обработана особым образом: если понадобится своя магия, стягивать перчатку не нужно.

Оранжевые огоньки появились над моей ладонью и устремились к слабым местам заклинания: крылья, шея, грудь горгульи. Сильно сомневаюсь, что ее могут покусать комары. Она ж каменная! Но нервы я этой интриганке, у которой явный пунктик на насекомых, попорчу. Немного, чтобы больше не таскала бытовых магов кверху ногами.

Почуяв неладное, зверюга покосилась на меня.

– Хорошо летим! – Я помахала ей свободной рукой, прижимая к себе рюкзак.

Горгулья удивленно рыкнула, закрутила головой. Серая сеть на коже каменного монстра расползалась на глазах.

Горгулья опять рыкнула, кажется, что-то ругательное. Я крепче вцепилась в рюкзак.

Рюкзак тихо заскулил!

В воздухе зазвенело, загудело.

Что за?..

Чуть не выронив ношу, я потрясенно уставилась на черную тучу мошки, атаковавшую горгулью. Отмахиваясь от насекомых, она старалась не отправить меня навстречу вымощенной камнем дороге, над которой мы летели.

Рюкзак продолжал тоненько поскуливать.

Горгулья услышала и изумленно посмотрела на меня: на морде были видны лишь сияющие зеленым огнем злые глаза.

– Снижайся! – Руки были заняты «плачущим» рюкзаком. Я дернулась, точно рыбка на крючке, пытаясь показать на дорогу под нами. – Я все верну, – добавила нехотя.

Не каменный монстр, а турист на летней рыбалке, которому в лавке продали бракованный амулет от насекомых.

Горгулья недоверчиво рыкнула.

Я на миг повисла в пустоте, подавившись криком. Потом меня подхватили под мышки когтистые лапы и поставили на траву у дороги.

Я ни разу не акробат!

Колени дрожали, ноги подгибались. Рюкзак, который тоже подбросили и перевернули вместе со мной, молчал.

– Эй, ты там живой? – пробормотала я, открывая замок.

Внутри, в гнездышке из мягкой ткани, сидело насмерть перепуганное чудо. Трехцветная шерстка, острые уши, вытянутая мордочка, едва наметившиеся перышки на наружной стороне тонких лап. И пушистый хвост. И все это могло легко уместиться на моей ладони…

Я ошарашенно смотрела на подрагивающую мордочку лисенка… точнее, крохотного энфилда.

Зажужжало, зазвенело, хлопнули каменные крылья – рядом со мной грузно приземлилась, отмахиваясь от комаров, горгулья. Сердито рыкнула.

Лисенок забился в ткань, сжался в комок.

– Тихо ты! Нечего маленьких пугать. – Я закрыла рюкзак, осторожно перекинула ремень через плечо.

Отогнав комаров от морды монстра, я начала заново создавать защиту от насекомых. Почти закончила, когда медальон на шее горгульи зажужжал, из него вылетела линза, и на дороге появилась проекция тренера.

– Я тебе сказал проводить ее до казармы, а не устраивать экскурсию.

Он оборвал прочувствованную речь и обошел нашу живописную композицию: горгулья, я у ее бока, почти готовое заклинание и туча обиженных комаров.

Я закрепила последнюю нить заклинания и выползла из-под крыла.

И тут рюкзак опять тихо заскулил.

Горгулья прорычала что-то недовольное и, судя по тону, очень матерное.

– Я не глухой, – ответил каменному монстру тренер. И уже мне: – Ну и кого вы там приволокли? Выкладывайте.

Выложить лисенка оказалось проблематично: он закопался в ткань и мелко трясся. Я повернула открытый рюкзак к преподавателю.

– Всего месяц от роду. Совсем мелкая, нетипичный окрас, трехцветный – от таких самки отказываются. Явно опоили каким-то успокоительным зельем. Видимо, чтобы была больше похожа на искусно сделанную дорогую игрушку, – задумчиво изучая лисенка, выдал преподаватель.

Я ошеломленно молчала.

– Ну и кто вам подарил этого страшного зверя? – прищурился тренер.

– Сестра. А почему вы думаете, что я сама не могла его купить? – Кажется, вопрос был лишним.

– Потому что вы бы как минимум удивились, не заметив на такой сложной игрушке ни одного защитного заклинания, – процедил тренер.

Очень удивилась бы. На моем самом обычном плюшевом мишке стоят три заклинания: от пыли, от намокания и от моли.

– Отведи их вначале к доктору, – продолжал тренер, обращаясь к крылатой вредине.

Горгулья вопросительно рыкнула. Кажется, спросила, на кой нам туда?

Вот мне тоже интересно – зачем?

– Пусть энфилда посмотрит. – И, улыбнувшись мне улыбкой барракуды, тренер обрадовал: – Милочка, поздравляю, вы только что стали матерью.

Как-то неожиданно… То женой, теперь матерью. Так скоро до бабушки доберусь и не замечу!

– Может, ее в приют отнести? – Перспектива лисьего материнства слегка пугала, особенно если вспомнить, что меня ждала учеба и команда, которая еще не знала, что я обязательно стану ее частью.

– Если не жалко, несите, – пожал плечами преподаватель.

Я покосилась на трясущийся комок в рюкзаке, осторожно погладила трехцветную шерстку. Лисенок вытянул мордочку и потянулся за пальцем.

И… Все. В мои планы начал встраиваться крохотный энфилд.

– Лиса маленькая, в павильон для живности ее нельзя – нужен круглосуточный уход, – тоном искусителя просветил тренер. – Ваши занятия никто не отменит.

Я отрицательно покачала головой.

– Прекрасно! – открыто и на удивление тепло улыбнулся преподаватель, задумчиво покосился на рюкзак и добавил: – Так и быть, выделю вам помощника. Ему надо потренироваться думать не только о себе.

– Не надо, я сама, – торопливо отказалась я, закрывая рюкзак и прикрывая его руками.

Мое! Я ж мать! Вроде бы.

– На практические занятия по боевым заклинаниям тоже с собой будете ее носить? – Брови тренера приподнялись.

Я вздохнула: не буду, конечно.

Тренер снисходительно хмыкнул, и проекция пропала. Золотистая линза юрко залетела обратно в медальон на шее горгульи, и тот захлопнулся.

Моя провожатая показала передней лапой на большие кованые ворота, к которым вела дорога. На массивных столбах с двух сторон от створок сидели два каменных василиска: тело змеи, голова и крылья петуха. Статуи выглядели внушительно.

Когда мы дошли до ворот, глаза василисков засветились зеленым огнем. Петушиные головы покосились на нас, но горгульи, это тоже были они, видимо, ничего нелегального у меня не обнаружили. Створки бесшумно распахнулись, пропуская внутрь.

Едва мы минули столбы с василисками, как ворота захлопнулись.

Я с любопытством разглядывала широкую дорогу, стрелой уходящую к зданию института, кажущемуся крохотным из-за расстояния.

Вот она – обитель боевых магов!

Тех, кто несет службу в армии, полиции, сыске и других не менее важных государственных органах, защищая нас, простых жителей,

от магов (своих и чужих), магии (артефакты и заклинания иногда тоже выходят из строя) и нежити.

Маги и нежить существа весьма непредсказуемые. Среди первых так и норовят завестись те, кто, осознанно или нет, может устроить катастрофу. А вторая появляется в местах, где случались выбросы магии. Причем никто не может точно сказать, изменит магия что-то неживое или нет и каков будет результат этого изменения: милая зомби-мышь или то, что может уменьшить население целого квартала до нуля за полчаса.

Горгулья вопросительно рыкнула, перерывая мои восторженные мысли, тронула меня за руку, показала на свои крылья и небо.

– По воздуху быстрее? – догадалась я.

Она уверенно кивнула.

– Только не кверху ногами!

Горгулья закатила глаза и показала когтистым пальцем на рюкзак.

О, вот оно как, значит! Маленьких мы не обижаем! Только адептов по обмену?

Рюкзак заскулил и смолк.

– Хорошо, давай по воздуху, – буркнула я.

По крайней мере, посмотрю сверху, как тут все устроено.

Но горгулья оказалась слишком заботливой. Заботливо сцапала меня за талию, повернула к себе лицом и, посматривая на рюкзак в моих руках, воспарила в небо. Летели мы мордой к лицу от силы пару минут. Приземлились у одноэтажного здания, построенного буквой «п».

Вход располагался посередине, у двери нас встретил хмурый парень в черной мантии с цифрой «один» на груди и карандашом за ухом.

Горгулья прорычала ему что-то вроде: «Сдать доктору!» – и взмыла к звездам вместе с моим чемоданом.

Надеюсь, она его в общежитие понесла, а не на свалку?

– Понял, – недовольно ответил теневик и, очевидно, студент-первокурсник, которому выпало дежурить в больнице при институте.

Вытащив из кармана блокнот, он уткнулся в него и затараторил:

– Травмы: ранения, ожоги, переломы?

– Лисята, – ответила я.

– Сколько и где? – продолжил теневик. – Голова, грудь, живот? Конечности?

– Одна, все части тела на месте, но она очень маленькая. – Вытянув шею, я заглянула в длинный белый коридор за спиной парня.

Может, там есть кто без блокнота?

– Небольшая… – записал карандашом теневик. – Голова, грудь, живот… – Тут он запнулся и вытаращился на меня: – А где?..

– Что?

– Повреждения.

– Нету.

– А что есть? – нахмурился теневик.

– Лисенок, энфилд.

Парень окончательно завис, листая блокнот.

– Лисенка? Энфилд, энфилд… Что за болезнь такая? – едва слышно пробормотал он.

– Незаразная. А где доктор? – спросила я.

– Третий кабинет, прямо по коридору, вторая дверь справа, стучать, – протараторил дежурный.

Обогнув парня, я проскользнула в белый коридор, освещенный заряженными магией продолговатыми лампами. У двери кабинета доктора меня догнал дежурный. Вытянув руку через мою голову (чем их тут кормят, что все такие высокие), постучал.

– Доктор Джеймс, к вам посетитель с лисенкой-энфилдом! – отчеканил он.

– С лысинкой от зубов энфилда? – заинтересованно спросил старческий голос. – Давно у меня покусанных элементалями не было! Входите!

– Да, сэр! – гаркнул дежурный и затолкал меня в кабинет.

Я оказалась в светлом помещении с отгороженной ширмой смотровой, застекленными шкафами с пузырьками и свертками разного размера и большим столом с аккуратно разложенными папками.

За ним сидел седой худощавый старичок в настолько белоснежной мантии, что хотелось прищуриться. Напротив него, на втором стуле, восседала горгулья. Морда этой статуи напоминала собачью, крылья были растопырены, им явно мешала спинка. Каменный монстр

сортировал охлаждающие артефакты. Обычные люди их используют для охлаждения напитков, а доктора – для прикладывания к ушибам.

Доктор Джеймс отложил карандаш и приветливо улыбнулся:

– Показывайте вашу лысинку.

Я сняла с плеча ремень, расстегнула замок на рюкзаке и повернула, показывая подрагивающего лисенка старичку.

– Солнце и тени, какая прелесть! – обрадовался он.

Горгулья скептически покосилась на рюкзак и пожала плечами. А доктор Джеймс с неожиданной прытью выскочил из-за стола, уволок меня за ширму, осторожно вынул энфилда вместе с тряпкой и посадил на кушетку. Лисенок заскулил, попытался отползти ко мне.

– Тихо, маленькая, это не больно, – склоняясь над крохой, проворковал доктор.

Узловатые длинные пальцы погладили черно-бело-рыжую шерстку, прошлись по крохотному тельцу. Ладони старика засветились золотисто-белым сиянием, солнечная магия окутала энфилда. Он испуганно задрожал, а потом зажмурился от блаженства.

Я исподтишка любовалась работой старика и немного завидовала. В нашей семье, кроме теневых магов и нейтральных, были целители, и в детстве я мечтала, что однажды у меня проснется солнечная искра. Но проснулась нейтральная.

Когда в наш мир через разломы пришла магия, она разделилась на три направления: теневая, солнечная и серая. Первую еще называют темной, вторую светлой, а серую – нейтральной. Самыми яркими представителями теневиков являются боевые маги. Солнечных – лекари. А нейтральных – бытовики.

К темным относят и магов-проклятийников, которые так нужны мне, и магов крови. Зато у солнечных есть магия ауры. У теневиков – деструкторы, у светлых – созидатели. У теневиков – маги сдерживания, у солнечных – способные прожечь светом любой барьер. У этих двух направлений часто встречаются маги с противоположными способностями. С нейтральными все скромнее: умение работать с чужой магией – самое распространенное.

Возникло такое многообразие не случайно, и люди оказались куда чувствительнее к магии, чем звери. В итоге у элементалей магия одного направления. А у людей есть искры сразу всех трех. Правда, одновременно они пробуждаются очень редко.

Легенды утверждали, что во времена первых разломов у всех магов была и солнечная, и теневая, и серая магия.

Но то древние времена! Сейчас магия двух направлений у одного мага – большая редкость. Пробуждается только одно.

Если пробуждается.

У меня серая магия, а у брата ее вообще нет, хотя мы близнецы. У них чаще всего магия противоположных направлений (солнечная и теневая) или одного. Но бывает так, как у нас: я нейтральный маг, а Бернард не маг.

– Ну вот, милочка, вот вам полный набор для ухода и инструкция. – Пока я размышляла, доктор Джеймс закончил колдовать над лисичкой и теперь протягивал мне наскоро набросанный на листе список.

Энфилд тихо посапывал, умостившись в гнездышке из тряпки. Горгулья носилась по кабинету, вытаскивая из шкафов какие-то пузырьки и свертки, и складывала их в мой рюкзак.

Я взяла список у доктора.

– Все по инструкции, раз в неделю ко мне. – Доктор с теплой улыбкой покосился на сопящего лисенка. – Ру́би поможет с едой, заодно проконтролирует.

Горгулья согласно рыкнула в ответ.

У горгульи есть имя? Доктор оригинал. Обычно оживленным магией големам имена не дают.

– Все понятно? – Доктор Джеймс показал на лист в моей руке.

Быстро просмотрев список, я кивнула. Понятно. Кормить по часам, следить, чтобы не переохладилась. Давать микстуры. Разминать лапы на свежем воздухе можно только в теплую солнечную погоду – в остальную закутывать и укрывать. И лапы, и остальные части.

Очень надеюсь, что занятия для обменных адептов будут рядом с общежитием. Иначе рюкзак с лисенком и караван пузырьков станут моими постоянными спутниками.

– Не беспокойтесь, дорогая, вам попался на удивление крепкий щенок энфилда. – Доктор истолковал мой задумчивый вид по-своему. – Ру́би, пусть дежурный проводит.

Поблагодарив старика, я сунула инструкцию в карман платья, взяла на руки укутанного в ткань лисенка. Прикрыла его свободным

концом тряпки.

Доктор Джеймс довольно улыбнулся, усаживаясь за стол. Горгулья с моим рюкзаком наперевес первой выпорхнула из кабинета.

Дежурный дремал, прислонившись к стене у входной двери. Из кармана его мантии выглядывал край блокнота и карандаш. Горгулья грозно нахмурилась, бесшумно опустилась на пол и рыкнула точно в ухо боевика.

– Травмы, ожоги, руны! Раны! – выпалил он, подпрыгивая и открывая глаза одновременно.

Ру́би ехидно скривила собачью морду, показала на меня пальцем и что-то нараспев прорычала.

– Довести, ознакомить. Будет сделано! – прекрасно понял ее теневик. Он забрал у горгульи рюкзак и открыл дверь.

Прижимая к себе сопящую лисичку, я вышла в ночь, окутанную ароматом цветущей яблони.

Дежурный, явно обрадованный внезапной прогулкой, сразу забубнил:

– У нас несколько казарм. Женская одна. Мужских три. Для семейных – коттеджи.

– Семейных адептов? – удивленно переспросила я, стараясь не отставать от быстро шагающего по дорожке теневика.

– Для преподавателей семейных, у которых жены тут работают, – пожал плечами дежурный. – В каждой казарме…

Теневик ответственно отнесся к приказу горгульи ознакомить меня с устройством института. Точнее, с устройством быта студентов.

Я узнала, что казармы одноэтажные. Что в каждой есть общие душевые и уборные. Что селят адептов по пять человек в комнате. Переселиться или обменяться местом нельзя. В каждой казарме есть чулан со всякой всячиной вроде тряпок, ведер и лестниц и отдельные классы для самостоятельных теоретических занятий. Что практические навыки надо отрабатывать на учебном полигоне. А кормят в столовой, она рядом с казармами. Кормят хорошо, сытно. Три раза в день.

– Если повезет, – поморщился мой провожатый.

– Это как? – Я в недоумении покосилась на марширующего теневика.

Мы как раз свернули на очередную боковую дорожку, и я начала подозревать, что зря раньше считала, что неплохо ориентируюсь на местности.

– Просто. Попадешь к Эмерсону, считай, на диете, – со смешком ответил теневик.

Только вот мне что Эмерсон, что ясень с дубом, мимо которых мы прошли, все одно.

– Кто он такой? – спросила я, пряча высунувшееся ухо лисенка под тряпку.

– Замректора, тренер нашей команды, преподаватель, – пояснил теневик. – У него главное – его занятия, а еда подождет.

Вполне ожидаемо. Вон как он парней строил!

Мы остановились у двери длинного одноэтажного здания. У входа сидела горгулья. Для разнообразия скульптор сделал ее вполне симпатичной, чем-то напоминающей гибрид кошки и человека с крыльями.

– По обмену, – выдал теневик, едва глаза статуи зажглись зеленым огнем.

Горгулья недовольно рыкнула.

– Я откуда знаю, где ее носило? – огрызнулся парень, отдавая ей рюкзак.

Отсалютовал мне и неторопливо, так, что ноги заплетались, побрел прочь от казармы.

Каменная комендантша вопросительно уставилась на меня.

– Ну… – Как бы объяснить попроще? – Мне случайно забыли сообщить время отправки… и я отправилась с вашей командой.

Горгулья рыкнула. Кажется, спросила: «Так это ты, что ли?» – и показала лапой на свой медальон, в котором, очевидно, тоже была спрятана линза.

Я на линзе? Ну да – я на всех линзах. Похоже, становлюсь знаменитостью.

Горгулья снова рыкнула, в этот раз приглашая, и открыла дверь.

Пока мы шли по длинному коридору, она на пальцах, буквально тыкая передней лапой в таблички на дверях, объясняла, что и где находится. Жилых комнат было всего шесть. Занято пять. Все на одной стороне. Удобства в конце коридора. Там же чулан. Классы напротив жилых комнат. Их три.

Меня поселили с адептками первого курса. Три имени на табличке промелькнули перед носом: провожатая затолкала меня в темную комнату, всучила рюкзак и закрыла дверь.

Пока я хлопала глазами, пытаясь привыкнуть к царящей вокруг черноте, с противоположной стороны коридора донеся стук. Кажется, стучали каменными когтями.

– Занимаюсь! – отозвался сердитый девичий голосок.

Потом снова стук. И второй голосок:

– Ну что тебе на крыльце не сидится?

Третья девушка начала возмущаться еще до стука:

– Сама же сказала запираться, если не хотим, чтобы нам мешали заниматься?

В рыке горгульи прозвучало что-то вроде: «Вы когда спать думаете, полоумные? Сидят и сидят всю ночь напролет!»

Вот это рвение к знаниям!

Восхитившись упорством девушек, занявших оборону в классах, я всмотрелась в темноту. Мерцающий голубой огонек обнаружился рядом с дверью. Опустив рюкзак на пол, я переложила лисенка в одну руку, второй легко дотронулась до магического выключателя.

Если комната общая на несколько человек, освещение должно регулироваться.

От моего легкого прикосновения слева под потолком тускло загорелся светильник, напоминающий обычный шар на ножке. Я озадаченно нахмурилась и снова коснулась голубого огонька, добавляя освещения.

Кровати в количестве пяти штук, столько же тумбочек, два шкафа, закрытые вертикальными шторами окна, тоже два.

А вот соседок ни одной!

На то, что тут кто-то живет, указывал кусок плотного зеленого тента в углу у шкафа, такими закрывают от дождя летние веранды. И мой чемодан.

А не мои ли соседки усердно учатся?

Присмотревшись к кроватям, я заметила на деревянных спинках таблички с именами.

Отлично! Не придется отвлекать соседок от учебы!

Осторожно уложив лисенка на подушку кровати с моим именем, я разобрала вещи и быстро сбегала в душ. Пока осваивала кабинки

с дверцами и плохо отрегулированные заклинания подогрева воды (самая горячая вода была как прохладный летний дождь), комнату навестила Ру́би.

Когда я вошла, горгулья кормила лисенка кашей из перемолотого мяса и микстуры.

Меня кормить никто не собирался, вместо еды горгулья вручила расписание. Согласно ему, завтра, в семь утра, меня вместе с остальными обменными студентами ждала проверка навыков у… Эмерсона. Пометка надеть брюки настораживала.

В ответ на вопрос «Зачем?» горгулья пожала плечами. А потом, оставив объевшегося лисенка на подушке, вылетела через окно.

Вытащив из недр чемодана артефакт-будильник, напоминающий карманные часы, я выставила время, покрутив колесико, и заползла на кровать. Больше всего на свете я боялась придавить во сне ушастую малышку. В итоге так и уснула, скрючившись рядом с ней.

Глава 6

Мне снился политый из артефакта Стейн. С него текло и капало. И хотя он стоял в стороне, вода попадала точно на меня!

Смахнув с лица капли, я проснулась. Теневик исчез, а вот льющаяся на голову вода – нет! Пижама и волосы липли к коже. Перчатки, в которых я во избежание внезапных приступов честности у окружающих легла спать, радовали сухостью, потому что их защищала магия. К боку жался дрожащий горячий комок.

Закопаю шутника!

Подняв руку, я направила оранжевые огоньки на выключатель.

Свет вспыхнул ярко. Вокруг засверкало и заблестело. В воздухе засияли крохотные радуги. С потолка текло и журчало, журчало и текло. Красивыми ровными струями. И никаких туч.

Вода плескалась по полу, текла по шкафам, сбегала по тумбочкам. Ливень щедро поливал меня и лисенка, полоскал вещи. Будильник прощально позвякивал, его защита не рассчитана на то, что его будут топить посреди спальни.

Полуночным плаваньем мы с лисичкой занимались в гордом одиночестве – соседки так и не появились.

Вот, значит, кто устроил мне ночной ливень… Утоплю всех трех!

Запихнув дрожащую лисичку за пазуху, я всмотрелась в доски потолка.

Ливень сотворили, испортив заклинание для освежения воздуха, и самое паршивое, поправить его можно было только снаружи. С крыши.

Энфилд тихо заскулил, и я решила, что вначале дети, потом заклинания. И напоследок знакомство с соседками – не люблю оставаться в долгу. А тут явно огромный такой долг нарисовался!

Шлепая босыми ногами по лужам, я выплыла в коридор. Под мелодичный звук падающих с меня капель добралась до входной двери и выглянула наружу. Но закон подлости действовал: горгульи у крыльца не наблюдалось. Вернувшись, я внимательно оглядела таблички жилых комнат. Выбрала ту, где было одно имя: Изабель Дженс, четвертый курс.

На стук открыла сонная брюнетка в алом пеньюаре из тончайшего агдарского шелка, расшитом дааранским жемчугом, самым дорогим из всех. Смерив меня недовольным взглядом, она буркнула:

– Полотенце занять?

– Да. И ребенка оставить, пока я заклинание поправлю и с соседками познакомлюсь. – Я вытащила трясущегося лисенка из-за пазухи.

Выдержать такую дозу умиления не выйдет ни у кого… Ни у кого, кроме брюнетки. Скривившись, она зевнула.

– Ладно, оставь на кровати. Полотенца в шкафу, слева на верхней полке.

И отступила, пропуская в комнату.

Внутри царил творческий беспорядок, в простонародье бардак. Вещи Изабель были раскиданы по всем пяти кроватям, на тумбочках теснились расчески, щипцы для завивки, куча пузырьков. Для чего они, оставалось только догадываться. У шкафа были свалены учебники, тетради и листы чистой бумаги.

Изабель сразу же рухнула на кровать и снова сладко зевнула.

Стараясь не наступить на разбросанные по полу туфли, ботинки и сапоги, я добралась до шкафа и вытащила полотенце. Вытерла лисенка и устроила в гнезде из одеяла на ближайшей кровати.

– Брось на спинку! – махнула рукой брюнетка, заметив, что я не знаю, куда деть мокрое полотенце. И, посмотрев на наманикюренные пальцы, добавила: – Мне, конечно, фиолетово, но ты лучше сразу иди со своими зубрилами ругайся, что они не предупредили про ливень. Все равно не сможешь заклинание на комнате исправить. Лучше требуй у них, чтобы подвинулись: классы большие – места хватит. Скажешь горгулье, что они там поселились, а не учатся, она всех обратно под дождь переселит.

Вот именно, и меня с ними.

– Значит, ливень – это не они? – Я повесила полотенце на спинку.

– Нет, конечно! Куда уж им! – хмыкнула Изабель, заворачиваясь в одеяло, почти как мой лисенок в тряпку. – Ливень – это Эмерсон, учит их выживать в любых условиях. Или решай проблему, или терпи. – Последние слова она сказала грубым голосом, явно передразнивала тренера.

Погладив лисичку, я прикрыла ее краем одеяла и направилась к двери.

– Ты куда? – спросила Изабель, высовывая голову.

– Решать проблему.

– А как же попроситься на ночлег ко мне? – В голосе брюнетки была досада.

Я обернулась, держась за дверную ручку.

– А надо было попроситься? – Просто интересно, в чем подвох? То советы раздает, теперь на постой зовет?

– Можно было, – уклончиво отозвалась она, садясь на кровати. – За символическое пожертвование или услугу.

Я поперхнулась воздухом.

– И что я тебе должна за полотенце и кровать для лисенка?

– Ничего, – развела руками Изабель. – Но если решишь сама ко мне на ночь попроситься, договоримся.

– Не, я пока по старинке, заклинание посмотрю, – отказалась я от сомнительного торга.

– Откуда такая? Из солнечных, что ли? По обмену? – фыркнула Изабель.

– Из бытовиков, – хмыкнула я.

– Гм! А бытовые заклинания умеешь портить?

Очевидно, брюнетка почуяла возможного партнера по услугам.

– Нет! Только чинить! – отказалась я от чести подработать на адептах, выходя в коридор.

– Ну и зря! – донеслось мне вслед.

Прежде чем лезть на крышу, я сплавала в свою комнату. Отыскав в шкафу (внутри он тоже оказался мокрым, потому что там тоже текло и капало) рубашку, брюки и холодные сапоги на плоской подошве, сходила в душевые. Подсушила вещи и себя артефактом для сушки волос – его встроили в стену, видимо, во избежание умыкания в особо дождливые комнаты. Переоделась. Поправляя перчатки, открыла дверь на улицу и натолкнулась на внимательный взгляд горгульи.

– Я воздухом подышать. Пробежка утренняя, – попыталась на ходу придумать причину прогулки.

– Утро – с пяти тридцати утра! – четко послышалось в ответном рыке горгульи. – До пяти у себя! Только дежурные!

Я потерла мочку уха: как это? Я ее понимаю?

Кошачья морда скривилась, горгулья вздохнула:

– Эх ты, маг!

– На вас какое-то заклинание? Переводчик? – Я вытянула шею, разглядывая собеседницу. – Только срабатывает не сразу? Нужно привыкнуть к тому, что он переводит, да?

Горгулья кивнула и захлопнула дверь перед моим носом.

Эх, а я почти поняла, какое из опутывающих ее заклинаний переводит ее рык!

Так… Заклинание!

Либо я остановлю дождь, либо Изабель получит свой доход. Но проще в душевой поселиться или прямо в коридоре! Или выселить соседок из классов.

Прикидывая возможные места заселения обменной адептки, я дошла до конца коридора. Окно было огромным. И ни одной «звенелки» или хотя бы небольшой «дребезжалки». Неужели тут все адепты такие послушные?

Взобравшись на подоконник, я распахнула створки и выпрыгнула на газон. Пройдя вдоль стены до своего окна, посмотрела на текущую с внутренней стороны по стеклу воду и вскарабкалась на подоконник.

Заклинание для освежения воздуха в помещении выныривало из рамы, обвивало водосточную трубу и убегало на крышу.

Цепляясь за неровности каменной кладки и проклиная бытовика, придумавшего для лучшей аэрации выводить часть заклинания повыше, я повисла на водосточной трубе. Не крыша, но носки сапог до подоконника уже не достают. Залезть не выходит, спрыгнуть стыдно.

– Попалась рыбка, – присвистнуло сбоку. И тут же раздалось сердитое: – Мартина, какого зомби ты тут висишь?

Я скосила глаза, пытаясь понять, кто меня застукал.

У стены стоял Змей. Черная короткая мантия с цифрой «пять» делала его практически невидимым в ночном полумраке.

– Мышка, в окно второго этажа обычно ползут при наличии этажа, – насмешливо просветил он.

– А при наличии ливня в комнате ползут на крышу, – пропыхтела я.

– Тебя в испытательную поселили? – нахмурился Стейн.

– Куда? – Я дернулась, пытаясь забраться.

– Комнату, куда первокурсников селят. Там всякие сюрпризы от преподов. В воспитательных целях. – Голос Змея прозвучал за спиной, мой нижний компас для неприятностей подперли две широкие ладони.

Хорошо так подперли! Теплые такие ладони. А потом еще и вверх подтолкнули.

– Ты чего замерла? – насмешливо спросил Стейн. – Ползи. Я тебе не табуретка.

Я поползла, мысленно представив, что я неумелый альпинист, а снизу ни разу не руки, а такое снаряжение, затаскивательное. С небольшим подогревом.

Стейн затолкал меня на крышу и ловко забрался сам.

– Ну? Давай твори, надо же мне знать причину, почему я внезапно ослепну и не замечу тебя на патрулируемом участке? – Он уселся на скат.

Вот почему нет ни «звенелок», ни «дребезжалок»! Территорию патрулируют.

– А ты точно не заметишь? – Я высматривала в ночном полумраке квадрат плетения освежающего заклинания на черепице.

– Темно, – пожал плечами Змей.

Ну да, а заклинания ночного видения – для слабаков.

Я усмехнулась, запуская пальцы в плетение, когда-то направленное на освежение воздуха, а сейчас – на конденсацию и выброс воды.

Портили заклинание капитально и с умом. Исправить без бытовика сложно. Но отключить незапланированные осадки вполне возможно. А потом вытереть потоп вручную.

К счастью, я была именно магом прикладной магии.

Оранжевые огоньки слетели с моих пальцев, нырнули в серое плетение чужого заклинания. Я меняла местами перепутанные нити, добавляла новые вместо порванных, вплетала свои. Потому что видела, что под них явно имелось место, но их почему-то не добавили. Наверное, в целях экономии. Я экономить на комнате не собиралась.

Всего пара минут, а я чувствовала себя выжатым лимоном, который еще и прогладили непонятно зачем тяжелым утюгом!

Плетение заклинания загорелось ровным серым цветом с легкими вкраплениями оранжевого. Теперь надо немного подождать, пока

исправленное и усовершенствованное плетение уберет воду и высушит вещи и комнату.

Довольная, я посмотрела на задумчивого Змея.

– Мы так и не поговорили, – тихо произнес он.

– А по-моему, поговорили. – Я подобралась к краю крыши и свесила ноги. – Мы скрываем, что нас поженили. Ты против моего участия в команде.

– Я не против, я не вижу в этом смысла, – поправил он, оказался рядом, подцепил меня под локти, развернул и спустил.

На миг мы зависли лицом к лицу. Забавно, но это было не совсем то, что лететь физиономией к морде горгульи. Точнее, совсем не то…

– Мышка, отвисай! – хмыкнул Стейн. И добавил скороговоркой, всматриваясь в деревья (небольшая рощица отделяла женскую казарму от мужских и столовой): – Сейчас ты узнаешь страшную тайну пятого курса и всех горгулий. Быстро становись на подоконник. Толкни створку в верхней части, потом снизу и падай в комнату.

– Еще дозорные? – шепотом спросила я, становясь на подоконник.

– Нет. – Змей отпустил мои руки и исчез за краем крыши.

Я толкнула окно сверху, пнула снизу раму. Створки распахнулись. Я запнулась нога о ногу и села на подоконник. С размаху.

– Мартина, ты там живая? – С крыши свесился Стейн.

– Вроде бы. – Я разогнула ноги и села верхом на подоконник.

Змей тихо ругнулся и исчез.

– О, Леннет! – Из тени деревьев вальяжной походкой выплыл тренер, он же замректора, он же Эмерсон. – Не можете решить, выходить или заходить? – оценил он мою позу.

– Могу. – Я перекинула обе ноги в комнату и села боком. – Решила свежим воздухом подышать. А вы тоже?

– Я тоже… – Тренер, заложив руки за спину, отступил от окна и посмотрел на крышу. – А дышать вы, Мартина, предпочитаете в компании?

Я удивленно округлила глаза.

– А ты, Стейн, видимо, за неимением балкона, чтобы не портить даме романтический момент, на крышу залез?

– Никак нет, – отозвался Змей, ловко спрыгивая на траву и вытягиваясь по стойке «смирно». – Тень заметил, проверял. Но, очевидно, это была сова. Очень крупный экземпляр.

– Примерно метр шестьдесят, да? – подсказал Эмерсон, смерив меня взглядом. – Крупненькая такая совушка. Темноволосая, местами с синими пестринами, в брюках и с тягой портить чужие заклинания?

Стейн стоял, вытянувшись, и делал вид, что вообще ни разу не понимает намеков. Я тоже постаралась придать лицу удивленное выражение. Судя по скепсису в глазах тренера, вышло не очень.

– Ну что, диверсантка, будем исправлять свою диверсию? – прищурился Эмерсон, подходя к подоконнику. – Заклинание вернуть обратно, нечего мне учебный процесс портить.

– Я не вам порчу! – пробормотала я. – Я ребенка спасаю, ей нельзя переохлаждаться.

Тренер поморщился.

Змей смотрел на меня круглыми от удивления глазами.

– Ладно, Мартина, уговорили. Стейн, как вернете заклинание на место, организуй переезд семейства в свободную комнату, проверку Леннет прошла. Можно селить туда, куда ее при приезде распределили, – недовольно выдал Эмерсон, заглядывая в комнату: сухую, чистую, без следа потопа.

То есть меня поселили отдельно? А этот… преподаватель приказал горгулье подселить меня в испытательную комнату? Ну и… тренер!

– Не понял, где мои юные боевые девы, свет и надежда первого курса? – Эмерсон перепрыгнул через подоконник, придирчиво оглядел комнату, словно ожидал, что девы обнаружатся под кроватями или в приоткрытом шкафу. – Та-а-ак… Ясно…

Он направился к двери, взялся за ручку и, не оборачиваясь, добавил:

– Мартина, Стейн, хватит столбами прикидываться. Живо на крышу, и чтобы через пятнадцать минут заклинание было как старое!

Ага, как старое. То есть испорченное.

Я вылезла наружу. Змей ловко забрался на крышу, помог вскарабкаться мне. В этот раз обошлось без «табуреток», альпинизма и двусмысленных зависаний нос к носу. Присев у мерцающего магией серого куба, я уныло вздохнула: жалко! Столько работы зря!

– У тебя есть ребенок? – тихо спросил Стейн.

– Да, месяц всего. – Я запустила пальцы в плетение, прикидывая, как бы вернуть осадки, но не портить остальное.

– Почему не сказала? – Голос Змея стал глухим.

– Э-э-э… Ну я сама не знала, что он появится.

Придумала! Я начала вплетать заклинание для подержания влажности воздуха в теплицах.

– Мышка, ты в своем уме? Как можно не знать, что у тебя есть младенец?

Я озадаченно посмотрела на теневика. На лице Стейна было написано сочувствие и сожаление. Словно он действительно решил, что у меня есть ребенок, и я немного не в себе, раз не помню ничего до его появления.

– Выдохни, Змей, – хмыкнула я, вплетая одну нить за другой. – У моего ребенка хвост и четыре лапы, а еще немного перышек на наружной стороне лап. Она очень маленькая и слабая, ее продали моей сестре, сказав, что это игрушка.

– Тени и солнце, Леннет, у тебя всегда все не как у людей? – рассмеялся Стейн.

– Ну обычно все как у всех, просто сейчас немного больше этого всего происходит… – Я наклонилась ниже: сил почти не осталось, давно так основательно не колдовала.

– Мы ведь решили проблему! – донеслось снизу. Из распахнутого окна вопили хором, в три голоса.

Очевидно, Эмерсон добрался до моих «очень умных» бывших соседок и учинил им грандиозное переселение в зону ливневых дождей.

– Вы сбежали от проблемы! – прогремел в ответ тренер. – Весьма любопытный ход для будущего боевого мага, не находите? Вас против нежити отправят, а вы бежать, да?

– Вы не сказали, что ее нужно устранить! – напомнила одна из переселенок.

– Этого и не требовалось. Вы сами должны были понять. Мартина, Стейн, вы там гнездо вьете?

– Никак нет! – свесившись с крыши, ответил Змей. – Нет подходящего материала.

– Так слезайте, голубки вы наши! – рявкнул тренер.

Я торопливо соединила последние нити. Вроде получилось. И заклинание не сильно испортила, и приказ Эмерсона выполнила.

При помощи Стейна спустившись с крыши, я бросилась в комнату, собирать вещи. Пока скакала, запихивая в чемодан то, что успела вытащить до потопа, теневик деликатно торчал на улице, разглядывая звезды.

В это время в коридоре тренер отчитывал несообразительную горгулью:

– Никаких круглосуточных обучений! Спать они должны в комнате. Если надо, дежурь у двери!

– Пошли радовать массы пикантным зрелищем появления парня из твоей спальни? – Стейн перепрыгнул через подоконник и придавил чемодан, помогая застегнуть замок.

– Ну… – Я смерила теневика взглядом и взяла рюкзак с приданым лисички. – Из пикантного у тебя сейчас только легкая щетина. В остальном очень приличный боевой маг на посылках.

– Скорее, на подхвате, – не согласился Змей, подцепил чемодан и подошел к двери. – Второй день тебя знаю, мышка, а все никак не привыкну, что ты все время падаешь.

Поклеп и напраслина!

– Это ты неудачно мимо проходишь!

– Мартина, Стейн, хватит ворковать! Быстро вымелись из помещения!

Рык тренера заставил нас вылететь в коридор.

Три полусонные девицы – блондинка, русая и пепельная – в неглиже, с вещами в руках, жались к дверям комнат, с тоской поглядывая на классы. Горгулья, сердито надув щеки, сверлила изобретательных адепток взглядом. Эмерсон с легкой улыбкой сытого льва взирал на студенток.

– Эту туда. – Он показал пальцем на меня, потом на дверь свободной комнаты. – Этих туда, – взмах вначале в сторону первокурсниц, затем на мои бывшие «апартаменты». – Только в эту комнату и никуда больше. Ясно?

Горгулья понятливо кивнула.

– Вперед, юные дарования. – Эмерсон распахнул дверь, приглашая девушек войти. – Доброй ночи.

– И вам, сэр! – вразнобой ответили адептки, заходя.

– Чего ждем? Благословения? – ехидно осведомился тренер, поворачиваясь к нам.

Благословения мы не ждали. Стейн понес чемодан в комнату, а я постучала к Изабель. Брюнетка открыла сразу, словно не спала, а подслушивала у двери. Карие глаза азартно блестели. Не «будто», а подслушивала.

Выпутав лисенка из одеяла и баюкая его на руках, я вышла и поблагодарила Изабель.

– Пустой звук! – Она пожала плечами. – Слова в карман не положишь!

И закрыла дверь.

Вряд ли я когда-нибудь пойму ее. А вот папа бы понял и оценил такую дочь. У него все, что не выгода, то прибыль!

Покачивая сонно сопящую лисичку, я зашла в свою новую комнату. Пять кроватей. Одна застеленная. С табличкой. Будто тут можно что-то перепутать. Шкафы, тумбочки, два окна с вертикальными закрытыми шторами.

Стейн придвинул чемодан к моей кровати, почесал лисенка за ухом и улыбнулся:

– Спокойной ночи тебе, лисья мамочка.

– Не папочка же? – Я пожала плечами, губы сами сложились в ответную улыбку. Все-таки Змей бывает иногда ну очень обаятельным.

Стейн ушел.

Уложив лисичку в гнездо из одеяла, я рухнула рядом.

Подтоплено-высушенный будильник, чудом выживший, неумолимо показывал, что спать мне осталось от силы четыре часа. И их я собиралась потратить с пользой для молодого растущего организма, который после отборочного тура и прилета к теневикам чувствовал себя как старый и дряхлый.

Но стоило закрыть глаза, как за стенкой раздались женские вопли. Упражнялись в полуночном пении первокурсницы.

Вот чего, спрашивается, орать? Там ведь всего лишь…

В мою дверь забарабанили, словно внезапно решили устроить концерт.

Из других комнат тут же понеслись весьма образные выражения… о количестве мозгов у первокурсниц. Стук стал тише,

соседи успокоились. А вот я нет. Что этим дятлам не спится? Я же настроила заклинание… У них должно быть уже сухо…

Зевая, я доползла до двери.

На пороге, точно грибы после дождя на пеньке, торчали первокурсницы. Злые, сонные и мокрые.

Вот нетерпеливые! Надо всего час подождать. Час туман и сырость – все согласно приказу тренера. Потом сухо и хорошо. Не смогла я вернуть всемирный потоп. Первокурсницы хоть те еще штучки, но тоже люди. А не огурцы в бочке.

– Что ты сделала? – громким шепотом прошипела блондинка.

Что не так-то?

– Туман скоро уйдет, – я пожала плечами, – час, и все. Я по времени выставила. За час не растаете? Потом сухо и хорошо.

– Час прошел! – выпалила пепельная девица и поперхнулась криком, опасливо покосившись на заинтересованно скрипнувшие двери других комнат.

– Как час? – Я заглянула к себе: будильник тикал на тумбочке.

Действительно, час прошел.

– Ты специально, да? – сверкая глазами, выдохнула едва слышно русая первокурсница.

– Нет. Это не я.

Тренер!

Со скрипом распахнулась входная дверь, в коридор заглянула горгулья. Медальон на ее шее засветился, раскрылся, из него выпорхнула линза.

– И снова доброго вечера! – ехидно поздоровалась проекция тренера. – Леннет, за фантазию пять. За попытку помочь коллегам тоже пять. За выполнение приказа – минус восемь и десять сотых. Попробуете еще раз выполнить чужое задание – верну назад в ваше царство бытовушек. Брысь отсюда!

Назад я не хотела, потому торопливо нырнула в комнату и закрыла дверь.

– Ну а вы, драгоценные мои, как успехи? – ядовито осведомился Эмерсон.

«Драгоценные» нестройно пробурчали, что они в поиске. Потом хлопнула дверь соседней комнаты.

И я отправилась досыпать.

Но только задремала, как в окно просочились ледяные духи. Весело звеня, точно льдинки, они выгрузили на тумбочку сложенный пополам лист.

«Ты пожалеешь!» – прочла я.

Подписи не было.

Уже жалею. Надо было вернуть ливень, как приказал тренер.

Глава 7

– Подъем! Утро! Подъем! – радостно рявкнул в коридоре голос, превращая уютный сон в кошмар.

Противно зазвенел будильник.

Я натянула одеяло на голову: еще пять секунд, и встану!

Громко хлопнуло у окна, послышался шелест, словно быстро свернули ткань, а затем возмущенное рычание:

– Нет, вы гляньте, спит!

И я неожиданно поняла, что лечу на пол. Стукнувшись плечом о доски, я выпуталась из одеяла и сердито уставилась на столкнувшую меня горгулью.

Ру́би сидела на кровати, в ее руках обосновалась лисичка. Она заинтересованно принюхивалась к небольшому горшочку с торчащей из-под крышки ложкой.

– Десять минут на душ, потом гулять. – Горгулья показала на дверь.

– Зачем гулять? – Спросонья соображалось туго.

Я закинула одеяло на пустую кровать, поднялась, зевая.

– Не тебе! Ей! Или нравится лужи убирать? – Ру́би сняла крышку и щедро зачерпнула каши из горшка.

А, ну да, лужи. Лужи и животные явления взаимосвязанные, особенно если последние маленькие. Вчера мне повезло: что налужили, смыло ливнем имени тренера.

Взяв в шкафу сменную одежду, полотенце и мыло, я поплелась в душ.

В коридоре ждал сюрприз: очередь из зевающих адепток разной степени пробуждения. Двенадцать девушек, включая меня и отмоченную троицу первокурсниц, жаждали освежиться в двух кабинках. Изабель и одна из выпускниц уже принимали водные процедуры.

Естественно, я оказалась последней. Очередь не спешила двигаться, и в десять минут поход в душ явно не укладывался.

Вздохнув, я вернулась к себе.

Ру́би как раз сажала объевшуюся до состояния шарика лисичку на подушку.

Сложив вещи на тумбочку, я пригладила волосы пальцами, подхватила питомицу и побрела к двери.

– Куда! – рыкнула горгулья. – А одеть? Там прохладно!

Ру́би вытащила из складок крыльев миленькую розовую тряпку с зелеными бабочками.

Лисичка с сомнением тявкнула.

– Ничего, симпатичный такой цвет, – не согласилась я.

Как раз для маленьких.

Забрав «одежку» у горгульи, я соорудила из мягкой ткани что-то вроде накидки для лисички, завязав концы под ее животом. Цвет был определенно не лисий, но выбирать не приходилось. Взяв лисичку на руки, я повернулась к двери.

– Не туда! – Горгулья цапнула меня за плечо и крутанула в сторону окон. – Затискают! А ей на газон надо!

Точно. Вряд ли удастся незаметно пронести пушистую милоту мимо отряда девушек. Вряд ли они все как Изабель – только с прибылью.

Окно было распахнуто – Ру́би предпочитала ходить именно через него, игнорируя дверь.

Я решила поддержать традицию. Перебравшись через подоконник, опустила лисичку на газон. Пока она выбирала лучшее место для своих дел в траве, я разглядывала казармы за деревьями, освещенные лучами едва высунувшегося из-за горизонта солнца. Из дверей то и дело бодрой рысцой высыпали парни, одетые так, словно их ночью ограбили. В свободные брюки, и на этом все.

И это все… явно не просто лежало на полосе препятствий, как я, оно там прыгало, бегало, отжималось. И теперь мне оставалось только делать вид… что я всю жизнь любовалась такими видами. И ничуть не смущаюсь… ни капли!

С любопытством поглядывая на нашу с лисой композицию, теневики парами, группами и даже небольшими отрядами разбегались по дорожкам.

Босиком, без рубашек! Брр-р…

Поежившись, я посмотрела на лисичку. Зябко поднимая лапки, она жалась к моей ноге. Взяв ее на руки и стараясь не коситься

в сторону мужских казарм, я подошла к подоконнику.

– Леннет? – удивленно спросил знакомый голос.

Только Юргена и не хватало!

Некстати вспомнилось, как теневик чуть не засветил в меня смертельным заклинанием. Я прикрыла лисенка руками и обернулась к Юргену.

Теневик оказался на удивление одетым: черная мантия с цифрой «пять», брюки, ботинки. Серые глаза смотрели на меня с пренебрежением, тонкие губы кривились.

– Где кот? – процедил он.

– Какой кот? – не поняла я.

– Которого ты приволокла и которого мне нянчить, пока вы у Эмерсона, – поморщился Юрген.

– А почему кот? – спросила я, пытаясь осознать масштаб подставы от тренера. Вот почему он не назначил мне в помощники того же Варда? Молчаливого, спокойного.

– А кого еще можно обозвать пушистым недоразумением? – пожал плечами Юрген.

Я нехотя раскрыла ладони. Лисенок с опаской посмотрел на теневика. На лице Юргена крупными буквами было написано: да вы издеваетесь?

– Сюрприз, – нервно рассмеялась я.

– Как зовут? – Теневик попытался ухватить лисенка за загривок.

Я отдернула руки, прижала пушистика к себе.

– Осторожно! Это тебе не кошка! Аккуратно! Она маленькая!

– Оригинальные имена, Леннет, – поддел Юрген. – Так как зовут: «Осторожно» или «Аккуратно»?

– Иди отсюда, сама справлюсь. Подходит?

– Чтобы ты из-за лисы провалила проверку знаний и тренер мне плешь проел до мозга? Нет, Леннет, проваливайся сколько влезет, только без лисенка. – Юрген подставил ладонь, сложив пальцы чашкой. – Да не трясись ты, буду делать все по инструкции. Доктор же тебе ее дал?

– А как же! – ответила за меня горгулья.

Высунувшись в окно, она вручила Юргену рюкзак и лист. Теневик закинул первый на плечо, второй сунул в карман.

– Все по списку! – грозно рыкнула Ру́би, вылетела из комнаты и понеслась в алеющее небо.

– Куда я денусь, – недовольно пробурчал Юрген, опять протягивая руку. – Давай ее сюда, Леннет, я хороший.

– Ага, чуть не убил меня, а так само очарование, – вырвалось у меня.

На щеках теневика выступили желваки.

– Это была случайность, – буркнул он.

– Ну да, смертельные заклинания случайно появляются…

Тени! Я что, все это вслух сказала?

– Лису. Сюда, – отчеканил звереющий Юрген.

– Она маленькая, – напомнила я.

– Да вижу я! – рявкнул теневик.

Осторожно зачерпнул лисенка из моих рук, показал. Лисенок испуганно пискнул и вцепился в большой палец Юргена.

– Ну точно моя бывшая! – неожиданно весело присвистнул теневик.

Лисичка от удивления выпустила его палец.

– Чуть что, сразу кусаться, то есть скандалить, – задумчиво изучая свою ношу, пояснил теневик. – Будешь Беллой.

– Эй! Не смей называть ее именем бывшей! – возмутилась я.

– Есть другие предложения? – не согласился Юрген, пересаживая лисичку на одну ладонь и прижимая к груди. – Иди, а то на завтрак опоздаешь.

И быстро зашагал прочь.

Слов не было. Мало того что имя лисичке дал, так еще и командует!

– Леннет! – донеслось из окна. – Душ через пять минут закрывается!

Чего? Как?

Ввалившись в комнату, я сгребла вещи и вылетела в коридор.

Горгулья ехидно показала на дверь душевой:

– Пять минут. Потом до вечера закрою, чтобы некоторые до самых занятий не плескались.

Вымыться за пять минут оказалось не так просто. Сушка волос в это время точно не укладывалась. В итоге пять минут спустя я вышла

из душевой местами вымытая, местами ополоснутая, переодетая и с мокрой головой.

– На завтрак дается полчаса, – просветила горгулья, запирая дверь на ключ. – Он начался десять минут назад.

Похоже, парни не просто так по утрам бегают. Отрабатывают бодрую рысцу, чтобы никуда не опоздать в этом храме точных чисел и ограничений!

Оставив вещи в комнате, я поскакала в столовую.

Благодаря рассказу дежурного из больницы, я знала, что она находится в здании рядом с мужскими казармами.

Заблудиться при всем желании не вышло бы. Во-первых, едва я оказалась у одноэтажного знания столовой, как нос защекотал аромат еды. Во-вторых, на крыльце имелась табличка с надписью.

Влетела в столовую ровно за десять минут до конца завтрака.

В большом светлом зале стояли длинные столы со скамейками. И стойка.

За последней возвышался повар в белом колпаке на макушке. Смуглая кожа, рыжие брови и аккуратная бородка. И светлые, будто выбеленные, волосы. На кухне руководил выходец из Норка. Рядом с ним мялись два дежурных адепта в фартуках.

Получив у них поднос с тарелкой каши, чай и булку, я пристроилась за ближайшим столом.

В зале было почти пусто. Студенты давно закончили есть, и только Вард неторопливо смаковал чай. Приветливо отсалютовав кружкой, он снова меланхолично уставился перед собой.

Чувствуя себя удавом, я быстро запихнула в себя завтрак. Отнесла посуду и пошла в сторону главного здания университета.

В расписании было указано, что проверять студентов по обмену будут на четвертом полигоне, расположенном рядом с главным корпусом. Полигоном оказалось одно из «штормящих» сооружений. Вблизи скрученные штопором стены, изгибающиеся из стороны в сторону, казались еще более нереальными.

Внутри все было более традиционным. За дверью находился небольшой холл. А вот углов у комнаты оказалось одиннадцать, и потолок в двух местах поднимался волной, казалось, его кто-то вдавил вручную. Имелось пять дверей. На скамейках у слегка наклоненных наружу стен сидели обменные студенты. Ни одной

девушки, все парни. Одинаково породистые, надменные. Одетые так, словно их пригласил лично император. Ну или все двадцать – его бастарды. Похоже, не только наш ректор подрабатывает на пересылке «правильных» студентов к теневикам.

Примостившись на краю скамейки, я то и дело ловила на себе удивленные взгляды. Пару раз слышала шепоток: «Мы мешаем уборщице?» Но разозлиться не успела.

В холл, точно черный ворон в развевающейся мантии, вошел Эмерсон. Без вступления и не представляясь, обрадовал:

– Провалите проверку – месяц посидите свободными слушателями. Справку, что тут были, выдадим. Можете вешать ее на камин и показывать на балах. Провалили, месяц сидим и по домам, ясно?

– А если нет? – подал голос парень с противоположного конца моей скамейки.

– Если нет, – Эмерсон подошел к говорившему, – будете обживаться с первокурсниками. Учиться. Если, конечно, решите по истечении полугода остаться у нас.

Я старательно сжимала кулаки, чтобы не дергаться от волнения. Подумаешь, никто не сказал, что через месяц нас могут отослать обратно. Я справлюсь. У меня есть полгода по обмену. А Игры закончатся раньше. И все будет хорошо.

– Если вам очень повезет, – тренер выделил слово «очень», – и у вас обнаружится уровень знаний выше первого года, будете отращивать дополнительные руки и головы, чтобы нагнать программу. И опять-таки, через полгода необходимо сдать все экзамены и нормативы, чтобы вас могли перевести на соответствующий курс.

А вот это новость! То есть можно не просто попасть на первый курс, а не потерять годы учебы в другом вузе? Теперь ясно, почему столько желающих приехать сюда по обмену!

– Поднимаемся и заходим, – скомандовал Эмерсон.

Двери распахнулись, за ними царила темнота.

– Для боящихся темноты: вам тут делать нечего. Боимся, – тренер показал на темные провалы, – выходим, – махнул рукой на входную дверь. – Месяц свободного слушания и справка вас ждут.

Бояться никто не решился, но головы обменных парней посетила светлая идея: они вдруг вспомнили, что девушек надо пропускать.

Шустро выстроились в две шеренги у дверей и дружно уставились на меня.

Эмерсон усмехнулся, с прищуром оглядел парней. Они гордо повскидывали головы. Зря. Я знала тренера второй день, но этого хватило, чтобы понять: ничего хорошего осмотр им не предвещает. И уж точно Эмерсон не восхищен их галантным поступком.

Поднявшись со скамейки, я потопала к ближайшему провалу. Прежде чем влезть туда целиком, осторожно вытянула руку и засунула пальцы в темный проем. Темнота оказалась вязкой, как кисель.

Обычно такие заслоны ставят перед комнатами чудес в цирке. Чтобы не было видно, какие иллюзии скрыты за дверью. Значит, комната чудес?

Ну что ж, посмотрим на ваши чудеса.

Я шагнула в вязкую темноту. Выставив руки перед собой, сделала несколько шагов.

По глазам резанул яркий свет, полившийся сверху. Под прожектором виднелась парта, на ней лежал лист и карандаш. Еще имелся будильник вроде моего.

Я осторожно подошла к столу, заглянула в бумагу. Тихо выругалась: на ней были задания! Задачки на сообразительность мага. И, судя по времени на будильнике, на их выполнение дали всего полчаса.

Сцапав карандаш, я вчиталась в ровные строчки.

Где-то в темноте взвыло. Вздрогнув, я опасливо покосилась по сторонам. Никого. Но стоило вернуться к чтению, как кто-то громко зарычал, потом чем-то захрустел. По коже тут же заспешили мурашки, по спине скользнула капля холодного пота.

Там иллюзии! Я надеюсь.

Итак, задача номер один.

Низкий, пробирающий до костей вопль прорезал темноту.

Тени и солнце! Да я так скорее поседею, чем что-то решу! Значит, не все так просто с этими задачками.

Хорошо, предположим я… своеобразный боевой маг, который умудрился застрять на поле боя с нежитью, не решив задания. А решить их надо. Что делать?

Обезопасить себя на время решения – и потом в бой.

А как?

Заклинаниями, естественно. Только я ни одного боевого не знаю. Значит, будем брать бытовыми и прикладными!

Отложив лист и карандаш, я запустила во все стороны оранжевые огоньки. Лишь бы ничего не напутать. В воздухе сплетались тонкие нити. Две минуты спустя я стояла в густой дымке тумана.

Схватив лист и карандаш, я начала читать. Вой в сизых клубах прозвучал недовольно.

Вой себе, вой, все равно так просто меня не найдешь!

Под аккомпанемент жутких звуков я просмотрела задания и поняла, что попала. Их составляли для студентов боевого направления!

Например: подсчитайте силу удара режущего заклинания петельного типа при ударе по камню.

Я потерла висок: да здравствует уединенный домик? Нет!

Как считать силу боевого заклинания, я не знала, но магические ножи настраивать приходилось. У них есть степень возможного вреда при небрежном обращении. И считается она от удара по мрамору. Мрамор тоже камень. Осталось понять, как перевести все это на круглый «нож». Петля – это ведь круг…

С горем пополам справившись с заданием, я прошлась по остальным.

Знания, полученные за четыре года обучения, оказались очень кстати. Правда, я не была до конца уверена, что все решила верно. Но кто не рискует, тот в домике!

Будильник зазвенел, когда я дописывала ответ последней задачи. Прожектор над головой погас. Не успела моргнуть, как свет снова включился. Стол, бумага и карандаш пропали, я стояла в начале удивительно знакомой полосы препятствий.

Ну конечно, куда без нее!

Под высоким каменным потолком появился большой циферблат. На нем начался обратный отсчет. В этот раз мне дали целых сорок минут.

Набрав в грудь побольше воздуха, я понеслась штурмовать снаряды.

Полоса оказалась куда проще, чем та, по которой мы пытались ползти за теневиками на соревнованиях.

Дорожку с кочками я проскочила, почти не испачкав сапог. Свалилась с бревна два раза. Третий проползла по нему, обняв снаряд, как родной. Застопорилась в лабиринте.

Не знаю почему, но меня все время выносило в тупики. Снова и снова упираясь носом в деревянную стенку, я медленно зверела.

«Решить проблему!» – вспомнились слова тренера.

У меня как раз она.

Я попыталась вскарабкаться по стене, чтобы сверху посмотреть, куда идти. Но за пару часов, прошедших после наших со Змеем посиделок на крыше, меня белка не покусала, и верхолаз из меня был по-прежнему никакой.

Постучав пальцами по стенке, я отметила, что доски сухие, саламандра моей домоправительницы точно бы оценила… Саламандра, пламя, заклинание розжига!

– Ну что, организуем костерок? – посмеиваясь, спросила я у стенки.

Стенка ожидаемо не ответила.

С пальцев сорвались оранжевые огоньки. Круг с символами по краю вспыхнул в воздухе. Я взмахом руки сделала его больше, чтобы точно пролезть, и направила на стену.

Запахло гарью, затрещало. Из стены выпал выжженный круг, заклинание полетело дальше. Я переползла через дырку.

Раз стена.

Два стена.

Три стена.

Да!

По ту сторону была знакомая темнота.

Я выпала наружу. Покосилась на часы и громко расхохоталась. Не успела!

Я не успела.

Наклонившись, я оперлась ладонями о колени и потрясла головой, пытаясь остановить хохот.

– Занятная реакция на стресс, – прозвучало в темноте.

Разогнувшись, я заметила Эмерсона. Тренер сидел на краю непонятно откуда появившейся парты.

– По оптимизму и стремлению к цели вы тянете на четвертый курс, не меньше. – Эмерсон покрутил лист с моими ответами. –

По уровню физической подготовки – ноль целых девять десятых от абитуриента.

Знаю, все знаю! Только не знаю, что делать с проклятием и как добраться до императора без института теневиков.

– А вот по знаниям, – Эмерсон ткнул пальцем в бумагу, – вы нечто среднее между первым, вторым и третьим курсами. Если бы нашим преподавателям стукнуло в голову объяснить принципы действия заклинаний на основе бытовых формул.

Я настороженно смотрела на тренера. И что все это значит?

– Первый курс. – Тренер едва заметно улыбнулся. – Полгода проучитесь. Если не пропадет желание учиться у нас, можете попробовать догнать программу курса выше. Нехорошо терять все четыре года учебы у бытовиков.

– Я остаюсь? – не веря, прошептала я.

– Остаетесь, – терпеливо повторил Эмерсон. – Остальное – через полгода, если не пропадет желание. Сейчас оно есть, и это не просто попытка обойти брата или попасть туда, где много красивых и неженатых парней. У вас что-то другое.

Что ж он такой проницательный, а?

Меня так и подмывало ляпнуть: конечно, другое! Проклятие! И оно куда раньше полугода может «выгнать» меня из института…

Я растянула губы в улыбке – говорить с такой гримасой проблематично.

– Мне совершенно все равно, что вас подвигло приехать к нам, – продолжал Эмерсон. – Натворить глупостей мы вам не дадим. Остальное не суть. Пока вы мотивированы на учебу, это вполне оправданно.

Я подавилась воздухом и закашлялась.

– А если я на императора покушение готовлю? – не сдержалась я.

– Вы? – Меня смерили фирменным оценивающим взглядом. – Нет. Охрана императора работает отлично, вы бы давно отправились на прогулку в места не столь отдаленные. Кстати, Мартина, половина сотрудников там – наши выпускники.

Он поднял указательный палец, покрутил им.

– Всё, свободны!

– Ага.

– Не ага, а так точно, – раздраженно поправил Эмерсон.

– Как скажете. – О тени! – Так точно!

Из темноты появился светлый прямоугольник двери, за ним был холл, пустой. Похоже, я справилась с заданиями последней.

Ну и ладно! Главное, я остаюсь!

Первый шаг к императору сделан. На очереди второй.

Выйдя на улицу, я, щурясь на солнце, отыскала скамейку. Уютно спрятанная среди посаженных рядом деревьев, она была все еще немного сырой после утренней росы. Но это сущие мелочи! Теплый ветер приносил аромат цветущего сада, травка зеленела, птицы пели в ветвях, мне тоже хотелось петь и скакать.

Меня взяли на первый курс!

Благо тут он один. В институте не было разделения на факультеты. Имелся один-единственный: теневой и боевой магии. Так что попасть на направление, откуда не берут или неохотно берут игроков, я при всем желании не смогу.

Осталось попасть в команду!

Вытащив линзу, стала искать в проекциях новостей все, связанное с Императорскими играми. Надо было это сделать до отъезда сюда, но тогда у меня не было времени.

Императорские игры проводились раз в пять лет. Победители не просто получали личную аудиенцию у императора, они, как правило, занимали высокие должности. Их ценили, им завидовали. Заманчивая перспектива для выпускников?

И не только для них. Команды набирали со всех курсов. Четыре человека основной состав, четыре – запасные. По два нападающих и два защитника.

В команде теневиков, кстати, был недобор в запасе.

Девушки из новостных проекций разных агентств как одна весьма уклончиво вещали что-то про внезапную смену состава основной группы и намекали, что тренер воспользовался случаем и вывел из запаса сына, Вардкеса Эмересона. И его близкого друга, лаерна Кристофа Рау.

Вспомнив меланхоличного здоровяка, я хмыкнула. В голове не укладывалось, что Вард и тренер – отец и сын! Как и то, что здоровяк и блондин друзья. Вард держался чуть особняком…

Но не в этом суть. В нашей команде есть вакантные места в запасе!

Подумав, что прежде чем бежать к Эмерсону и радовать его новостью, что его «любимая» бытовушка хочет претендовать на место во втором составе команды, я решила досмотреть новостные проекции.

В самих Играх был один отборочный этап и один основной. Потом полуфинал и финал. Пока прошел только отборочный тур, но все новостные проекции пестрели сообщениями об Императорских играх. Игры не были юбилейными, всего пятьдесят вторые. Никаких особых призов победителям император не обещал. И само соревнование было обычным: полоса и борьба за реликвию. Однако количество происшествий с игроками до начала Игр зашкаливало.

Команда теневиков не единственная сменила состав в последний момент. Игроки болели. Женились, внезапно уезжали, не оставив обратного адреса. Тренеры выли и искали замену.

Несколько команд вовсе выбыли полным составом: всем! И основным, и запасным. Массовое отравление, странный групповой психоз с боязнью открытых пространств и авария.

Как можно врезаться во что-то на духовозке, которую несут энфилды? Элементали разумные. Мстительные, вредные, но не самоубийцы…

– Загораешь, солнышко? – На скамейку плюхнулся Кристоф. Вытянул длинные ноги, расстегнул ворот рубашки, прищурился.

– Просвещаюсь. – Я убрала проекцию.

– Только зря время потратишь, тренер тебя не возьмет, – неожиданно сказал блондин.

– Тоже считаешь, что от меня там не будет пользы? – хмуро пробормотала я.

Кристоф потряс головой, так что светлые пряди задергались вокруг лица как ненормальные.

– Не в этом дело, лапушка. Понимаешь, к девочкам особый спрос… – Он дотронулся пальцем до выдающегося носа. – Была одна… В общем, теперь Эмерсон вряд ли решит брать в команду девушку.

В кармане Кристофа замерцало и зажужжало. Он вытащил линзу, посмотрел на ее поверхность.

– Помянешь… Эмерсона, – усмехнулся теневик, пряча линзу. – Пока, лапуль, обед не пропусти. Там мясо будет. Но мы с ним

не встретимся! Эх!

Кристоф подскочил, отвесил мне шутовской поклон и убежал.

Значит, девушку тренер не возьмет.

Что делать?

Вести себя как парень, который хочет в команду. Не ждать, когда тренер объявит о наборе в запас, действовать первой.

Глава 8

Тявканье за деревьями отвлекло от грандиозных планов покорения тренера. Высунувшись из-за ствола, я заметила на дорожке неподалеку от моей скамейки Юргена.

Теневик, как обычно, чем-то раздраженный, шагал, глядя себе под ноги. На его плече болтался рюкзак с приданым лисички. На сгибе руки с видом «я королева» сидела Белла. Круглая как шарик, ушастая, в розовой накидке в зеленую бабочку, она сонно поглядывала по сторонам.

– Юрг! – Его догнал Стейн. Змей тоже был зол.

– Давно в больнице не лежал? – Он заступил дорогу лисичконосителю.

– И что? – прищурился Юрген, поглаживая растопырившую уши Беллу.

Стейн хотел что-то сказать, но парни заметили меня, торчащую из-за дерева. Змей приветливо махнул рукой. Юрген поморщился, снял с плеча рюкзак, подцепил лисичку ладонью под живот и вручил Стейну.

– Покормил, выгулял, напоил микстурой, – сказал он, судя по всему, мне.

Змей молча забрал поклажу и Беллу. Шатен заложил большие пальцы в карманы брюк и, развернувшись на каблуках, пошел обратно.

На щеках Стейна проступили желваки. Глядя в спину теневика, он процедил себе под нос что-то неразборчивое, но явно ругательное. Забросил рюкзак на плечо, посадил лисичку на руку.

– Вылезай, мышка, – хмыкнул Стейн, неожиданно успокаиваясь. – Пошли, провожу в столовую.

– Да я как бы и сама дорогу помню… – Я погасила линзу и запихнула ее в карман.

Я опять сказала вслух то, что подумала? Проклятие? Или нервы? Наверное, второе.

– Ну и помни, а я тебе другую дорогу покажу, – пожал плечами Змей.

Моя сестричка тут же заподозрила бы романтику. Но это точно была не она. Васильковые глаза теневика раздраженно блестели. Похоже, меня решили проводить любой ценой. Ладно, мне не жалко.

Я слезла со скамейки и подошла к Стейну. Он кивнул на дорожку, и мы двинулись. Рядом, как два бравых боевых товарища, а не девушка и парень, который очень хотел ее проводить.

Через несколько метров свернули, потом еще раз. Не знаю зачем, но Змей водил меня кругами, выбирая самые людные места. Сидящие на скамейках и газонах теневики провожали нас взглядами. Кто-то хмыкал, но не слишком громко.

Стейн тут же поворачивался на звук, и смех превращался в надсадный кашель. Судя по количеству кашляющих, мы со Змеем и Беллой стали причиной целой эпидемии внезапной и крайне заразной простуды.

Я как раз собиралась спросить, в чем смысл нашего променада, как мы притопали к двум парням. Они с видом эстетов пытались доплюнуть с лавочки до урны. На мантиях обоих изобретателей альтернативного вида спорта была цифра «пять».

– А, наш принц трущоб нашел себе девушку! – радостно протянул первый, с тонким кривым носом и почти девичьими чертами лица.

– И собачку! – глумливо добавил его товарищ.

– Обе явно королевских кровей! – подхватил первый. – Эй, Борг… или Уотс? Как тебя там? Принцесс подцепил?

Ну все, сейчас я их обоих подцеплю! Я кровожадно оглядела болтунов в поисках бытовых заклинаний, которых просто не могло не быть на одежде таких выскочек. Как минимум, защита от сминания ткани тут есть…

– Мартина, не порть мне противников. – Стейн сжал мою руку, отвлекая, и обратился к замолкшим от удивления парням: – В семь, на пятом полигоне. С кем буду драться первым, выберете сами. Соломинку вытянете. Ну или плюнете, раз другого не умеете.

Он что, их на дуэль вызвал?

Поединки магические и обычные хоть и порицались, но случались. Император сам был пару раз замечен в подобном. Не все его фаворитки были незамужними…

Дуэли до смерти запрещены много столетий назад, во всех королевствах. Исключение – горцы и пустынники. Но они в этом плане

дикари, а мы цивилизованные. Однако желающих поставить противника на место испытанным предками способом не становилось меньше. Дралась в основном молодежь, господа и лаерны старше тридцати предпочитали поединки более изысканные: в суде.

– Двоих осилишь, а, Уотс? – Тонконосый от нетерпения разве что руки не потирал.

Его товарищ согласно кивнул.

– А ты одного? – насмешливо приподнял русые брови Стейн.

– Да я тебя! – Тонконосый подскочил со скамейки.

– Вот вечером и покажешь. – Змей погладил лисичку и подмигнул товарищу носатого. – Или вы, ребятки, заняты?

– Нет! – дружно рыкнули теневики.

Стейн пошел дальше, я следом.

– Что это было? – спросила я, когда взгляды парней перестали обжигать затылок.

– Мои давние друзья, с первого курса дружим. – Змей всмотрелся в группу парней: сидя на газоне, они что-то азартно обсуждали, размахивая руками. – Так, мышка, желания присутствовать на твоем поединке у меня нет, так что постой тут минуту.

– А? – Я закрыла рот, глядя в спину быстро шагающего по газону Змея.

Что за привычка перебивать, уходя?

Стейн тем временем что-то спросил у парня, лежавшего на траве. Пока ему отвечали, один из сидящих, четверокурсник, показал пальцем на Беллу и заржал. Змей обернулся к нему так радостно, что тот поперхнулся. Судя по вытаращенным глазам, на самом деле. Пока его хлопали по спине, Стейн сказал весьма громко, очевидно, чтобы кашляющий услышал:

– В восемь, на пятом полигоне!

Поперхнувшийся поднял руку с оттопыренным вверх большим пальцем. Согласился.

Опять дуэль? Стейн, как истинный змей, провоцировал противников.

Убедившись, что любитель посмеяться его услышал, он вернулся ко мне.

– И зачем? – Я показала на противника Змея.

Тот наконец перестал кашлять и теперь с блестящими от восторга глазами что-то говорил товарищам.

– Он сам напрашивался, – пожал плечами Стейн.

– Ага, с твоей помощью. – Я догнала теневика и вытянула руку, собираясь погладить Беллу.

Лисичка открыла пасть и цапнула меня за палец.

– Эй, ты чего? – Я потрясла прикушенной рукой.

Лисичка, таращась умильными круглыми глазами, жевала мою перчатку.

Кусь! – и мой палец, целый, торчит наружу, а мелкая вредность с радостным повизгиванием крутит головой. Между крошечными зубками болтается кусок перчатки.

Ничего, у меня в чемодане две пары запасных лежат.

– Вот тебе и лисья мама. Ты ребенку игрушек совсем не даешь? – рассмеялся Стейн.

Мы свернули на боковую дорожку. Из-за круглого здания не то теплицы, не то оранжереи показались казармы.

– Зачем тебе дуэли? – Брат говорил, что иногда я превращаюсь в очень любопытного дятла, который додолбится до правды любой ценой.

Цапнув Змея за руку, я запоздало поняла, что покусанный палец, незащищенный перчаткой, коснулся его кожи.

– Потому что у меня еще есть запас дуэлей на этот год, а у Юрга осталось всего три. Если он истратит все три попытки на этих идиотов, тренер плюнет на то, что он сильный нападающий, и его выгонят из команды. Замены ему нет. Хватит того, что у меня в команде Вард с его «стою сторожу, я защитник» и Кристоф, который вначале говорит, потом делает… – Стейн нахмурился, потер пальцами висок.

Нехорошо вышло!

Я отпустила руку теневика и торопливо спросила, не давая ему задуматься над тем, почему его приступы честности случаются рядом со мной:

– Запас дуэлей? Это как так?

– Необходимая мера: тут каждый второй маг считает себя отличной боевой единицей, – усмехнулся Стейн.

Пока шли к столовой, я узнала детали.

В месте, где девяносто процентов адептов парни, поединки – зло, которого избежать не выйдет. Запреты привели лишь к тому, что администрации приходилось вызволять особо рьяных поединщиков из отделений полиции. В итоге ректор и его зам нашли решение вполне в духе Эмерсона: на год каждому студенту дается двенадцать дуэлей. Такое количество удовлетворит самых рьяных. К тому же в их распоряжении полигоны и арсенал, если приспичит помахать мечами вместо магического боя.

Но если ты использовал двенадцать попыток, попадешь под особый надзор замректора. И не дай тени и солнце, тебе приспичит получить еще один вызов. Отчислят за неуравновешенность. А это сомнительный билет в будущее. Неадекватный и недоученный студент не нужен ни в другом вузе, ни на приличной работе. Поблажку давали только для команды. Их не выгоняли из института за тринадцатую дуэль. Выгоняли из команды.

У Юрга осталось три попытки.

– Он что, получил четыре вызова за сегодняшний день? – Я схватила Стейна за рукав и отдернула руку.

Змей проследил за мной с насмешкой и интересом.

– Помну! – выпалила первое, что пришло в голову.

– Мни, – разрешил Стейн. – Ты все верно поняла.

Я судорожно перебирала в голове правила поединков, пытаясь понять, при чем тут он.

– Я для них интересней Юрга, – пояснил Змей, открывая дверь столовой.

Интересней? То есть они откажутся от дуэли с шатеном, чтобы побить Стейна?

– А у них что, тоже больше нет попыток? – Я озадаченно нахмурилась.

– А ты догадливая, – усмехнулся Змей, протягивая мне Беллу и кивая на стол, за которым сидели Кристоф и Вард, оба в форменных мантиях.

Ну вот, а блондин плакался, что его без обеда оставят!

– Иди садись. Или думаешь, я два подноса не донесу? – Стейн снова показал на стол.

Донес, еще и как. Красиво, одной рукой. Точно потомственный официант: один пальцами держит, второй на предплечье стоит. Я даже засмотрелась и чуть не села мимо скамейки.

Кристоф со смехом подцепил меня под локоть.

– Впечатляет? Наш боевой друг не только чужие заклинания может гасить, он еще и подносы как циркач крутит! – просветил блондин, помогая устроить Беллу на столе. – Видела бы ты его в таверне матери!

Вард согласно кивнул, зачерпывая из тарелки мясную похлебку.

Интересно, у матери Змея есть таверна?

– Может, еще увидит, – улыбнулся Змей и ловко водрузил передо мной поднос с похлебкой, салатом, пирожком и чаем.

Мой живот тут же неприлично заурчал. Белла поддержала, тявкнула, села на попу и принюхалась.

– Тебе пока нельзя человеческую еду. – Я отодвинула поднос от любопытной лисички.

Белла обиженно опустила уши и отвернулась.

– Еще немного – и заговорит! – усмехнулся Кристоф, к которому она оказалась мордой.

– Боишься конкуренции? – подколол Змей, усаживаясь напротив меня.

– Какая конкуренция с такой красоткой? – Крис показал ложкой на Беллу.

Откушенный от перчатки палец свалился на стол.

Гам!

И похлебка с ложки исчезла.

– Ух ты, проныра! – Блондин рукой отгородил поднос от облизывающейся лисички.

Парни дружно хохотнули.

Пока ели, я искоса поглядывала на соседей по столу. Змей ел нетерпеливо, но аккуратно. Вард с задумчивыми перерывами нырял ложкой в тарелку. Забавно, я только заметила, что на его мантии была цифра «пять». Кристоф, которого новостные агентства записали ему в друзья, тоже с пятого. Блондин одновременно болтал и «чистил» поднос. Иногда не глядя, пару раз даже казалось, что он проглотит вместо салата ложку.

– Приятного аппетита! – ворвался в мысли радостный женский голос. Меня обняли за плечи.

Я чуть не поперхнулась чаем от неожиданности. А Изабель, щекотно дыша мне в ухо, насмешливо выдала:

– Спокойно, парни, я уже не в команде! И вообще не к вам!

То есть она та самая девушка, из-за которой тренер не хочет брать дам? И зовут ее Изабель. Сокращенно… Бель… или Белла! Значит, она еще и бывшая девушка Юргена. Вот это поворот!

– Мартина, у меня к тебе деловое предложение! – продолжила громко нашептывать Изабель.

– Уже страшно, – помешивая похлебку ложкой, влез Кристоф.

– А ты глаза закрой! – посоветовала брюнетка. И мне, прямо в ухо: – Как тебе десятая серебряного за почесать твою лису? Есть трое желающих. И пять за поносить полчаса. И…

– Нет! – хором выпалили мы со Змеем.

Лисичка оскалилась, подгребла лапой палец перчатки.

– Оу! – присвистнула брюнетка, отпуская мою шею. – Семейный бизнес? А Юрг в доле?

– Изабель… – процедил Змей. Ложка в его пальцах тихо скрипнула, сгибаясь.

– Ладно, исчезаю. – За спиной раздался громкий перестук каблуков.

Веселые у них отношения.

В кармане Змея зажурчало. Вытащив линзу, он поморщился.

– Что там? – заинтересованно спросил Кристоф. – Любовное свидание?

– Очень любовное, – скривился Змей, бросая ложку на поднос. – Эмерсон узнал о дуэлях. Скажи Лангусту, что мы с Юргом у него.

Оставив мне рюкзак, Змей ушел.

– А у него – это где? – осторожно спросила я у парней, доедающих обед.

Помнится, тренер заявил, что где он, там и кабинет. А мне ой как нужен его кабинет и он сам.

– На пятом полигоне… – Кристоф посмотрел на потолок, неопределенно пошевелил пальцами в воздухе. Вытащил из кармана линзу, нашел проекцию плана института, ткнул пальцем в большое «штормящее» здание на противоположном от казарм конце поместья.

– У Эмерсона есть кабинет рядом ректорским, но он там только проверки и официальных гостей встречает, – добавил он, убирая линзу. – А тебе зачем?

Я неопределенно пожала плечами.

– А ты думала, у него кабинет везде? – Блондин прекрасно придумал причину без меня. – Кабинеты есть, даже два!

Доев, парни ушли на занятия, радовать преподавателя со странным именем Лангуст тем, что Змей и Юрг в лучшем случае опоздают, а в худшем вообще не придут.

Пары тут длились полтора часа. Как раз хватит, чтобы найти пятый полигон. Тем более завтра времени на охоту на тренера не останется – я отправлюсь на занятия. Об этом мне сообщила горгулья, когда после столовой я заносила в комнату рюкзак.

Кроме него, я оставила у себя погрызенные перчатки, заменила на целые. С Беллой, самозабвенно жующей кусок зачарованной ткани, я двинулась на поиски пятого полигона.

Пары в институте начинались у каждого курса в свое время. Поэтому кто-то все время гулял по дорожкам, сидел на скамейках или валялся на газоне. И никто не пытался пошутить надо мной. Хотя девица с трехцветным лисенком в розовом – весьма пикантное зрелище. Наоборот, парочка второкурсников попыталась познакомиться. Причем после стандартных фраз о внезапно сбившей их харизме имени меня, оба парня тут же съехали на Змея. Кажется, они хотели в команду. Я тоже. Поэтому теневики получили пожелание поискать другого гида по правилам набора игроков.

Похоже, сплетников тут куда больше, чем девушек! И местная новостная служба имени адептов уже записала меня в хорошие знакомые Змея и Юргена… Вот бы они удивились, узнав, что я нежданная жена одного и навязанная Эмерсоном повинность второго!

К большому «штормящему» зданию размером почти в два раза больше того, где испытывали обменных студентов, я подходила в приподнятом настроении. Которое, однако, с каждым шагом перерастало в панику. Что сказать? Как выделиться среди сотен таких же желающих стать частью команды?

Сделать то, что другие не могут.

Или не захотят?

Я затормозила и подняла лисичку, сонно, с причмокиванием, посасывающую оторванный палец перчатки.

– Ну что, будем позориться?

Усадив ее на сгиб руки, я двинулась к двери пятого полигона. План нападения на тренера был прост и безумен. Главное, не думать, что решит тренер, услышав мое признание!

Но едва взялась за ручку, как вся моя уверенность исчезла. Стоять, таращась на дверь, было глупо, и я осторожно постучала.

– Кто там скребется как мышь? Нормально стучите и являйте сюда свой стеснительный лик с остальными частями, – отозвался Эмерсон.

Глубоко вдохнув, я постучала еще раз, потянула ручку и вошла в большой холл с несчетным количеством углов и дверей, но без скамеек. Зато со столом, за которым сидел тренер.

– Что прижались к двери, Леннет? – насмешливо спросил он, отодвигая бумаги и поднимаясь со стула. – Подошли и доложили, с чего вдруг мне такая честь привалила.

Тренер обошел стол, присел на его край и насмешливо выгнул бровь, глядя на меня. Высокий, мощный. А я против него мелкая и… все!

Выдохнув, я промаршировала к нему.

– Я бы хотела попасть в вашу команду! – отчеканила я.

Эмерсон едва заметно поморщился.

– Физической подготовкой и знаниями в боевой магии я противника не возьму! – торопливо выдала я.

Тренер смерил меня заинтересованным взглядом.

– Чем же будете воевать?

– Всем остальным! – выдохнула я.

Надо бы твердо смотреть Эмерсону в глаза, но было страшно, и я уставилась на его нос.

– А остальное – это?.. – тут же последовал ехидный вопрос.

– Фантазия, целеустремленность и та часть заклинаний, которую никто не берет в расчет! – Я старалась говорить четко и уверенно, но голос дрожал, ноги тоже. Сверлить взглядом точку на переносице тренера становилось все сложнее.

– Тяв! – сонно поддержала меня Белла, уронила на пол обмусоленный кусок ткани и попыталась свернуться калачиком.

Эмерсон прищурился и поманил меня, пошевелив пальцами. А потом забрал лисичку. Почесывая ее за ухом, предложил:

– Удивите меня.

– Как? – Я озадаченно развела руками.

– Вам лучше знать, – Эмерсон уложил лисенка на сгиб локтя, – вы же собирались использовать заклинания, которые обычно в расчет не берут? Используйте. Я ваш противник.

Но мой противник забрал лису!

– Можно, я ее возьму? – Я протянула руку.

– Нет, – коротко отрезал тренер.

– Я могу ей случайно навредить.

– Так не вредите, Леннет. Кто вас заставляет? И кто сказал, что ваши противники будут столь щепетильны, что не обратят ваши чувства и слабости против вас?

Никто.

Зачем я ее сюда притащила? Могла же попросить горгулью присмотреть. Или ту же Изабель за сходную плату.

– Ждете, пока я усну? – осведомился Эмерсон. – Любопытная тактика, но бесперспективная.

А это идея. Правда, сильно сомневаюсь, что тренер не сможет нейтрализовать обычные чары для хорошего сна, которые ставят на спальни. Значит, надо что-то другое. Удивить его и не навредить Белле.

Я незаметно покосилась на кипы бумаг.

И… начали!

Оранжевые огоньки устремились к документам, а я прыгнула к Эмерсону.

Заклинание прачек для сушки подхватило листы со стола. Я взмахнула рукой. Вихрь из бумаг облепил тренера. Я потянулась к Белле, но Эмерсон ее не выпустил! Ну ладно. Похоже, у меня сегодня день стиральной магии! Новая порция огоньков, и рукава тренерской мантии зашевелились, сминаясь. Я цапнула вывалившуюся из пальцев мужчины лисичку и отпрянула.

Эмерсон сидел в вихре из листов, голова тренера была облеплена записями, сделанными мелким четким почерком.

Спрятав лисичку на груди, я спросила:

– Я вас удивила?

– Не особо.

Из роя листов вынырнул непонятный темный предмет. Тяжеленное пресс-папье с размаху стукнуло по горлу, выбив воздух. Бумаги рухнули на пол. По колену ударила увесистая чернильница из небьющегося стекла и покатилась, звеня. Я взмахнула рукой, заваливаясь назад. Только бы не уронить Беллу!

Эмерсон оказался рядом, цапнул за плечо. На щеках тренера красиво темнели полосы от чернил, на лбу опечатался целый абзац. Даже можно было прочесть что-то про степень нагрузок для студентов первого курса.

– Не только вы можете использовать подручные средства, Леннет. – Он придержал меня, пока я пыхтела, держась свободной рукой за шею.

Горло болело, колено дергало. Хотелось ругаться. Но я только сипло дышала, сверля тренера взглядом. Эмерсон вернул меня в вертикальное положение и начал неторопливо собирать с пола документы. Сортировал, выкладывал на стол.

– Я рано расслабилась, – прохрипела я, – недооценила противника.

Не знаю, как это поможет. Но больше тут ничего не скажешь! И не сделаешь. Или сделаешь? Первокурсниц он до победного дрессирует… тренирует… пока проблему не решат…

– Что еще? – скучающим тоном спросил Эмерсон, выкладывая на стол очередную стопку листов.

– Простите, но мне нужно стать частью вашей команды. – Я запустила огоньки под ноги Эмерсона.

Круг для розжига костра вспыхнул ярко. Тьма сорвалась с пальцев тренера, начала его гасить. А я направила новый рой огоньков на его одежду. Не мытьем, так катаньем. Ткань встала колом, сковав его не хуже оков.

Я ничего не спрашивала. Я добавляла еще и еще магию. Потому что тьма оставила в покое круг из огня и начала поедать мое заклинание. В ушах шумело, руки дрожали. Еще пара минут, и я лягу к ногам Эмерсона, и ему не надо будет тратить время и объяснять, почему я не подхожу. Но с моих пальцев все равно летели оранжевые огоньки, укрепляя заклинание.

– Это будет интересно… – Тренер согнул руку, заклинание для придания формы вещам разлетелось. – Вы в запасе. В четыре на тренировку. Сбор у главного задания, у входа. Животное с собой возьмите. Я не стану освобождать хоть и дурного, но очень сильного игрока от тренировки.

Покосившись на мои сапоги, он добавил:

– И возьмите уже у горгульи вашего общежития форму.

Взял? Меня?

Тренер взмахом руки загасил круг пламени под ногами.

– Свободны, Леннет!

– А… Так точно, сэр… – прошептала я.

Сил на радость не осталось. Только желание поскорее доползти до комнаты в казарме.

Глава 9

Есть поговорка, что солдат спит даже под звук взрывных заклинаний. Именно им я себя и ощущала. Только вместо заклинаний была одна мелкая и явно выспавшаяся на руках Юргена лисичка. Не знаю, что доктор добавил в микстуры, но Белла из вялой «игрушки» превратилась в мелкого бесенка.

Стоило мне, сгрузив на тумбочку взятый у горгульи комплект одежды, рухнуть на кровать, как мелочь выбралась из рук и начала изучать наше лежбище.

Вначале ползающая вокруг лисичка ничуть мне не мешала. Поставив будильник, я отрубилась. Несмотря на яркое солнце, отлично просвечивающее через шторы, рык горгульи, распевающей про «раз-два командир-беда» и голоса драящих коридор дежурных.

Но полчаса спустя меня лизнули в нос. Потом в щеку. Прикусили мочку уха, дернули за волосы. Я сгребла лисичку к груди и попыталась прижать к себе, поглаживая. Комнату тут же огласило возмущенное тявканье. Пришлось отпустить. Я снова погрузилась в уютную дрему, периодически выпадая из нее, потому что спать, когда тебе сели на лоб, залезли мордой в рукав и прищемили челюстями палец на ноге, проблематично.

Но самое интересное началось, когда прозвенел будильник и я, переодевшись в рубашку, мантию с цифрой «один» на груди, брюки и ботинки, попыталась взять Беллу на руки. Лисичка закопалась в одеяло и отказалась оттуда выниматься.

Пять минут уговоров, обещаний, три попытки вытащить ее из легкой ткани, визг на все общежитие, и я вышла из комнаты. С комком из одеяла и довольной мордой лисы, торчащей из его средины.

– Не стыдно тебе? – пробурчала я, когда две третьекурсницы, с которыми столкнулась у выхода, дружно прыснули.

Белла гордо тявкнула: дескать, ничуть, напротив, очень удобно.

К главному зданию института я шла, делая вид, что одеяла с торчащими из них лисьими мордами – это новый вид сумочек.

Институт теневой магии вблизи выглядел внушительно. По белым стенам здания скакали солнечные блики, из распахнутых окон доносились голоса. По ступенькам на крыльцо с двумя витыми колоннами забегали адепты в черных мантиях с цифрами на груди.

Команда в полном составе заняла скамейку у входа в здание. Змей, сидевший на спинке, увидев меня, нахмурился. Юрген, торчавший рядом с ним, поморщился. Вард, предпочитающий отдыхать прямо на земле, опершись спиной о подлокотник, кивнул. Кристоф вскочил с сиденья и радостно спросил:

– Мелкую выгуливаешь?

– Себя… – я бочком отступила подальше от мрачнеющего Змея, спрыгнувшего со спинки скамейки, – на тренировку веду.

– Да ладно? Эмерсон тебя взял? – Глаза Кристофа сверкали, блондин потряс меня за плечи. – Признавайся, ты разрушила его любимую горгулью?

– Не надейся! – Захлопали каменные крылья, и на мостовую приземлились две горгульи. Те самые, что сопровождали тренера. Моя знакомая по полетам и комарам сердито рыкнула, глядя на меня.

– Спокойно, дамы. Она такой же запасной игрок, как остальные. – К скамейке подошел Эмерсон. Заложив руки за спину, прищурился, изучая одеяло в моих руках.

Белла тут же закопалась в его недра.

Парни повскакивали, выстроились в шеренгу. Я пристроилась рядом с Вардом. Вышло слегка не по росту, но идти под взглядом тренера на противоположный конец не хватило духу.

– Так, Мартина, ушастую и тряпки отдайте ей. – Эмерсон кивнул на горгулью с антикомариным заклинанием. Повернулся на каблуках и радостно протянул: – Да неужели наши запасные игроки решили явиться?

– Да, сэр! – нестройным хором выдохнули любители плевать в урны с расстояния, противники Змея по поединкам.

Тонконосый с девичьим лицом озадаченно покосился на меня. Его товарищ тут же поспешно изобразил интерес. Оба дернулись ко мне, собираясь встать рядом, но взгляд тренера заставил быстро занять места с противоположной стороны шеренги. Судя по всему, строились не только по росту, но и по составам. Вначале основной, потом запасной. Хорошо, что я промахнулась!

– Итак, это Мартина, ваш новый запасной игрок, – без переходов представил меня тренер.

– Разрешите обратиться? – отчеканил Змей.

Скосив глаза, я разглядела его профиль. Судя по выражению лица, Стейн сейчас будет избавлять команду от балласта в виде меня.

– Да, – разрешил тренер.

– При всем уважении, Мартина в качестве запасного игрока – это нецелесообразно, – ровным тоном сказал Змей.

Не согласна! Ай!

Я удивленно посмотрела на Варда. Здоровяк таращился перед собой, словно это не он только что ущипнул меня за руку.

– Она не соответствует по уровню физической подготовки и умению обращаться с боевыми заклинаниями, – продолжал препарировать меня Змей. – У нас и так недобор запасных игроков. Она просто будет занимать место. В случае необходимости мы не сможем выпустить ее с основным составом. Ее просто покалечат.

– Какая прочувствованная речь, – восхищенно протянул Эмерсон. – Помнится, о Изабель вы так не пеклись?

– Она была боевым магом и весьма… изворотлива, – в ровном тоне проскользнули нотки раздражения. – Она соответствовала…

– Ну так исправьте, – оборвал его тренер. – У вас неделя до второго этапа, чтобы привести имеющееся… – он махнул рукой в мою сторону, – к соответствию. Подтянуть физподготовку, научить базовым заклинаниям. Или помочь найти применение тому, чем набита ее головка.

– А там что-то есть? – донеслось едва слышное с противоположного конца строя.

Кажется, говорил тонконосый.

– Представьте себе, Оливер, там куда больше, чем отложилось за пять лет у вас с Чарли, – ядовито заверил Эмерсон. – Вперед. Пробежка, потом полоса. Потом тренировка на поле. И полигон. Мартина, вы с кульком бежать собираетесь?

Я не собиралась – осторожно передала придвинувшейся горгулье одеяло с лисой. Удивленно покосилась на парней. Они дружно стянули мантии, сложили их на скамейку, остались в рубашках. Я тоже сняла.

Стейн покрутил в воздухе рукой, словно пытался изобразить вентилятор, и теневики сорвались с места.

– Леннет, вам нужно особое приглашение? – насмешливо спросил Эмерсон.

Отрицательно покачав головой, я положила мантию на скамейку и побежала.

Ботинки оказались тяжелыми, брюки узковатыми, рубашка, наоборот, широкой и слегка парусящей. Но, возможно, дело было не в форме, а в том, что руки слегка дрожали, а в голове до сих пор немного шумело после убедительной беседы с Эмерсоном.

– Глупая затея, я говорил. – Змей поравнялся со мной. Выбившаяся из хвоста русая прядь у его лица покачивалась в такт неторопливому бегу. – Я решу нашу проблему с женитьбой.

Убедительно говорит. Будь причина только в браке, я бы согласилась. Только вот проклятие правды растет, пора это признать. И не пытаться списать свои промахи на случайности. Если вчера мне надо было коснуться человека ладонью, чтобы у него начался приступ правдивости, то сегодня достаточно одного пальца…

– Я не откажусь, – пропыхтела я. – Я тоже хочу…

– Тогда извини. Но ты будешь соответствовать требованиям к игрокам, – зло отрезал Стейн.

Васильковые глаза сердито сверкнули, и теневик понесся по дорожке, словно за ним гнались. Пара минут, и он обогнал парней, обернулся, легко побежал спиной вперед и гаркнул:

– Что ползем? Решили до утра тут сидеть?

Развернулся и прибавил хода. Юрг ринулся за ним. Тонконосый и его товарищ – следом. Вард покосился на меня и бросился догонять.

– Поторопись, красавица! – Кристоф тоже немного пробежал спиной вперед, чуть не споткнулся о выступающий камень и ринулся за командой.

Блондин догнал и обогнал запасных. И основной состав бодро исчез за поворотом. За ним, явно уступая в прыти, бежали Оливер и Чарли.

Собственно, только по ним я и ориентировалась, куда дальше сворачивать. Сердце колотилось в горле, лицо горело, в ушах шумело. Я взмокла, словно не бежала по залитой солнцем, благоухающей весенней зеленью и цветами дорожке, а сидела в парилке. Переставляя ноги, я старалась не упустить из вида спины запасных.

– Тяв! – донеслось сверху радостное.

– Ногами шевели! – рыкнуло у меня за плечом.

Подпрыгнув, я зашевелила чуть быстрее.

– Во, уже лучше! – похвалила, обгоняя меня, горгулья.

В передних лапах у нее было одеяло, из него торчала счастливая морда лисички.

– Давай быстрее! – мстительно оскалилась любимица комаров.

Я покосилась на нее и слегка шевельнула пальцами, словно хотела направить магию. Крылатая отшатнулась, но не отстала.

– Быстрее, пьяная ты черепаха! – рыкнула она.

– Почему только меня подгоняешь? – просипела я.

– Остальные хорошо идут. – Горгулья летела рядом, Белла повизгивала от восторга.

– Не все! – раздалось с другой стороны.

Вторая горгулья обогнала нас и спустя миг уже вопила в ухо Оливера:

– Что плетешься, как улитка по забору?!

«Улитка» послала каменного монстра погулять по местности и свернула на дорожку, ведущую мимо ворот.

У створок целый отряд горгулий, включая василисков со столбов, что-то обсуждал с высоким мужчиной средних лет с лихо закрученными кольцами усами.

– Что случилось? – сипло выдохнула я.

– Принцесса решила объехать участвующие в Играх вузы, – недовольно проворчала моя провожатая. – Говорят, хочет посмотреть, откуда берутся герои Игр. Нам повезло вдвойне. Основной тур у нас, и на нем она будет присутствовать.

Неужели и мне повезло? Целая принцесса, тут!

– А она с охраной? – прохрипела я.

– Естественно, – фыркнула горгулья. – И нашу тоже на уши поставили. Неделя еще, а Лангуст их дрессирует. Заколебал своим: никаких посторонних рядом с принцессой, только те, кого она лично выберет, после досмотра… Хуже Эмерсона, чтоб мне камнем опять стать!

Это шанс. Осталось придумать, как привлечь внимание коронованной особы. Не думала, что скажу такое, но жаль, что я не парень…

Погодите, она назвала усача Лангустом?

– А Лангуст это имя или фамилия? – с присвистом выдавила я.

– Состояние души! – Горгулья отмахнулась от мошки. – Лангус он.

Подавившись смешком, я вырулила на дорожку, ведущую вдоль забора.

Впереди маячила вторая каменная тренерша, она не давала Оливеру и Чарли срезать путь.

Я бездумно переставляла ноги. С каждым шагом пробежка все больше походила на инквизиторскую экзекуцию. Со мной в роли неудачливого чернокнижника, забывшего взять артефакт для полива.

Двадцать минут спустя я поняла, что экзекуция – это слабо.

Через тридцать, когда мы по извилистому пути прошлись по периметру поместья и на горизонте замаячили белые стены главного здания, я мечтала о скамейке… или о газоне рядом с ней. Он зеленый и, наверное, мягкий…

К цели я доплелась из последних сил.

У скамейки разминались парни. Тренер недовольно скривился, выговаривая Оливеру и Чарли за походку леди в корсете и на каблуках, которой они радовали окружающих во время пробежки.

Заметив меня, Эмерсон удивленно покачал головой.

– Надо же, добежала. И в приличное время уложилась.

– Так она вообще шустрая! – поддержал Кристоф. – На стадионе вон как бегала!

– Разминай тело, а не язык! – отрезал тренер и повторил: – Добежала. И не упала.

– Так приказа не было… – пропыхтела я и рухнула на край скамейки.

Голова шла кругом, перед глазами плыло.

– Ждем приглашения или я неясно выразился? – зло рыкнул Эмерсон. – Тело не забудьте.

Тело? Это он обо мне?

Я оперлась о подлокотник и, кряхтя, встала. Отпускать опору не рискнула, потому что все вокруг выглядело точно в тумане.

– Вперед! – Новый рык тренера, и в моем расплывчатом мире кто-то куда-то побежал.

Кто-то чем-то зашуршал, потом кто-то придвинулся ко мне и что-то на меня натянул, подцепил за талию и поволок в неизвестном

направлении. Держали меня крепко, шевелить ногами почти не приходилось. Потому что меня волокли, слегка приподняв над землей.

– Все еще хочешь остаться? – спросил прямо в ухо Змей, ставя меня перед чем-то высоким и широким.

– Хочу! – едва слышно просипела я.

Стейн зло выдохнул и рявкнул:

– На снаряды!

И отпустил меня. Чтобы не упасть, я прислонилась к предмету, рядом с которым меня оставил теневик. Прикрыла глаза. Дышу-дышу-дышу. Сердце бьется медленнее. Хорошо… Ноги дрожат, но это не важно. Дышу… Вспоминаю про уединенный домик…

– Эй, лапонька! – позвали откуда-то сверху.

Открыв глаза, я увидела одетого в мантию Кристофа, оседлавшего высоченную стену.

– Руку давай, – улыбнулся блондин.

Я вытянула руку. Кристоф подтянул меня, тоже запакованную в фирменную накидку, к себе, помог перекинуть ноги на другую сторону. Посмеиваясь, расписал, как он первый раз застрял на этой стене. Спустил вниз. У бревна меня ждал Вард. Здоровяк водрузил меня на снаряд и провел за ручку, как маленькую, не давая сверзиться. Пока мы возились, блондин добрался до паутины из веревок.

Меня, точно переходящее знамя, передавали из рук в руки.

В конце полосы маячил Стейн, Юрг и два запасника, так же облаченные в мантии. Теперь ясно, что шуршало… Змей раздраженно следил, как я с помощью парней перехожу от одного пыточного сооружения другому. Он явно не одобрял, но и не мешал.

Запасники переглядывались и тихо ржали.

Кристоф протащил меня по кочкам. Вард помог не застрять в лабиринте.

Едва мы из него вышли, как Оливер проорал так, что было слышно не только на площадке, но и, как мне показалось, на доброй половине территории института:

– Надевай корону, принцесса, и ползи домой!

И Оливера сдуло с места. А потом еще и протащило по газону. Змей отряхнул с рук тьму. Юрген сделал вид, что у него на пальцах маникюр. Черный, изчезающий.

– Драки запрещены! – завопил друг побитого, опасливо отодвигаясь от парней.

Юрг пожал плечами.

– Кто дрался? Сам упал. С чего бы это, а? – Змей удивленно покосился на лежащего пластом Оливера, выплевывающего щедрую порцию газона, которая в процессе шмяка об землю попала ему в рот.

– Что ж ты так, Ол? – насмешливо спросил Кристоф, помогая мне сесть на траву рядом с Юргеном.

Захлопали каменные крылья. Горгульи закружились над нами, изучая диспозицию. Стейн посмотрел на них и скомандовал:

– Пошли!

Все пошли. Я дернулась, но встать не выходило. Натолкнувшись на внимательный взгляд васильковых глаз, я улыбнулась Змею:

– Сейчас, соберусь с духом.

– Собирайся быстрее, время на отработку заклинаний ограничено.

Заклинаний? Еще и их? Караул!

Змей шагнул ко мне.

Но его опередили. Вард оказался рядом, поставил меня на ноги, подцепил под руку, позволяя почти повиснуть на себе. И коротко сказал, глядя на Стейна:

– Ты не прав.

И здоровяк утащил меня с площадки со снарядами.

Пока топали до поля, где предстояло отрабатывать заклинания, я спиной чувствовала злой взгляд Змея, идущего следом.

Поле оказалось… полем. Большая прямоугольная площадка с зеленым газоном. По краю – невысокие столбики. На них накручены заклинания, улавливающие магию. На макушке каждого – по прозрачному шару-артефакту, создающему защитный заслон. Только защищали тут не тех, кто внутри, а тех, кто снаружи.

Теневики рассредоточились по площадке.

Вард посадил меня неподалеку от угла и пошел в дальний край.

Ближе всего ко мне были Стейн и Юрг.

– Отрабатываем заклинания, – сухо пояснил Змей, на его пальцах из тьмы сплетался сложный многоугольник. – Всех касается.

Вздохнув, я огляделась. Своих сил у меня не было ни капли. Значит, тренируюсь на чужой магии…

Газон был хорош. Трава сочная, жирная, зеленая. И очень «приличная» – не растет больше пары дюймов.

Я потянулась к едва заметному голубоватому сиянию среди стеблей. Газон пошел волнами. Парни дружно ругнулись, заозирались. Я улыбнулась, помахала им рукой.

– Принцесса, совсем совесть потеряла? – выдали Оливер и его тень Чарли. И так же дружно замолчали.

Вард меланхолично посмотрел под ноги и продолжил создавать из теней сложный щит. Юрг лишь скривился. Кристоф показал большой палец, поднятый вверх. Стейн с сомнением изучал траву.

– И что это, Мартина?

– То, что помешает добраться до цели и отвлечет, – на ходу придумала я применение ожившей траве и устало вздохнула.

Змей поморщился и вернулся к жутко сложному плетению заклинания, о предназначении которого оставалось только догадываться.

Я еще пару раз потрогала плетение на газоне. Покрутив головой, посмотрела на небо. В голубой выси парили горгульи, рядом с ними что-то поблескивало. Похоже, линзы. Надо же, а тренер все же присутствует на тренировках. Небесный глаз бдит!

Оставив газон в покое, я заставила себя подняться.

Нас ждал полигон.

И если не хочу окончательно опозориться перед небесным оком, надо хотя бы доползти туда самой.

Убрав заклинания, парни направились к «штормящему» зданию, напоминающему скрученную свечку.

Я поплелась следом. Второе дыхание открылось, не иначе, но до двери я дошла без чужой помощи. И через холл с лавочками и дверями протопала. И в темноту одной из них за Кристофом себя засунула.

Мы оказались в большом зале, где под сводчатым потолком висели сияющие солнечным светом коконы.

– Комбинация «два-два». – Змей вышел в центр.

Юрг встал рядом, кровожадно улыбнулся, глядя на коконы, с хрустом размял пальцы. Кристоф потянул меня за руку. Вард шагал впереди. Оба теневика остановились за спинами Змея и шатена. Я оказалась посередине.

Оливер и Чарли с недовольными физиономиями утопали в дальний конец зала.

– Просто слушай меня и не отставай, – подмигнул Кристоф.

Не успела спросить, что происходит, как под потолком лопнули сразу три кокона. На пол мягко приземлилась тройка зомби. Два оскалились на нас, один – на запасных.

Стейн и Юрг скользнули им навстречу.

– За мной! – скомандовал Кристоф, выставляя щит из тьмы и двигаясь за ними.

Я торопливо шагнула следом. Вард прикрывал сзади.

Зомби кинулись на Змея, оказавшегося на шаг впереди Юргена. Он легким движением оттолкнул их. Петля тьмы, сплетенная Юргеном, захлестнула и превратила тварей в две кучки костей. Черепа дружно щелкнули и исчезли. Парни сгруппировались, поглядывая на потолок.

В противоположном конце зала закадычные любители плевков на расстояние пытались истребить одного нечастного зомби. А он не истреблялся. Не то крепкий попался, не то магии в него, когда поднимали, влили без меры.

– К ним, – отдал короткий приказ Стейн.

– А это точно для Игр нужно? – вырвалось у меня, когда оба запасных игрока оказались под прикрытием Кристофа и Варда, а Змей и Юрг начали сплетать сеть.

– Ты что, ни разу не смотрела Игры, принцесса? – ухмыльнулся Оливер, азартно следя за тем, как тьма опутывает зомби, превращая его в скелет.

Честно, ни разу. Мама считала, что девочкам азартные зрелища нельзя до шестнадцати лет, пока не окрепнет психика и не будет риска, что вместо милой и привлекательной особы замуж придется выдавать нервную и любящую риск дамочку. Папа если и смотрел, то мы об этом не знали. Брат больше интересовался отцовскими делами, чем развлечениями. А потом я училась. И пятилетние Игры настигли меня аккурат на четвертом курсе.

– Это на отборочных – полосы и беготня, – продолжал Оливер, – потом интереснее!

Скелет исчез.

– Ол, Мартина сама может все найти по линзе, – раздраженно процедил Змей, до безобразия напоминая тренера. – Прекращай прятаться, Оливер, ты защитник или дырка во лбу зомби?

Мартина, конечно, может посмотреть… только вот я много прочла про Игры. Но как-то не добралась до описания самих соревнований. До, собственно, того, чем там занимаются.

Под потолком треснул кокон. Парни насторожились. Стейн и Юрг выступили вперед. Оливер выдвинулся за ними. Треск под сводами зала прекратился.

– Так, господа хорошие! – В дверном проеме стоял Эмерсон. – Закончили. Я все увидел. С сегодняшнего дня вы, мой дорогой запас, занимаетесь отдельно. Буду контролировать лично. Остальные по стандарту: с четырех каждый день. Мартина… – Тренер улыбнулся. Захотелось спрятаться за широкую спину Варда, но я улыбнулась в ответ. – Мартина – наш особый случай. С завтрашнего дня с шести вечера и до первых петухов занимаешься со Стейном и Юргеном. По очереди. Не подтянете ее за неделю, кривой медяк цена вам как команде.

Я вообще выживу?

– Мартина, свободна! – махнул рукой Эмерсон, отлипая от дверного косяка и выпуская меня наружу. – Ну а вы, надежда и опора института, еще раз отрабатываем защиту от нападения нежити. Запас, хватит примерять роль трепетных ланей! Стейн, они часть команды! Пусть «один-один» отрабатывают сами! А ты с основным. Отработал с основным составом, заменил на этих… отработал с ними! Мартина, вы застряли в двери?

– Нет. – Я перешагнула порог. Дверь захлопнулась, отрезав все звуки.

Ко мне подскочила горгулья, вручила одеяло и Беллу. Сонную и пахнущую микстурой.

– Покормила! – буркнула каменная нянька. – Она ж у тебя совсем скелет!

Толстенький скелет сладко зевнул и довольно заворчал, устраиваясь у меня в руках.

Глава 10

Подвиги бывают разные. Оказывается, дойти от полигона до общежития тоже подвиг. А не лечь под лапы горгульи, выловившей тебя в коридоре, еще один.

– Сменная форма, испачканную в корзину в душевой клади. Не перепутается, все подписано. – Каменная комендантша водрузила поверх одеяла стопку одежды. – Уточненное расписание. – Добавила туда же лист.

Я чувствовала себя силачом, удерживая все богатство одной рукой. На второй сопела Белла.

– …Амулет с курсом занятий, чтобы догнать однокурсников. – Горгулья покосилась на гору вещей с листом на вершине, накинула на мою шею цепочку и повесила на грудь артефакт, напоминающий бублик, поделенный на сектора, отмеченные цифрами.

– …Активировать только после того, как спать ляжешь, – добавила она.

Я кивнула.

Комендантша расправила крылья, я отшатнулась, дверь поддалась. Что было странно, потому что замок на ручке настроен на мою руку, а не на гм… спину.

Горгулья с радостным рыком кинулась отлавливать не явившуюся на дежурство адептку, а я ввалилась в комнату.

В густом тумане светлыми пятнами выделялись два окна, подсвеченные солнцем. С трудом угадывалась мебель. Где-то среди сизых клубов с поскрипыванием тикал будильник. Перед носом мокрой тряпкой висел подвешенный на веревке лист. Поплывшие буквы на его сторонах складывались во что-то невнятное.

Никакой фантазии!

Белла сонно тявкнула, у меня вырвался смешок.

То есть испортить заклинание на моей комнате и вскрыть магический замок первокурсницы могут. А избавить свои апартаменты от излишней сырости – это для нас слишком сложно?

Сгрузив пожитки на ближайшую кровать, я с Беллой под мышкой вышла в коридор. Там горгулья вручала беглой дежурной ведро

и тряпку. Кстати, можно просто пожаловаться… Но тогда троица «победительниц» будет считать, что они меня достали.

Значит, опять лезть на крышу. А после тренировки я могу на нее только смотреть. И Змей остался на полигоне. Однако подняться на казарму можно и другим способом!

– Леннет, ты чего так кровожадно на ведро смотришь? – заинтересованно спросила горгулья, следя за тем, как ее подопечная орудует шваброй.

– Прикидываю, есть ли в чулане с хозяйственным инвентарем лестница. – Я погладила лисичку.

– Естественно. А тебе зачем? – Горгулья шевельнула крылом, подставляя его под солнечные лучи, светлыми пятнами ложащиеся на пол.

Меня так и подмывало сказать правду. И я сказала. Правду.

– Да у меня заклинания на комнате сбоят.

Чистая правда. А сами они или с чьей-то помощью – это уже детали.

– На крышу с хвостатой полезешь? – Горгулья вытянула лапу и забрала лисичку. – Мы солнечные ванны принимать! – сообщила она, направляясь к входной двери.

Навестив чулан, я отыскала складную лестницу, напоминающую табуретку. Вытащив на улицу, доволокла до своих окон, взгромоздившись на сиденье, нажала каблуком ботинка на угол. Табуретка начала расти вверх, поднимая меня все выше. Нажав второй раз, я остановила ее и перешагнула на крышу.

Первым делом исправила заклинание на комнате. На это ушли последние капли сил, что удалось наскрести после упражнений с травой. А надо бы вернуть долг первокурсницам… Но, похоже, его уже вернули за меня, причем заранее и с огромными процентами!

Куб заклинания над обителью сырости имени моих соседок выглядел как жертва гениального мага. Эмерсон накрутил там нечто такое, что даже я, бытовик и прикладной маг четвертого года обучения, с трудом понимала, как отключить эту красоту. О том, чтобы сделать, как было до нашего с тренером вторжения, речи уже не шло.

Вниз с лестницы я съезжала, мысленно желая соседкам удачи и сырости.

Пока заклинание вытягивало из комнаты и вещей излишки влаги, высушивая до первоначального состояния, я оттащила сложившуюся лестницу в чулан. Осмотрела защиту на двери. Пришла к выводу, что на сегодня в качестве замка у меня будет одна из пустых тумбочек. Утром с новыми силами починю заклинание.

– Мартина, а я тебя искала! – В казарму вошла Изабель. В ее руках была кипа листов, лицо брюнетки сияло.

Я с трудом поднялась с колен и заглянула в комнату: сухо.

– Можно я у тебя немного посижу? – неожиданно спросила Изабель, заглядывая в комнату через мое плечо.

– Никаких платных почесываний Беллы, – предупредила я.

– Конечно, я все понимаю! – просияла брюнетка и проскользнула мимо меня.

Врезалась в лист на веревке, сорвала, хмыкнула, сунула мне. Сгрузив бумаги на пустую кровать рядом с моей, она зарылась в них.

Читая размытое послание, я отправилась за лисичкой. В листе не оказалась ничего любопытного: «Мы тебя предупреждали». Ну и предупреждайте! Я выбросила лист в урну у крыльца.

– Мы еще не закончили! У нас солнечные ванны! – заявила горгулья, устроившая у ступенек нечто вроде пляжа с зонтиком и креслом-качалкой. И капорами, надетыми на головы нашей комендантши и лисички вместо панам. Белла довольно посапывала у нее в лапах, пригревшись на солнышке.

Ну и ладно. Потрачу время с пользой.

Забрав из комнаты вещи, я сходила в душевую. Оставив испачканную во время тренировки форму в корзине, переоделась в хлопковое платье в мелкий цветочек. Так здорово, что оно оказалось среди шерстяных собратьев!

Едва я вышла из душевой, как горгулья, уже без головного убора, вручила мне Беллу, тоже без лишних одежек.

В комнате тезка лисички, рассортировав листы, вытащила линзу и что-то настраивала, поглядывая на мой будильник. Она стянула мантию и щеголяла в белой блузке с пышным жабо.

– Ты же не против, если я у тебя еще немного посижу? – пробормотала Изабель, старательно поправляя волосы.

Не против.

– А что происходит? – Уложив Беллу на подушку, я растянулась рядом и бросила в изголовье перчатки.

– Событие века! – Изабель загадочно округлила глаза. – И совершенно нет времени на подготовку! Запас против основного состава! Ставки десять к одному!

– Тотализатор? – Я покосилась на бумаги.

Она что, принимает ставки на дуэли Стейна?

– Никакого тотализатора, – поморщилась Изабель, подкрашивая магической кисточкой ресницы, – просто немного ставок. А я их скромный хранитель…

Ну да.

– Так, Юрг и Ром – через десять минут, Стейнчик через полчаса… Укладываюсь.

Брюнетка отложила косметику и запустила линзу. Под потолком тут же появилась проекция многоугольной комнаты, а рядом – лицо Изабель. Чуть ниже, щедрой россыпью, – светящиеся точки: те, кто подключился к трансляции. Над ними едва заметная надпись: «Лаерна-тень». Очевидно, так себя называла Изабель, показывая поединки.

Прищелкнув пальцами, она добавила еще новых зрителей.

– Хорошо сегодня, прямо людно.

Она все убрала и вызвала картинку еще одного полигона. Форма зала отличалась от предыдущего. Зрителей было куда больше, Лаерна-тень явно была очень популярна.

Изабель снова щелкнула и довольно кивнула.

– Вот она, польза бесплатных трансляций! Вначале смотрят, потом замечают ставки под проекцией. Редко кто откажется поиграть, когда так выгодно! А ты чего лежишь? Готовься, сейчас будет зрелище! И совершенно бесплатно! – Брюнетка взбила волосы пальцами. – Юрг, конечно, совершенно не умеет драться красиво. Но Стейн – это сказка! Его умение удерживать чужую магию – прямо что-то! А с теневыми заклинаниями он просто лапочка! Все же две искры магии!

– Две? – Я озадаченно потерла лоб. У Змея проснулось две искры?

– А ты не поняла? – Изабель переложила лист из одной стопки в другую.

Линза крутилась у ее лица.

– Теневая и нейтральная. – Брюнетка приподняла бровь, изучая еще один лист. – Думаешь, Эмерсон его просто так в команду с самого первого курса выбрал? Магия плюс голова. Тренер мужик умный… Поэтому Чарли и Оливер так и будут в запасе болтаться… Хотя маги они сильные, но в остальном спеси больше, чем мозгов. Именно поэтому тренер вернет меня в команду…

– У тебя тоже две искры проснулись? – Я приподнялась на локтях и села.

– А не видно? – пожала плечами Изабель. – Да, не все нейтральные дары бесполезны.

То есть ее тотализатор и вечная выгода во всем как-то связаны с магией?

– Я предчувствую выгоду и могу выбрать путь, который к ней приведет, – пояснила Изабель.

Папа за такую магию душу бы продал!

– То есть вылет из команды принес тебе выгоду? – вырвалось у меня.

Я покосилась на перчатки, они валялись рядом, на кровати.

– Еще какую! – Изабель что-то дописала выуженным из кармана карандашом. – Правда, Юрген оказался весьма упрям… не захотел понять… – Она поморщилась и замолчала.

Просто отлично! И эта туда же. Парни проговариваются и замолкают. И Изабель, сказав «а», не торопится говорить «б».

Придвинувшись ближе к брюнетке, я вытянула руку и коснулась ее предплечья. Пусть я поступаю нехорошо, но мне надо знать, что случилось, ведь теперь я часть команды.

– Почему тебя выгнали? – предельно четко спросила я, глядя в карие глаза брюнетки.

– Потому что тренер иногда бывает упрям как осел! – сердито пробурчала Изабель, не отрываясь от своих бумаг. – Я не могла упустить выгоду. Понимаешь, мы с Юргом встречались. Он неплохой, мне было выгодно с ним быть. Его семья родовитей моей. К тому же я ему нравилась.

Самое неромантичное описание отношений, которое я слышала!

– А тут такая возможность: поединок жениха и невесты! – продолжала Изабель, совершенно не замечая, как вытягивается от удивления мое лицо. – Ничья. Идеальный вариант. Я все

спланировала. Подстроила повод: застала с девицей на коленях. Ну а то, что она туда перед моим приходом специально заскочила… Мы бы потом помирились! Он же меня любил.

Захотелось отдернуть руку, выгнать интриганку из комнаты и… помыться. Но я сдержалась.

– И что было потом? – выдавила я, заметив, что лаерна-тотализатор начала хмуриться.

– Что было, что было… Поединок. – Изабель пожала плечами, покосилась на будильник. – Он меня почти победил. И был так зол… Эта девица с колен ему все рассказала. Я не могла проиграть. Там такая ставка была! А мой отец… Он давно лишил меня карманных денег. Знаешь, сколько надо денег, чтобы соответствовать уровню семьи?

– Знаю. Но я работала, а не подставляла других. – Я поперхнулась словами.

Кажется, мое проклятие работает в обе стороны. Но надо узнать до конца, что случилось с Юргеном. Не думала, что скажу такое, но мне жаль теневика.

– Ты же использовала все возможности? – не согласилась Изабель и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Вот и я! Ничья дала мне выгоду. Я ничуть не сожалею, что ударила исподтишка, что применила смертельное заклинание. Если бы Стейн не вмешался, все было бы нормально. Юрг бы не погиб, моя магия редко ошибается. Отлежался бы в больнице, потом меня простил.

Как же нужно любить деньги, чтобы так рисковать?

– И тут влез Стейн. Он отличный капитан, но в жизни эта его принципиальность хороша для сына бывшей лаерны, а не для отпрыска трактирщицы! – искренне возмущалась Изабель. – Их обоих контузило отдачей. Юрга до сих пор клинит иногда. Он видит то, чего нет, и вместо обычных заклинаний создает смертельные. Но Стейн и тренер его покрывают. А я козел отпущения. Но ничего, Эмерсон все равно меня вернет, я знаю.

Я отдернула руку. Вышло брезгливо.

Изабель нахмурилась, глядя на мои пальцы.

– Рука холодная? – предположила она. – У меня всегда руки ледяные. О, заболталась совсем!

В воздухе появилась проекция с залом первого полигона: на нем Юрген здоровался за руку с худощавым блондином в мантии с цифрой «три» на груди. Чуть в стороне возникла вторая картинка: лицо Изабель.

– Итак, дорогие любители состязаний, сегодня мы увидим поединок одного из сильнейших нападающих нашей команды и могучего в плане магии адепта с третьего курса! Ставки закрыты, ставок больше нет!

Юрген и его визави разошлись на расстояние десяти шагов. Вокруг пальцев шатена начали сплетаться из теней черные круги. Один, два, три. Взмах. И его противник упал, скрученный магией.

– Стремительная победа Юргена! – объявила Изабель, убирая проекции. – Так, мне пора к себе. Там как раз уборку закончили: пара монет творит чудеса! А дежурной все равно коридор драить. У меня она хотя бы прибыль получила за уборку. Тебе за гостеприимство одна бесплатная ставка на серебряный. Надумаешь, пиши Лаерне-тени.

Пока она собирала листы и радостно напевала, я размышляла о словах отца. Может, он был не так уж не прав, когда предложил домик? Если каждый раз я буду окунаться по самые уши в болото правды, вообще ни с кем нормально общаться не смогу! Только вот сдаться, даже не попробовав? Нет. Я уже во втором составе команды. Идем на первый. В перчатках. И больше ничего ни у кого не выясняем!

– Пока-пока! – Изабель, довольная, как сытно перекусивший зомби, выбежала из комнаты.

Взяв перчатки, я натянула их, погладила Беллу. И ничего она на свою тезку не похожа. Чтобы как-то успокоиться, потрогала болтающийся на шее учебный артефакт. Тихо выругалась: тени побери Изабель и ее бесплатные проекции. Безумно хотелось посмотреть на поединки Стейна!

Вариантов было два: дать слабину и стать частью бизнеса брюнетки или сходить на полигон. Но тут имелась проблема: я напрочь забыла его номер. И усталость после тренировки, отступившая от бодрящей порции правды, снова вернулась.

Вздохнув, я потянулась к тумбочке. Вытащила линзу, нашла Лаерну-тень, меня тут же подключили к трансляции из зала.

Устроившись на подушке, я разглядывала помещение с обилием углов.

Первым вошел тонконосый Оливер. Он явно знал, что за ним наблюдают, потому что начал стягивать мантию, а потом и рубашку. Под последней оказался довольно-таки жилистый торс. Если бы не девичьи черты лица и паршивый характер, его можно было посчитать симпатичным.

Почти…

Вспомнился совсем другой теневик под прикрытием шали домоправительницы. Оливер Змею проигрывал. Сильно проигрывал.

Хлопнула дверь, в зал на проекции зашел Змей собственной персоной. Он ничего не стал снимать и даже ворот мантии не расстегнул. Пожал руку противнику.

– Итак, сегодня… – радостно начала вещать проекция Изабель.

Змей легко махнул рукой, словно хотел метнуть мяч в угол, откуда мы на него смотрели. Проекция зала моргнула и исчезла.

Изабель нахмурилась и тут же заверила:

– Мелкие помехи связи, не беспокойтесь, сейчас все наладим.

«Сейчас» длилось минуту, не больше. Когда снова появилась проекция зала, теперь уже под другим углом, Оливер, ругаясь как портовой грузчик, пытался выбраться из сети, сплетенной из тьмы. Змей смотрел на него, скрестив руки на груди. Ни один волос не выбился из его хвоста, теневик выглядел так, словно это не он запаковал Оливера, а только что вошел и обнаружил бранящееся недоразумение на полу.

– Весьма красочная победа за Стейном… – Изабель оборвал очередной взмах руки Змея, проекция зала опять пропала. – Небольшие технические сложности, – просияла брюнетка, исчезая.

«Технические сложности» преследовали Изабель и на следующих поединках. Змей насмешливо наблюдал за тем, как появляются его противники, как они пытаются красоваться перед невидимыми зрителями. Пытаются, потому что не знают, из какой части за ними наблюдают. А потом он вырубал шпионское око и противника.

Но Изабель включала новое. Было ощущение, что она напичкала все углы зала замаскированным артефактами.

В итоге мы увидели Чарли, придавленного к стене своим же заклинанием пресса, которым обездвиживают крупную нежить. Похоже, Змей просто отшвырнул то, что прилетело, обратно.

А чуть позже – любителя кашлять. Его Стейн выволакивал на плече из зала, костеря на чем свет стоит. Оно и понятно: запутаться в плетении собственной сети и повредить ногу – это надо суметь!

Погасив проекции, я посмотрела за моргавшую на поверхности линзы картинку и нажала.

– Как подарок? – заулыбалась сестричка.

Я повернула линзу, чтобы было видно Беллу, подергивающую во сне лапами.

– Ой, она еще и двигается! – обрадовалась Ненси.

– И тявкает. Твоя игрушка оказалась живой.

– Живой? – Сестра взлохматила пальцами идеально выпрямленные светло-рыжие пряди. – Прямо настоящий энфилд?

– Ага.

– Я тоже хочу.

– Не отдам.

Сегодня хочет, завтра в шкаф. С лисичкой так нельзя.

– Вредина! – надула губы сестра.

Какая есть.

– Я тут поспрашивала маму о тех, у кого было такое проклятие, как у тебя, – сменила тему мелкая.

– И она тебе ответила? – Странно. Мама у нас избегает любых «сложных» вопросов. Все к отцу.

– А что там отвечать? Их всего четыре было. – Ненси поправила прическу. – Первая – которую того, прокляли. Потом ее внучка. Сестра прадеда и сестра папы. Все в домиках.

– Ты что-то путаешь. – Младшая сестра папы не могла быть в домике. Ей было девятнадцать, когда она утонула.

А проклятие проявляется через тридцать четыре дня после совершеннолетия. Наверное, поэтому я даже не вспомнила о той, в честь которой меня назвали.

Сестричка пожала плечами:

– Значит, домик ей подготовили заранее… Ну или мама не так меня поняла и просто перечислила всех, кто был вторым ребенком в семье наследника…

Это вполне в духе мамули!

– Я попробую посмотреть документы, – пообещала Ненси и со вздохом покосилась на Беллу. – Я за ней приеду?

– Нет, – рассмеялась я.

– Ох, да ладно! Ты там как? Парней красивых много? – переключилась на любимую тему сестричка.

– Ну-у-у… – Второй раз за вечер некстати вспомнился Змей в шали.

– Ну-у-у, – передразнила она. – Ну – это конь, а не парень! Смешная ты, Мартиша. Вроде старше меня, а в парнях ничего не понимаешь!

И эта мелкая сердцеедка… выскочка отключилась.

Хмыкнув, я улеглась поудобнее.

– Ужин! – рявкнула в коридоре горгулья.

Прикинув, как я ползком, что тот краб, добираюсь до столовой, решила, что сегодня я на диете. На легкой и некалорийной диете из очень нужных сведений об Играх.

Чем больше находилось новостных проекций, тем больше я понимала, что родителям надо давать медаль: как уберечь ребенка от того, о чем говорят на каждом перекрестке, базаре и таверне!

Отборочная часть Игр действительно отличалась от основной. Тут была беготня по полосе и борьба за артефакт. А дальше веселей: команды соревновались друг с другом, с ловушками, нежитью. И это были не милые зомби. Там такие экземпляры попадались, что я с трудом подавила рвущийся наружу нервный смех.

В моем плане из понятного осталось лишь одно: будет чудо, если, попав в команду, я выживу, а не окажусь на той стороне в рядах зомби.

Сдаться? Никогда. Я уже сделала первый ход, теперь играем до конца. Главное, чтобы не до моего. На крайний случай сниму перчатки и пойду обнимать противников. Пока они будут выдавать друг другу правду и ничего кроме правды, моя команда побьет нежить и… их.

– Вард, ты куда? – раздался за дверью возмущенный вопль горгульи. – Это женская казарма, куда топаешь?

– Прямо, – отозвался здоровяк.

В дверь постучали.

– Понятно, что не криво! – вскипела каменная комендантша.

Вард снова постучал.

– Открыто. – Я села на кровати, спустить ноги сил не хватило.

– Куда пошел?! – завопила горгулья.

– Отдам, – прогудел Вард, заходя и захлопывая перед носом каменной надсмотрщицы дверь.

– Вышел немедленно! – возмутилась она.

– Сейчас. – Вард, в руках которого был небольшой бумажный сверток, разглядывал защиту. – Помочь? – спросил он, покосившись на меня.

Я кивнула: а почему бы и нет?

Вард подошел ко мне и протянул сверток. Аромат свежей выпечки заставил живот заурчать.

– Булочка, тебе надо есть, – прогудел он, возвращаясь к двери.

– Ем, – вполне в его духе ответила я, отгибая край бумаги и вгрызаясь в мягкую сдобу.

– Что это вы там удумали? – продолжала разоряться горгулья.

Вард открыл дверь, показал на замок.

Каменная даже крылья развесила от удивления.

– Вот не знаю, как у Эмерсона с женой получился ты, за какие заслуги или грехи солнце и тени тебя им послали, но сочувствую твоему отцу! – прорычала она. – Ты же и жениться так же будешь! Что делаешь? Женюсь!

И горгулья поковыляла дальше.

– А ты куда скачешь? – прорычала она уже от входной двери.

– Как куда, красавица? – отозвался знакомый голос. – Спасти от голода товарища!

– Твоего товарища там уже спасли. Ладно, неси. Туда и обратно!

– Ты же меня знаешь! – ответил Кристоф.

– Вот именно, знаю! – сварливо огрызнулась горгулья.

По коридору прозвучали быстрые шаги. Вард распахнул дверь. Кристоф замер с занесенной для стука рукой.

– А-а-а, так это ты спасатель? – рассмеялся он, протискиваясь мимо здоровяка, правящего заклинание на замке.

В руках блондина была бутылка и стакан. Я обрадованно помахала остатками булочки. Похоже, ужин пришел частями. И я была совершенно не против!

Кристоф поставил свою часть перекуса на тумбочку, покрутил головой. Подошел к окну и открыл сворку.

– У тебя тут сыро. Полы, что ли, мыла?

– Все мыла. – Я откупорила пробку, внутри был мятный чай. То, что нужно. Налила полный стакан.

– Эмерсон воспитывает? – предположил Кристоф.

Я отрицательно покачала головой, отпивая ароматного отвара.

– Небольшие разногласия с соседями.

– Помочь? – спросили блондин и здоровяк.

Я снова отрицательно мотнула головой.

– Сделал, – прогудел Вард.

– Кристоф, ты там поселился? – рыкнула в коридоре горгулья.

Блондин шепнул:

– Завтра будет легче.

И они ушли.

Дверь закрылась на замок. У Варда явно талант к бытовой магии. Или тоже две искры? Скорее всего, второе.

Не успела доесть булку, как от окна донеслось:

– Интересно, а вторую булку ты съешь так же быстро?

Через подоконник перепрыгнул Змей. Он принес еще чая и булку.

Я тут же накинулась на выпечку. Оказывается, тренировки не только изматывают, но и пробуждают просто зверский аппетит.

Я уминала выпечку, а Змей устроился на соседней кровати и чесал пузо Белле. Она довольно повизгивала.

– Пока мы были на тренировке, я кое-что вспомнил. – Переложив разомлевшую лисичку на подушку, он придвинулся ближе.

Я проглотила последний кусок булки, допила чай из стакана и вопросительно посмотрела на теневика.

– Теперь я точно уверен, что у тебя есть еще какая-то цель, помимо нашей женитьбы, – тихо сказал Стейн. – И появилась эта цель во время отборочного тура. На полосе препятствий ты просто хотела отбыть повинность. А за реликвию ты уже боролась по-настоящему. Тебе нужно было попасть в программу обмена.

Кто его просил копать? Пришла и пришла.

– Я поспрашивал ребят. В перерыве ты говорила с мужчиной, похожим на тебя. Видимо, отцом. И после этого тебе стало нужно попасть к нам, – продолжал он.

– И что? Разве это запрещено?

Не то, не о том думаю. Чего Стейна так настораживает мой интерес? Я ведь мотивирована, как говорит тренер. Может, в этом

и проблема? Уже была одна такая с мотивацией…

– Я не Изабель. Я никогда не причиню вреда кому-то из друзей… из близких… ради выгоды… специально. Я вообще не понимаю, как можно так поступить…

– Неужели рассказала? – Русые брови насмешливо приподнялись, на щеках Змея проступили желваки.

– Так получилось, – уклончиво ответила я.

В оконную раму постучали.

Юрген смотрел на нас с той стороны и не торопился забираться внутрь. Змей подхватил с подушки Беллу и едва слышно сказал мне:

– Все равно узнаю, мышка.

И с мелкой на руках подошел к окну. Отдал ее Юргену и выпрыгнул наружу.

Узнает. И быстрее, чем хотелось бы. Правила Игр не запрещали участвовать проклятым. Но кто знает, как к этому моему свойству отнесется тренер. Поэтому лучше молчать, пока возможно.

Дождавшись, когда Юрген принесет накормленную и выгулянную Беллу, я решила провести остаток вечера с максимальной пользой: выспаться как следует. Завтра у меня начинались занятия с первым курсом. И хорошо, если артефакт успеет запихнуть в голову хоть немного знаний.

Найдя на «бублике» сектор с цифрой «один», я нажала ее и устроилась на кровати, обняв Беллу.

Глава 11

Мне снились формулы и схемы, в ушах звучал нудный голос, который, ввинчиваясь в мозг, объяснял принципы построения боевых заклинаний. Несмотря на укачивающий тон, я все отлично понимала. И даже пыталась отвечать на проскальзывающие вопросы. И даже, кажется, правильно?

– Спит! Опять!

Рык, влезший в формулы, явно не принадлежал голосу, бубнящему положение о видах атакующих заклинаний. Меня тряхнули, и я обо что-то стукнулась. С трудом разлепив глаза, я заморгала, потому что на меня смотрела морда. Морда приветливо скалилась, в передних лапах морды болтался упитанный трехцветный щенок с крохотными перьями на наружной стороне передних ножек. Крылья морды упирались в кровать. А я, кажется, сидела на полу…

– Артефакт отключи, умница, – усмехнулась морда.

Я цапнула себя за шею, нажала на «бублик». Голос в голове смолк, карусель символов и формул исчезла. Но ощущение, что голова внезапно стала кубиком, не проходило. Я потерла висок, оперлась о край кровати, с которой меня скинула в целях наискорейшей побудки заботливая Ру́би, и взвыла от боли в теле. Ломило все, даже пятки и уши! Я рухнула обратно на одеяло, валяющееся на полу.

Горгулья дотянулась до тумбочки, взяла бутылку, потрясла.

– Ты чего так мало чая выпила? Стейн и Кристоф его у доктора выторговали, словно не боевые маги, а лавочники! Две бутылки! Да ты должна была кузнечиком прыгать с утра!

– Не прыгается, – простонала я, кровожадно глядя на бутылки. – А если сейчас выпить?

Ру́би пожала плечами, откупорила пробку и протянула мне спасительное зелье, замаскированное под чай. Минут через пять я уже не чувствовала себя разобранной на запчасти игрушкой. А когда приговорила чай из второй бутылки, мышцы лишь слегка ныли. Жаль, на голову микстура доктора не подействовала. Я все еще чувствовала себя так, словно за ночь прочла целый раздел библиотеки. Причем

не просто прочла, а вполне себе в нем разобралась… Но это были мелочи.

Вдохновленная, я сбегала в душ, переоделась в форму. Отнесла обкормленную Беллу на газон, потом старательно, под руководством горгульи, помассировала ей лапки. После массажа лисичка задремала.

На завтрак я отправилась с сопящей мелочью под мышкой.

В залитой солнцем столовой адепты стучали ложками, перекидывались фразами, подшучивали друг над другом.

Команды не было.

Взяв поднос с кашей и стаканом молока на раздаче, я примостилась на свободном месте, рядом с третьим курсом. Белла дрыхла на коленях, я жевала и слушала разговоры.

Главной темой была, естественно, принцесса. Симпатичная, двадцать лет, не замужем.

По слухам, император лично выгнал одного шустрого пажа из ее покоев.

– Да ладно! – махнул ложкой третьекурсник, поворачиваясь к товарищу, вещавшему про приключения пажа. – Паж? Серьезно? И откуда взялся во дворце этот самоубийца? Интриганы там, но не идиоты.

Оппонент пожал плечами, возя ложкой по каше.

Разговор свернул на Игры. Точнее, на будущих противников. Соперниками нашей команды были маги из Солнечной академии.

– Наши им точно продуют! – скривился любитель сплетен о пажах.

– Ничего подобного! – возразило сразу несколько парней.

Теневику напомнили, что наша команда побеждала пять раз.

– А они тоже – четыре, – не согласился знаток принцесс и пажей.

Спор набирал обороты.

Пока пила молоко, узнала, что солнечные – главные противники нашей команды. Всегда ими были и есть. Так что встреча команд обещала быть жаркой.

Когда я уходила, парни бились об заклад на победу команд. За ними издалека следила Изабель. Уверена, она не упустит выгоды, и еще до вечера у их спора появится скромный хранитель с небольшим, но весьма полезным для него процентом.

На крыльце столовой ждал Юрген. Молча взял Беллу и протянул мне флакон с круглыми пилюлями.

– Укрепляющие, никакой магии, только травы. Пить по одной-две в день, в зависимости от самочувствия, – пояснил он, морщась. – Ты нужна на тренировке живой, зомби не тренирую.

Вложил в мою ладонь пузырек, развернулся на каблуках и ушел.

– И тебе спасибо! – Я покрутила подарок теневика.

Отвинтив пробку, проглотила пилюлю и направилась в сторону главного здания.

Особняк на фоне зеленых газонов и голубого неба выглядел завораживающе. На клумбах пестрым лоскутным одеялом распустились виолы. Проводить день в четырех стенах не хотелось.

Но я затолкала внезапно проснувшееся весеннее настроение подальше и пошла искать аудиторию семьдесят два дробь один, в которой у нас сегодня было целых три занятия: основы боевых заклинаний, история магии и нежитеведение.

Вопреки опасениям, в отделанных деревом коридорах было огромное количество указателей и схем этажей. Нужная аудитория оказалась прямоугольным залом с открытой галереей под потолком. Там, точно голуби в мороз, сидели на мягких стульях недовольные обменные студенты. На их мантиях, вместо курса, было написано: «свободный слушатель». Похоже, Эмерсон капитально проредил ряды свалившихся на голову дарований! Нет дарований – нет проблемы.

Внизу дурачились и переговаривались первокурсники. Человек сто парней и три мои любимые соседки с подмоченной туманом репутацией. Адепты сидели по одному за деревянными столами на обычных стульях. Единственное дополнительное удобство: можно было отрегулировать угол наклона крышки.

На столах поблескивали таблички с именами. На углу каждого были сложены учебники, писчие принадлежности, карандаши и чертежные наборы. Судя по всему, после занятий все это убиралось в шкафчики у стены.

Стол с моим именем оказался в середине аудитории. Как раз между блондинистой и русой соседкой, чуть наискосок от их пепельной товарки. Троица что-то горячо обсуждала, но стоило сесть на стул, как они дружно уставились на меня.

– Как спалось? – не удержалась от ехидного вопроса. – Жабры не отросли?

Хлопанье каменных крыльев не дало им ответить. В аудиторию залетела горгулья с мордой не то леопарда, не то барса. Она водрузила на преподавательский стол кипу бумаг и положила указку для рисования по воздуху.

– Тишина! – рыкнула она. Да так, что на галерее над головой кто-то что-то уронил.

Уселась у преподавательского стола и замерла, словно самая обычная статуя.

В аудитории мгновенно стало тихо. В дверь вошел колоритный господин с лихо закрученными кольцами усами и в черном фраке, устроился за столом и без предисловий притупил к занятию. Указка, больше напоминающая дирижерскую палочку, порхала в его руках, вычерчивая формулы. Профессор Лангус (так он представился между двумя основами построения заклинаний новым слушателям и мне) сыпал словами, смысл которых я угадывала отдаленно, с переводом на язык прикладной и бытовой магии.

Решив, что лучше все записать, а разберусь потом, когда артефакт запихнет в голову остальные знания, я начала строчить конспект в толстый блокнот в плотном переплете, обнаруженный на углу стола.

Занятая перерисовыванием схем (пригодился чертежный набор), которыми щедро сыпал Лангуст… Лангус, я совершенно забыла о соседках. Когда крышка стола поехала вниз, я попыталась подпереть ее коленом. Но упрямая мебель, больно стукнув по ноге, с грохотом сложилась. На пол посыпались учебники, мои записи, карандаши… набор для черчения покатился по полу.

Я бросилась собирать.

Профессор покрутил пальцем ус и замолчал.

Я торопливо сгребла пожитки, хлопнулась на стул и попыталась поднять крышку. Но ее заклинило. Приглядевшись, я заметила испорченное бытовое заклинание, помогающее легко и без усилий настраивать нужный угол.

Сложив на колени учебники и писчие принадлежности, я направила на него немного магии. Заклинание поддавалось с трудом.

Начали доноситься смешки. Громче всех веселилась галерея и трио отсыревших соседок.

Покосившись на блондинку, их заводилу, я поняла, что именно они устроили мне курс молодого бытовика на занятии. И я им должна… Сильно должна.

Откорректировав заклинание, я демонстративно поправила крышку, разложила скарб и с видом примерной ученицы преданно уставилась на Лангуста. Профессор довольно кивнул и продолжил сыпать непонятными терминами и формулами.

Трио везучих адепток, не подозревающих о собственном везении, косилось на меня. Но я старательно конспектировала, и они успокоились. Особенно хорошо успокаиванию поспособствовал неожиданно заданный «в народ» вопрос профессора. Жертвой стал худощавый паренек, он промямлил что-то невнятное. «Оду для вызова нежити» Лангус не оценил и начал заново объяснять то, что мы только что записали.

Пока он повторял, я незаметно запустила рой оранжевых огоньков под столы «любимой» троицы.

– Теперь все понятно? – Профессор сдвинул схему в сторону.

Студенты нестройно выдали «да».

Столы моих соседок дружно грохнули крышками. Повелительницы сырости подпрыгнули. Крышки вернулись на место.

Я старательно перерисовывала схему в тетрадь. Второй раз.

Лангуст покосился на горгулью. Ее глаза вспыхнули зеленым огнем, она что-то тихо рыкнула.

– Свон, Кук, Финч, Леннет. После занятий наряд вне очереди по мытью коридоров в главном здании! – отрезал профессор.

– Но, профессор! – возмущенно начала блондинка.

– Так точно, сэр! – отчеканила я.

– Поучитесь, – махнул на меня рукой Лангуст.

Парни тихо прыснули.

Остаток занятия прошел тихо и спокойно. Я даже начала понимать, о чем говорит профессор. Иногда.

В перерыве ко мне подскочил худощавый паренек, тот самый, что изобрел на занятии оду для вызова нежити. Спросив, с какого факультета я к ним перевелась, радостно просиял и, краснея, попросил посмотреть заклинание. Нет, не само заклинание, а его схему. И выложил на мой стол лист. На нем была схема самого обычного

заклинания охлаждения. Видимо, оно было любимым у Эмерсона, раз именно его он постоянно портил в воспитательных целях.

– Обычное, как же! На леднике теплее, чем у нас в комнате! – поежился парень. – Мы его уже пять раз на мелкие куски разносили, а оно пять собирается! Не знаешь, как его отключить?

Я знала. Объясняя парню, как и куда тянуть и что разрывать, я перехватила задумчивый взгляд русоволосой соседки, кажется, ее фамилия была Кук.

Второе занятие по истории магии вел ректор собственной персоной. Подтянутый старик с короткой острой бородкой напоминал веретено, потому что ни минуты не оставался на месте. Отлынивать на его занятии не вышло ни у кого. Его помощница, естественно, горгулья, была размером с болонку и умудрялась носиться по аудитории так, словно у нее было не два, а десять крыльев.

После перерыва на обед мы снова вернулись в аудиторию.

Нежитеведение преподавал импозантный мужчина за пятьдесят, с острым взглядом. Войдя в дверь, он сходу оценил всех присутствующих с точки зрения нежити. В том плане, кто станет закуской первым, кто сбежит, а кто повоюет. Меня после паузы и вопроса, кто есть Леннет и откуда она взялась, причислили к последним.

– А чем мы хуже? – возмутилась пепельная любительница столов после негромкого цыканья блондинки, не рискнувшей самостоятельно перечить преподавателю, отнесшему троицу к очень лихо бегающим от нежити студентам.

– Тем, что до сих пор не поняли, куда поступили, – пожал плечами преподаватель.

И он приступил к занятию.

До этого я и не подозревала, что нежить бывает такой разнообразной. Вроде бы, что умерло и вернулось, то и нежить. Но оказалось, все не так просто. Поднятые менялись, и очень многое зависело от магии, которая стала причиной появления нежити. Поэтому нежитеведение изучали пять лет, и очень подробно.

Из аудитории я выползала, чувствуя себя так, словно спала сразу с двумя артефактами ускоренного курса лекций.

В коридоре нас ждала горгулья Лангуста, ведра с водой, тряпки и швабры. Отдав нам инвентарь и показав фронт работ «отсюда

дотуда», каменная помощница профессора выпорхнула в окно «размять крылья».

Сняв мантии и закатав рукава, мы взялись за швабры.

– Все из-за тебя! – пробурчала блондинка.

– Угу! – поддержала пепельная.

Русая промолчала, странно поглядывая на меня.

– Нечего меня к своим подвигам приписывать, – отозвалась я, отжимая тряпку и цепляя ветошь на швабру. – Сами попросили, сами получили. Я ни при чем. И вообще, чего прицепилась? Мы давно уже не в школе и даже не в колледже. Тут тебе ставят задачу, вот и решай. А не ищи того, кого сделать виноватым.

Что-то меня пробило на откровения. Ну и ладно! Зато высказалась.

– Ты нам заклинание испортила! – прошипела блондинка.

– Я об этом и говорю.

– Не она испортила. – Русоволосая Кук отставила швабру к стене и подошла к блондинке. – Эмерсон. А ты сказала, что она ему помогала. А мы согласились. Но это не так! И твоя идея, что препод сжалится и сам нам поможет, была глупой! Ему до фонаря, как мы выглядим. И вообще, он старый! Всего на пять лет младше моего отца!

Пепельная, стиснув швабру, опасливо отступила.

Я тихо присвистнула, оценив масштаб фантазии блондинки. Она убедила подруг, что ничего делать не нужно, что Эмерсон – мужчина, и потому непременно их спасет. А чтобы было не так обидно сидеть в сырости, проще назначить кого-нибудь виноватым. Например, адептку по обмену, слишком быстро решившую проблему влажности.

Согласна с преподавателем по нежитеведению: эта троица, похоже, вообще не поняла, куда поступила!

Домывали полы под сердитое сопение блондинки. Сдав инвентарь горгулье, троица сбежала.

На скамейке у входа в институт сидел Юрген. Поставив рюкзак и устроив Беллу на сиденье, он, строго сдвинув брови, пытался научить ее давать лапу. Лисичка в ответ на команду вцеплялась ему в палец. Кусать не кусала, просто стискивала челюсти, повисая на руке теневика. Но морда при этом была счастливой, а янтарные глаза довольно щурились.

– А ты попробуй «фас» командовать, – предложила я, садясь на скамейку.

– Пробовал, – по губам Юргена скользнула неожиданно теплая и приветливая улыбка, – результат одинаковый. Похоже, тебе достался единственный в мире боевой энфилд.

Теневик поднялся с сиденья и быстро зашагал прочь. Чудной он. Но теперь хотя бы ясно, откуда взялись эти заскоки.

– Пошли домой? – Я шутливо провела пальцем по мордочке Беллы. Лисичка поморщилась и чихнула.

Только я водрузила рюкзак с ее приданым на плечо, как к скамейке подошла русоволосая Кук. За ее спиной маячила пепельная подруга. Блондинки нигде не было видно.

– Мартина… Ты же Мартина? – нерешительно спросила Кук.

Я кивнула.

– Прости нас… – выдавила ее пепельная соратница.

– Уже. – Я почесала за ухом Беллу.

Неужели просто извиниться пришли?

– Мы поступили глупо и жестоко, – опустив глаза, пробормотала Кук. – Прости…

Я развела руками: уже! Сколько можно повторять?

Девушки замялись, нерешительно переглядываясь. Похоже, без блондинки боевые адептки не такие уж и боевые.

– Помоги нам с заклинанием, – со вздохом умирающего выдала Кук, нервно поправляя русую косу. – Объясни, как его отключить.

Ее подруга закивала так сильно, что я начала опасаться за ее шею.

Подхватив Беллу на руки, я махнула рукой: объяснить не выйдет, надо показывать.

Пятнадцать минут спустя я стояла на крыше казармы. У ее края торчала раскладная лестница, а обе соседки сидели у куба заклинания и старательно выполняли мои указания. Белла в моих руках заинтересованно тявкала, порываясь пожевать перчатку. Я не давала, обещая попросить у горгульи косточку для нее.

Моргнув серым, куб погас.

Девочки недоверчиво переглянулись.

– Поздравляю, вы освоили первое бытовое заклинание, – улыбнулась я.

Белла гордо тявкнула, словно это она только что отключила куб.

Обрадованно пискнув, теневички обнялись.

– Ну и чему я удивляюсь? – донесся снизу знакомый голос.

Наша лестница поползла вниз. Через минуту на ней поднялся Эмерсон.

– Три аиста на крыше. – Он окинул нас взглядом.

Девочки отпрянули друг от друга и нестройно выдали:

– Да, сэр!

Я закусила щеку изнутри, чтобы не рассмеяться.

Седые брови тренера дрогнули. Он изучил куб и кивнул:

– Можете, когда хотите. За решение – три целых двадцать восемь сотых. За то, что долго думали и тупили, – минус пять и одна десятая. Итог сами посчитаете. Переселяйтесь к Дженс. Передайте Свон, чтобы запаслась зимними вещами. Брысь отсюда!

– Так точно, сэр! – радостно гаркнули девочки и вдвоем запрыгнули на лестницу.

– Леннет. – Эмерсон показал на куб.

Опять? Он что, издевается?

– Вернуть как было? – уточнила я, опускаясь на колени.

– Начинаете соображать, Мартина.

Пока я восстанавливала заклинание, стараясь удержать лисичку, горящую желанием прогуляться по жутко интересной крыше, Эмерсон разглядывал облака. Потом согнал меня вниз, пообещав вернуть лестницу горгулье.

Стоило перешагнуть порог казармы, как появилось ощущение, что я оказалась посреди базара… или спектакля. Изабель ругалась с горгульей и была категорически не согласна делить комнату с двумя соседками.

Собственно, соседки резво тащили чемоданы в ее комнату.

Изабель наседала сильнее. От угроз не дать коменданше делать ставки она перешла к попытке подкупа и предложила ту же бесплатную ставку, что и мне из благодарности.

Из комнаты, покинутой Кук и ее подругой, торчала блондинистая голова их бывшей соратницы по пакостям. Заметив меня, она громко хлопнула дверью. И тут же изнутри послышалась ругань и плеск воды.

– А, Изабель… – В казарму вошел Эмерсон со сложенной лестницей в руках. – Я разве не говорил вам в начале года, что у вас по плану расселения могут появиться соседки?

– Говорили, – процедила брюнетка. Она сердито покосилась на горгулью, расплывшуюся в пакостливой усмешке, и промаршировала к себе, едва слышно бурча: – Не вышло! А должно было! Вечно у меня с этими каменными все не так видится!

Тренер вручил лестницу горгулье и заметил меня, замершую у комнаты.

– Есть свободное время, Мартина? Мантию сняла – и на пробежку. Заодно свою мелочь по свежему воздуху прогуляете. Вперед!

Вот тени и солнце!

– Так точно! – отозвалась я.

Оставив мантию, рюкзак и блокнот с карандашом, который я принесла, чтобы решать домашние задания, выскочила на улицу.

Тренер стоял на крыльце.

С довольно повизгивающей мелочью под мышкой я побежала по дорожке.

В Вальхарде весна расправляла сотканные из смолистых листьев и цветов крылья. Набрасывала вуали туманной дымки на зеленую траву и рощи столицы. Окутывала птичьим щебетом и алым закатом, пропитанным ароматом цветущей дикой сливы.

Пробежка по запутанным дорожкам дарила умиротворение, стирала тревоги и заставляла верить, что все будет хорошо…

Возможно, бегать по утрам, как это делали парни, не такая плохая идея!

Глава 12

– Нападай. – Стейн развел руки в стороны, открываясь для удара.

А я стояла столбом и не могла придумать, чем бить. Вариантов было несколько, все из бытовых заклинаний. Мой условный противник явно специально нацепил на себя кучу мелких артефактов. Хотя до этого я на его одежде даже самого простого заклинания от сминания ткани не видела. Мне дали выбор. И я, как настоящая девушка, не могла решить, с чего лучше начать. Нормальные женщины размышляют над вопросом, что надеть. А я – чем нейтрализовать теневика.

Змей, насмешливо улыбаясь, продолжал изображать пугало посреди зеленой площадки с улавливающими столбами по периметру. Русый хвост на его голове слегка растрепался, васильковые глаза искрились смехом, ворот форменной рубашки был расстегнут.

Вот кто так изображает нападающего?

За линией разграничения сидел Юрген и щурился на солнце, почти скрывшееся за крышами разбросанных по территории университета строений.

Конечно, тренер сказал парням тренировать меня по очереди, но они решили, что я проблема глобальная, поэтому подход должен быть максимально эффективным, двойным. По крайней мере, пока я не стану напоминать хотя бы «гусеницу» боевого мага, как сказал Змей, а не амебу из бытовой и прикладной магии.

Рядом с Юргеном на куске плотной шерстяной ткани Белла пыталась поймать хвост. Накормленная, почесанная, выгулянная мной во время пробежки и чуть не затисканная во время ужина.

В столовой к нам подошла Кук, бывшая любительница сырости, и прилюдно извинилась. Внезапно. Я-то думала, что после наших посиделок на крыше мы все выяснили. Но нет.

Это было странно… Я даже заподозрила, что проклятие правды усилилось.

Оказалось, все проще: первокурсница, сбросив гнет заводилы, решила жить, как ей хочется. И для начала исправить промахи прошлого. После речи о том, какой гадиной ползучей она была,

обладательница русой косы попросила разрешения погладить Беллу. Поглаживание быстро превратилось в тисканье с попискиванием (Кук) и повизгиванием (Белла).

На звук слетелись остальные студентки.

Лисичка так радостно завиляла хвостом и начала подпрыгивать на руках Кук при виде толпы новых «чесалок», что я не смогла отказать. И случился первый в мире приступ передозировки милоты у мужской части института. И чуть не случилось групповое превращение теневиков в хомяков, потому что, прежде чем вылететь из столовой, парни старательно запихивали в себя остатки ужина.

В общем, я серьезно подпортила возможный бизнес Изабель. Зато узнала много интересного.

Почти у всех девушек и некоторых парней в институте были питомцы. Девяносто процентов из них – элементали. Обитала живность в переоборудованной конюшне, в вольерах со всеми удобствами. И она там не просто присутствовала. В университете велся внеплановый курс занятий по дрессировке элементалей согласно специализации хозяина.

Курс был создан ректором и одобрен самим императором.

Посетила чу́дная идея нашего руководителя, когда его собственный элементаль, гиппогриф, помог с поимкой клыкастой нежити. Да, ректор хоть и в возрасте и при высокой, съедающей время не хуже песков Ортруна должности, все еще числился в полиции и с удовольствием выполнял задания по уничтожению восставшего неживого. Так вот, гиппогриф помог ему эвакуировать обитателей квартала, куда вломилась зубастая тварь, еще вчера бывшая почившей буренкой. Потом стал защищать спину хозяина, пока не подоспела подмога.

Ректор впечатлился. Занялся изучением случаев, когда элементали помогали боевым и не очень магам. Выяснил, что в том же Норке и Вернфриде есть несколько отрядов, где с боевыми магами служат их питомцы. А в Квирине вовсю ведутся испытания боевого применения элементалей.

Проще говоря, из них делали полноценных помощников боевых магов.

И ректор решил, что негоже нам отставать. Император одобрил.

В итоге имелся очень экспериментальный курс, который курировал ректор. И в который добровольно входили все студенты, притащившие элементалей. Отказаться пока никто не пытался.

Это ведь так здорово! И необычно!

Занятия с питомцем начинали, как только он достигал взрослого состояния. Нам с Беллой это грозило месяца через полтора-два. А пока моя грозная помощница, оставив хвост в покое, с фырканьем пыталась поймать жука с блестящей изумрудной спинкой.

– Мартина, ты решила усыпить меня? – Змей опустил руки.

– А так можно? – не осталась я в долгу.

Заклинание от сминания ткани выглядело самым привлекательным…

С моих пальцев сорвались оранжевые огоньки. Стейн довольно кивнул. Огоньки ринулись к его одежде. Короткий взмах руки, и они полетели в меня! Отпрыгнув, я направила их обратно. По губам Змея скользнула хитрая улыбка. Неуловимое движение пальцев – и магия опять понеслась ко мне. Я дернулась в сторону и с размаху врезалась в сплетенную из тьмы сеть. Ее Стейн запустил не в меня, а в место, куда я отбежала.

Попыталась выпутаться, и тут на голову свалилось что-то тяжелое. Я рухнула на колени в траву и сердито покосилась на Юргена, каким-то чудом оказавшегося рядом и обездвижившего меня в дополнение к сети Змея магическим прессом.

– Никогда не забывай, сколько у тебя противников, – сухо сказал он, снимая с меня свое заклинание. Поставил на ноги и вернулся к Белле.

– Ты маньяк! – пробурчала я, пытаясь освободиться.

– Никто не будет ждать, когда ты соберешься с силами, или делать скидку, что ты девушка, мышка. – Пока я зарабатывала косоглазие, глядя на Юрга, Стейн подошел вплотную ко мне и наклонился.

Я попыталась отодвинуться. Сеть затянулась сильнее.

– Выбор – это хорошо, но не в бою. – Змей почти касался моих губ своими.

Его дыхание щекотало кожу, голову кружил едва заметный древесный аромат парфюма. Казалось, меня вот-вот поцелуют… или придушат.

– Всегда держи одно заклинание в голове. То, что у тебя выходит лучше всего. – Он склонился к уху, тепло обожгло шею.

Вот что он, спрашивается, делает? Ну что, предположим, понятно. Но зачем? Я же девушка! А он парень. И ведь знает, змей, что делает! А я теперь пытаюсь вспомнить, как дышать, потому что учеба под руководством мужа, свалившегося на голову и практически поддельного, заставляет сердце замирать, а уши полыхать, точно саламандра в камине!

– Начинай с него. С заклинания, что выходит у тебя лучше всего, – произнес в горящее ухо Змей.

Натуральный змей!

Значит, то, что выходит лучше всего? В данный момент это не так много, потому что свободна у меня только одна рука, и та локтем примотана к туловищу.

Рискуя заработать вывих кисти, я направила оранжевые огоньки на себя, Змея и назад.

Простое заклинание для ленивых.

Шнурок на затылке Стейна раскрутился и свалился в траву. Щелкнул ремень. Змей со смехом подхватил брюки, не давая пуговицам расстегнуться. Рубашку не успел поймать.

Но мне было не до изучения анатомии мужа.

Сеть нехотя распутывалась.

За спиной раздался щелчок и глубокомысленный хмык.

Сеть сползла с меня, а я отпрыгнула в сторону и встала лицом к обоим интриганам. Змей, отсмеявшись, застегивал ремень на брюках. Юрген уже справился со своим и воевал с рубашкой.

– Вы оба ненормальные! – сердито выпалила я.

Юрген пожал плечами.

– Тебя это смущает? – Стейн не торопился застегивать рубашку.

– Ничуть! – совершенно честно ответила я.

У каждого свой табун тараканов в голове. И некоторые специально выставили их на обозрение, чтобы смутить меня и заставить задуматься, надо ли мне в команду к таким экземплярам.

Еще как надо!

– Что там надо дальше делать? Швырять в вас заклинания? – деловито спросила я.

– Пока достаточно. – Змей быстро застегнул рубашку. – К завтрашней тренировке обдумай, какие заклинания ты можешь использовать первыми. Никто не будет по пять минут ждать, пока ты выберешь.

Я кивнула: как скажете, командир!

– Посмотрим, что у тебя получится с ближним боем. – Стейн развеял остатки сети, поднял валяющийся в траве шнурок и собрал волосы в хвост. И встал напротив, приподняв кулаки перед грудью.

– Без магии? – вырвалось удивленное у меня.

– Для начала. Потом добавим и ее. Бей! – скомандовал Змей.

Я замахнулась, но моя рука прошла мимо отпрянувшего Стейна. Он подставил подножку, и я улетела носом в траву. Мягко, ничего не ушибла, но обидно.

– Гм, – задумчиво сказал он, пока я поднималась, – странно, у тебя есть брат и сестра. Неужели ни разу не дрались?

– Кто бы нам позволил? – Я развернулась к нему и замахнулась. – Моя мама против решения проблем грубой силой.

В это раз мою руку перехватили, вывернули назад, и я оказалась прижатой спиной к груди Стейна. Его дыхание на миг скользнуло от моего виска к щеке и исчезло, оставив покалывание на коже и немного злости. Сколько можно меня провоцировать?

– А отец? – Змей отпустил меня. – Состоятельный торговец не научил детей элементарным приемам самообороны? При том, что всегда есть вероятность получить вызов на дуэль? Это довольно необычно.

Я попыталась ударить ногой по колену теневика, промазала и оказалась в его объятиях. Чтобы не смущаться (он командир, и мы просто тренируемся), продолжила:

– Он всегда говорил нам с сестрой, что дуэли должны решаться в несколько иной плоскости, юридической. И да, мы с ней носим с собой номер линзы нашего семейного адвоката.

– А брат?

– Брата он учил всему. Он наследник, ему придется соответствовать ожиданиям окружающих. И, например, драться на дуэли.

– Занятная у тебя семья. – Змей отпустил меня.

Я сжала кулаки и подняла их на уровень груди, пытаясь скопировать позу теневика.

– Не то. – Он покачал головой.

Подошел и начал поправлять мои руки и ноги, словно я была тряпичной куклой. Ноги шире, колени согнуть, локти ближе к телу. Кулаки к носу. Стопы чуть вывернуть…

– Я так не то что нападать, я стоять не могу! – стараясь удержать равновесие, прошептала я.

– Научишься, – непрошибаемо отозвался Змей, становясь напротив.

Я замахнулась и… улетела.

Летала и порхала я еще часа полтора. Вымоталась до конца, устала. И ни разу не смогла достать Змея.

Юрген с интересом следил за моими попытками научиться летать без артефактов и заклинаний – при помощи чистой гравитации, а потом, когда Змей сказал, что на сегодня мы закончили с боями, задумчиво протянул:

– Ты неплохо бегаешь для той, что никогда не занималась спортом.

– Ну, я была шустрым и любопытным ребенком. – Я доковыляла до Беллы, рухнула в траву (в этот раз добровольно, без помощи командира) и вытянула ноги. – Я быстро поняла, что чем дольше няньки будут меня догонять, тем больше интересного я увижу.

– А сестра? – Юрген вытащил из кармана мантии близнеца флакона с пилюлями, того, что остался в казарме.

Вытряхнул одну, протянул мне.

Проглотив пилюлю, я пожала плечами.

– Сестра не бегала. Нам с Ненси интересны немного разные вещи. Ей платья, цвета обивки мебели, оттенки штор, форма клумб в саду. А мне то, почему к колесам одних мобилей грязь липнет, а к другим – нет. Что за заклинание заставляет лед на горке становиться гладким, или какое летом держит воду в парковом пруду чистой, несмотря на обилие водорослей в воде… Мы всегда такими были. Просто когда у меня проснулась магия, эта разница стала сильнее заметна.

– Похоже, ты бытовой маг по духу, – хмыкнул Стейн, протягивая руку и заставляя меня подняться.

– Наверное, – улыбнулась я, изучая теневика с точки зрения того, удобная из него выйдет подпорка или не очень.

У моих ног сердито тявкнула Белла.

Хороша хозяйка! Про главного в ее жизни «человека» забыла!

Я вытянула руку к лисичке, собираясь наклониться. Юрг опередил меня и подцепил ее вместе с лежанкой.

– Иду на осмотр у доктора, ее заодно покажу.

И под радостное повизгивание хвостатой предательницы зашагал в сторону больницы. Кажется, скоро это будет уже не мой энфилд, а теневика.

– Не ревнуй, – влез в мои мысли насмешливый голос Змея. – У него есть ассирда.

Я с трудом вспомнила элементаля, напоминающего большую нелетающую птицу, чья голова больше походила на драконью, а лоб украшали три рога.

– Он ее было совсем забросил, а теперь каждый день ходит. Птица там вне себя от счастья, чуть вольер не разнесла, горгулий до нервной икоты довела, – задумчиво добавил Стейн.

Теперь ясно, что тренер имел в виду, когда сказал, что Юргену надо вспомнить, как это – думать не только о себе.

– Последняя часть тренировки: пробежка, – разминая пальцы, «обрадовал» Змей. – Круг по поместью и по казармам.

– Поползли! – буркнула я.

Что-то подсказывает, что очень скоро мне категорически разонравится бегать!

И мы потрусили по дорожке.

Стейн бежал куда медленнее, чем утром. Я с упорством улитки трусила следом. Пилюля Юргена помогла. Мышцы ныли не так сильно, но поместье было огромным, и к середине пути я начала, словно пьяный на ночной улице, обниматься с попутными фонарями.

Они зажглись после захода солнца и теперь уютно мерцали, отбрасывая на газоны, скамейки, стены зданий и стволы кучно растущих деревьев золотистые пятна света, окутывая их сиянием и четче вырисовывая струящиеся за нашими ногами тени.

В общем, беспощадно придавали институту романтического очарования. Правда, я не очаровывалась. И парень рядом казался не принцем, а сущим извергом.

– Молодец! Еще шаг, мышка! – подбодрил Стейн.

Я отлепилась от столба и продолжила переставлять ноги.

– Вы оба ненормальные!

– Кто бы говорил. – Змей легкой походкой подбежал ко мне, подцепил под руку и потащил дальше.

– Я нормальная, просто очень целеустремительная… – пробормотала я. Некстати вспомнилось, что в казарме ждут задания, которые надо сделать до завтра.

– Скорее, целедоползательная, – поправил Змей. Он смерил меня взглядом и подхватил на руки. – Я просто обязан организовать донос тела до казармы.

В его объятиях было уютно. Надежно, что ли. И главное, не надо шевелиться!

Обняв его рукой за шею, я устало улыбнулась:

– А ты уверен, что тело доносят именно так?

– Согласно инструкциям мамы, вынос дам производится только на руках и никак иначе. Вынос индивидов мужского пола возможен в любой другой позе. – Змей свернул на боковую дорожку и зашагал в сторону казармы.

– Какие интересные инструкции у твоей мамы… – Я положила голову на плечо Стейна, выбившиеся из хвоста на его голове волосы щекотно касались лица.

Под рубашкой гулко стучало сердце. Будто тот парень, что провоцировал меня на тренировке, смущая и вынуждая сдаться, – хладнокровный, бессердечный как скала, – и этот теневик были двумя разными людьми. Но нет, один и тот же.

– Ты бы так не считала, если бы жила с моей матерью, – хмыкнул Змей. – У нее на все свои инструкции. Когда-то она была лаерной… – добавил он непонятно зачем. – Но император посчитал, что моя семья недостойна носить дворянский титул.

– Почему? – вначале я спросила, а потом поняла, насколько бестактен вопрос. – Извини…

Я случайно слегка коснулась лбом его шеи и старательно отодвинулась.

– Не надо ничего говорить!

– Почему же не надо? – Стейн остановился и повернул голову, глядя мне в лицо. – Это не тайна. Это случилось как раз после того,

как нынешний император взошел на престол. Моя мама была фрейлиной императрицы, одной из самых молодых. Император изволил влюбиться.

– Никогда не слышала, чтобы он влюблялся. – Я прикусила язык.

– Тем не менее он испытывал чувство, похожее на любовь. – Змей посмотрел на звездное небо. – Мама его не любила. Она была влюблена в Борга. И больше того: ждала от него ребенка.

Я затаила дыхание.

– Она хотела сказать ему после его возвращения из командировки. В то время отец служил короне весьма рьяно, считал это великой честью. Но император не знал обо мне и решил проблему кардинально. Он заключил брак от имени отца. С тихой примерной наследницей богатого дворянского рода, которую воспитывали с желанием стать тенью мужа. Идеальной женой.

Вот… бес! Его отца женили почти как нас… и в этом тоже была замешана корона. Как Змей может так спокойно говорить об этом?

– Он сделал все, чтобы никто не узнал о браке. Затянул командировку отца. А то, что мама попросила у императрицы отставку, списал на ее подозрения, что отец ей изменяет. Увидел в этом хороший знак. – Стейн невесело усмехнулся. – Когда отец приехал, он был уже не просто женат. Расторгнуть брак уже не мог никто. Император в том числе. Мама родила меня. Отец вызвал императора на дуэль и чуть не убил его. А такое не прощают. Его отдалили от двора. Хотя его способности удерживать магию потом все равно использовали для охраны венценосного тела. Отец всю жизнь разрывался между нами. Он не мог оставить жену, которая так и прожила его другом двадцать лет. Но и маму не мог оставить.

– За что император лишил титула ее семью? – Мне было все равно, магия проклятия заставляет спрашивать или я сама.

– За то, что она не согласилась стать его фавориткой после моего рождения, – зло отрезал Змей.

Меня передернуло от отвращения.

– А потом он просто забыл о нас на много лет. Маме и ее родным было непросто. Вместе с титулом он лишил их денег. И заодно ополовинил состояние отца. Маме пришлось заново учиться жить. Отец купил приличную таверну. Помогла его жена. Она была очень

хорошей женщиной. – Змей посмотрел по сторонам и пошел к окнам женской казармы.

– И вдруг о тебе вспомнила мать императора? – задумчиво добавила я. – Странно как-то…

– Очень. Особенно если вспомнить, что моя невеста – дочка богатейшего торговца тканями, который, по слухам, страстно желает наладить отношения с короной.

– И даже согласен отдать дочь в руки того, кто пострадал по ее вине? Выглядит как попытка императрицы загладить вину сына. – Я покачала головой и чуть снова не уткнулась лицом в шею Змея. – Думаешь, император разрешит нам развестись?

– К счастью, у него нет выбора. – Стейн усадил меня на подоконник. – Традиция Игр. Нельзя отказать победителю.

– Это хорошо.

– Еще как. Чего бы ни хотела императрица… или наш правитель… если доберемся до финала, брака не станет. – Змей распахнул окно и запрыгнул внутрь.

Помог мне перебраться через подоконник, довел до кровати и подпер подушкой, чтобы я могла сидеть, свесив ноги. Вручил бутылку, на дне которой болталось полглотка лечебного чая с микстурой.

Беллы в комнате не оказалось. Неужели Юрген до сих пор в больнице?

– Ну что, мышка, время твоих откровений. – Стейн устроился на соседней кровати.

Фух! Не я виновата в его разговорчивости! Может, только чуть-чуть.

Выпив остатки чая, я пожала плечами:

– Нет откровений, только задания.

Чистая правда!

– Нет, значит? – раздраженно переспросил Змей. Кивнул на блокнот, который я притащила из класса, и карандаш. – Что непонятно?

– Все! – Я нервно рассмеялась и добавила: – Но кое-что я могу разобрать по аналогии с бытовыми и прикладными заклинаниями. А вот остальное… Сможешь сказать, на что из бытовых заклинаний это похоже?

Подцепив блокнот, я открыла его с обратной стороны, куда записывала домашние задания.

– Я-то уже собрался решать их за тебя, – оттаял Змей.

Решить за меня было проще. Но толку от такой помощи никакой.

– Вот это, – я ткнула в середину формулы, – на что похоже?

В «на что похоже» мы играли, пока я не сделала задания. Стейн то злился, то хмурился, то ржал, когда я начала подсказывать, что напоминает мне та или иная часть боевого заклинания. Под конец он втянулся, и я тоже.

– Всегда знал, что получить тряпкой в лоб не просто присказка! – усмехнулся он, когда мы выяснили, что прочность ткани для белья и сила напряжения магического лассо измеряются по одинаковому принципу.

Я дописала решение и отложила блокнот и карандаш на тумбочку.

В кармане Стейна зажужжало. Не дожидаясь ответа, линза вынырнула наружу.

Перед нашими удивленными лицами появилась проекция улицы, освещенной фонарями. Смотрели мы на нее через серую пелену, расцвеченную символами сложного защитного заклинания. По щиту с остервенением лупили светлыми чарами два явно солнечных мага лет двадцати.

– Вард, какого беса? – выпалил Стейн, подскакивая с кровати.

– Нашего, – весьма информативно отозвался откуда-то из-за проекции здоровяк. – Наш запас вляпался. Не отобьюсь. Оливер и Чарли в отключке. Северная, в конце, у тупика.

Проекция исчезла.

– Зарою паршивцев! – тихо выдохнул Змей, направляясь к окну.

– Помощь нужна? – Насколько я успела понять за день, выйти из института ночью проблематично. Либо ты снаружи, либо внутри. Зайти после того, как ворота закрываются на ночь, можно. Уйти – нет. А Змей, судя по всему, собирался именно выйти. Потому как за драки в городе полагался выговор и отчисление из команды!

– Нет… – Стейн замер верхом на подоконнике, нажал на картинку с лицом Юргена. Тихо выругался.

– В больнице? – догадалась я.

– Да.

Он нырнул в темноту.

Я кинулась догонять, тихо ругая неповоротливые конечности, и выпала следом.

– Мышка, ползи обратно. Ты не помощь, ты балласт, – заметив меня, процедил он.

– Я не балласт, Змей. Я почти дипломированный маг бытовой и прикладной магии, который учится применять свои знания в боевом направлении. И который совершенно случайно может после тяжелого дня неудачно потренироваться на василисках. Решив, что ничего им не будет, – на одном выдохе выдала я, догоняя Стейна. – И если я правильно поняла основы боевой магии, там, у Варда, не просто солнечные маги, там боевые.

Да, имелось в солнечной магии и такое направление.

– Зачем тратить силы на горгулий, если они нужны тебе там?

– Северная улица в пяти минутах ходьбы. – Змей прищурился. – Сможешь отвлечь василисков до нашего возвращения?

– Придется.

Глава 13

Василиски, свернув змеиные тела кольцами и сунув петушиные головы под крылья, дремали на столбах у ворот. На каменных стражах, кроме обычной для големов защиты от разрушений, имелось несколько довольно странных заклинаний: от пения, для укладки волос, то, что цепляют на задиристых петухов, дабы избежать драк, и…

– Слушай, а почему на горгулье Эмерсона и на них стоит защита от комаров? – тихо спросила я, ныряя за угол здания, из-за которого мы со Стейном изучали ворота.

– За верную службу, – едва слышно хмыкнул Змей. – Эти двое, горгулья тренера и помощница ректора, пару лет назад выловили одного шустрого пятикурсника с вынесенными из кабинета ректора экзаменационными билетами. После того как он с третьего раза сдал выпускные экзамены, комары и прочие шестиногие кровопийцы воспылали к горгульям любовью. Грызла их мошкара вполне натурально, вот ректор их и защитил. Его-то помощница не попала под раздачу заклинаний. Слишком шустрая.

– Ее не поймали… – закончила я.

Но остальным досталось. И, судя по разрывам на заклинании, студенты не теряют надежды опять отдать горгулий на расправу комарам. Только вот сегодня мы не будем трогать комариную защиту…

– Приготовься. – Я дотронулась до руки Стейна.

Теневик кивнул в ответ.

Глубоко вздохнув, я неторопливо вышла из-за здания и прогулочным шагом, помахивая руками, словно повторяю какое-то заклинание, двинулась к воротам.

Василиски зашевелились, вспыхнули зеленью глаза. Одноногие фонари у створок засияли ярче.

Вот и настали мои пять минут позора во имя команды!

Тряхнув кистями, я направила рой оранжевых огоньков вначале на свою голову, потом – на не ожидавших подставы василисков. Горгульи дружно рыкнули от удивления, перья на крыльях и головах встали дыбом, превратив их в два шара на змеиных хвостах.

– Простите! – выпалила я. Хотела добавить: «промазала», но никак не могла соврать. Вот тени и солнце! Вовремя мое проклятие активизировалось! – Сейчас… – «Исправлю» тоже никак не выговаривалось.

Мысленно ругаясь, подскочила к василискам. Горгульи не торопились покидать насесты.

– Я почти бытовой маг! – выдала я чистую правду.

Василиски слетели со столбов, приземлились с двух сторон от меня. Суетливо дергая руками и улыбаясь самой идиотской улыбкой, я окутала их магией. Куча из перьев хрипло закукарекала. Ее клич подхватила вторая.

– Извините, – пролепетала я, – наверное, перетренировалась.

И опять правда!

Швырнула огоньки в василисков, орущих, что те коты в марте.

Змеиные хвосты зашевелились, кукарекающие кучи отползли в сторону и начали кружить друг против друга, пытаясь достать противника хвостом. Горгульи ничего не видели из-за перьев и не слышали из-за собственных петушиных трелей.

Из тени здания выскользнул Стейн, быстро подбежал к воротам и растворился в темноте за ними. Хорошо, что не надо мучиться с защитой на створках. Они легко открываются изнутри: подразумевается, что василиски бдят.

Но они не бдели, а пели и пытались отпихнуть друг друга боком на клумбу, потому что бить хвостами вслепую не выходило. А я прыгала вдруг, делая вид, что пытаюсь помочь, и запускала небольшие фонтанчики огоньков.

Десять минут, за которые Змей должен был отыскать друзей и вернуть их под крыло родного института, длились до безобразия долго!

Я уже собиралась отправляться на поиски, как створки распахнулись, и в ворота ввалился Змей, на плече которого бесчувственной тряпкой висел Оливер. Следом топал Вард с Чарли в роли мешка на спине. Запас выглядел так, словно их кто-то пожевал, а потом распробовал и выплюнул. Здоровяк был целее, за исключением висящей плетью правой руки.

Я бросилась к воротам, закрыла створки.

Стейн кивнул на дорожку, ведущую в сторону казарм.

Едва мы дошли до фонарей, неподалеку от которых сражались василиски, как на газон спикировали горгульи, а из тени забора неторопливо вышел Эмерсон.

– Добрый вечер, дамы и господа, – издевательски поприветствовал он, переводя взгляд с запаса в состоянии тел на вынос на руку Варда.

– Вернулись из города, – непривычно длинно отчитался здоровяк. Единственный, кто мог говорить из троицы, отправившейся в город.

– Встречаем, – добавил Змей.

– С кем дрались? – прищурился тренер.

Вард отрицательно покачал головой.

– Ни с кем.

– Это они тут… – Змей незаметно покосился по сторонам, – упали.

– Да, – прогудел здоровяк.

– Откуда? – заинтригованно выгнул бровь Эмерсон, знаком показав горгульям на василисков.

– С фонаря, – выдал Стейн.

Вард уверенно кивнул.

– Вард, Оливер и Чарли поспорили, кто быстрее залезет. А тут… василиски взяли и в боевое состояние перешли… – И Змей показал на василисков, которые благодаря горгульям уже не напоминали кучи перьев в состоянии боевых петухов.

Вранье было шито белыми канатами, но тренер медленно, словно у него немного заклинило шею, кивнул и подсказал:

– А так как лезть на фонарные столбы лучше всего, пока василиски увлечены друг другом, спорщики решили заняться верхолазанием?

Змей и Вард гаркнули:

– Да, сэр! Сглупили, сэр!

– А вы? – Эмерсон повернулся ко мне.

Решила потренироваться, бессонница. Я молча пожала плечами и покосилась на Змея.

– Ждала ребят, – наконец нашлась я. – А заклинание улетело. И они стали… вот такими.

Я ткнула пальцем в василисков.

– Лучше бы вас, Леннет, бессонница в казарме мучила, – задумчиво подытожил тренер. – Впрочем… вас со Стейном она хотя бы с фонаря не уронила. Так… – Он поднял указательный палец, глядя на горгулий. – Любителей фонарных столбов сдать доктору. Скажите, что надо вылечить любой ценой. Особенно этого… – Тренер поморщился, осматривая сына.

Вард меланхолично глядел перед собой. Не то считал мошку, кружащуюся в свете фонаря, не то звезды над головой отца.

– Стейн, – взор тренера обратился на Змея, – будешь лично проводить тестовые поединки со всеми, кто покажется мне хоть немного подходящим на роль игрока запаса.

– Как скажете, сэр! – отчеканил тот.

Тренер развернулся, явно собираясь уйти. Специально или случайно, он будто забыл обо мне. Выделил, так сказать. Весьма нехорошо выделил. Всем по шапке настучал, а я не часть команды?

– Тогда и я должна! – вырвалось у меня.

– Чего должна? – Эмерсон обернулся.

– Пробовать… игроков. Я ведь тоже. – Бес побери проклятие! – Я василисков…

– Пробовать вы, Мартина, можете только столбы и василисков. – Тренер постучал пальцем по подбородку. – Но раз такое рвение… Будете писать мне отчеты по каждому, с кем дерется Стейн в целях проверить подготовку.

– Да, сэр! – пробормотала я.

– Выход в город только всей командой, – бросил он, прогулочным шагом направляясь в сторону главного здания.

Горгульи забрали у Варда и у Змея еле живой запас и взмыли с ним в небо. Здоровяк категорически отказался от помощи василиска и потопал в больницу сам. Страж ворот взгромоздился на столб.

Мы со Стейном пошли в сторону казармы. Когда ворота скрылись из виду, я спросила:

– А что происходит?

Змей в недоумении покосился на меня.

– Тебе в глобальном плане или хватит про наших знатоков военных действий?

– Мне в среднем плане. И про наших тоже.

– То есть?

– Нам запретили выходить в город по одному. До этого напали на вас в Йоне. – Я отмахнулась от комара. – Команды выходят из Игр полным составом. С игроками случаются всякие странности. Теперь наш запас в больнице. Вард с ними. Он наш защитник.

– Сообразительная мышка, – улыбнулся Змей и тут же помрачнел. – Не знаю, что происходит. Но с этими Играми что-то не так.

И замолчал. Вдалеке показались стены казармы.

– Так что с нашими случилось? Где они нашли солнечных боевых магов? Вард как там оказался? – Сильно сомневаюсь, что он пошел гулять в компании запаса!

Я потянула Стейна за рукав рубашки, заставляя остановиться. Змей покосился по сторонам и увлек меня в тень стены. Прижав к ней, тихо сказал, упираясь одной рукой у моей головы:

– Ничего не было. Запомни, мышка.

Он издевается?

– Помню! – Я вцепилась пальцами в ворот рубашки и притянула Стейна к себе так, что мы почти соприкасались носами, а дыхание и вовсе смешалось. – Я отлично помню про спор и столбы. Но мне бы очень хотелось знать, о чем я не помню. Если ты не заметил, я тоже часть команды. И тоже могу случайно свалиться со столба. И лучше мне знать, где и когда я могу его встретить!

Пару секунд Змей сверлил меня взглядом, потом едва слышно сказал:

– В таверне…

И обрисовал приключения Оливера, Чарли, Варда и «столбов».

Здоровяк отправился в город, навестить деда и бабку. Его мать, супруга Эмерсона, работала в институте кладовщицей. Выходить не любила. Поэтому Вард пошел к родне один. Но неподалеку от альма-матер наткнулся на наших запасных игроков. Они явно чего-то перебрали, но ни к кому не цеплялись, вполне мирно отдыхали на скамейке.

Вард сбегал к родне и на всякий случай, чтобы, не дай тени и солнце, не остаться вообще без второго состава команды, отправился на поиски запаса.

Чутье его не подвело.

Пока он навещал деда и бабку, Оливер и Чарли ввалились в таверну и нарвались на солнечных магов. Тоже весьма «радостных». Из команды, участвующей в Играх.

Итог: тихая драка в переулке. Тихая, потому что светлых тоже могли выгнать из команды. А за нападение их поединок с теневиками при всем желании сойти не мог. К тому же это было нечестно: горели желанием подраться обе команды, и брать на себя роль злодеев никто не желал.

Солнечные оказались сильнее запаса и явно увлеклись. Им будто глаза пеленой застило. Отделали противников капитально. А когда Вард попытался их остановить, досталось и ему. Драку закончил Змей, запустив в противников их же заклинания. Только тогда они поняли, что натворили.

Змей договорился с ними, что солнечные расползаются по домам и сами придумывают причину для объяснения собственного печального вида. А теневики сами. И никаких драк.

– Что они такое пили? – Я потерла пальцем переносицу.

– Не знаю. Доктор скажет. – Стейн прекратил нависать надо мной.

– Опоили не только их? – предположила я. – Солнечных тоже?

Змей едва заметно кивнул. Но, к счастью, предлагать уйти из команды, потому что на Играх творится не пойми что, не стал. Пожелав спокойной ночи, он растворился в темноте.

У двери горгулья баюкала завернутую в пеструю тряпку Беллу. Увидев меня, пробурчала:

– Развели тут особые положения!

Я в недоумении посмотрела на каменную комендантшу. Отдавая мне лисичку, она сердито пояснила, что я – студентка на особых условиях. Мне лично тренером разрешено задерживаться до утренних петухов во имя учебы.

– Но лучше бы тебе больше не пытаться превратить в этих самых петухов василисков! – взлетая на крыльцо, прорычала она.

Похоже, не только у Изабель по пять линз по углам распихано! Скорость распространения новостей поражала.

Уже у себя в комнате, вымытая и переодетая, с Беллой под боком, я сидела на кровати. Чувствовала себя ломовой лошадью, у которой нет сил протянуть копыта, и только поэтому она все еще куда-то

топает. Я не топала, я пыталась собрать мысли в кучу. И придать им хоть какой-то порядок.

Первое. Мои догадки, что на Играх происходит нечто непонятное, верны. К чему это приведет, неясно. Но мне нужно участвовать. Точка. Второе. Проклятие все чаще заставляет говорить правду в самый неподходящий момент.

Однако я, кажется, нащупала выход: таки говорить правду. А значит, обойти проклятие возможно! Сложно? Да. Но не все так печально, как сказал отец.

Почему же тогда никто раньше не додумался до этого? Я отнюдь не гений и не ходячий генератор идей. Вывод: надо узнать подробнее о тех, кто жил с проклятием!

Как там дела у сестрички? Посмотрела документы? Нет?

Достав из тумбочки линзу, я нажала на картинку с портретом сестры. Ненси не ответила. Пару минут спустя пришла готовая проекция.

Открыв ее, я не сразу поняла, что за полог у сестры над головой. Потом дошло, что Ненси записывала проекцию, сидя под одеялом.

– Я под домашним арестом! – округлив глаза, прошептала она. – Потом вызову, а то папа линзу отберет!

Интересно, что она натворила? Папа очень редко ее наказывал. Если быть точной, то два раза. И оба раза Ненси начисто истратила деньги со своего счета. С тех пор он контролирует ее расходы. Сестричка нашла способ обойти родительский контроль?

Ладно, потом сама все расскажет.

Я покрутила линзу в руке. Говорят, что в гуляющих по линзам новостных проекциях можно найти все… Может, повезет и я обнаружу что-нибудь о тех из Леннет, у кого было проклятие?

Но надежды не оправдались. Кроме коротких биографий (родился, учился, жил уединенно) и заметки о смерти сестры папы, я ничего не раскопала.

*** * ***

Следующая неделя прошла в состоянии вечно куда-то спешащей пчелы!

Утро начиналось с двух горгулий. Одна будила казарму. Вторая кормила Беллу. Затем – прогулка с лисичкой, очередь в душ и бодрая пробежка в столовую, потому что попасть в обитель чистоты первой не вышло ни разу.

После торопливого завтрака – занятия. На них я очень сожалела, что нет переводчика с языка боевых магов на язык прикладной и бытовой. Точнее, он был, но времени у нас со Стейном на долгое сидение над заданиями не имелось.

Едва заканчивались занятия, мы шли на поле, пытать… испытывать новобранцев запаса. Тренер зверствовал и буквально перебирал курсы от первого до пятого. Все, кто имел оценки выше «удовлетворительно», попали под раздачу. И не попали в команду.

Под вопросом оказались два парня с четвертого. В их отношении Эмерсон думал.

И Изабель.

Любительница расчетов и ставок оказалась сильным противником. Она буквально просчитывала шаги Змея, но… он ее перехитрил. Вначале казалось, что Стейн действует нелогично, но потом стало ясно, что даже в даре Изабель можно найти слабое место. И то, что она полностью полагалась на него, отнюдь не плюс.

В итоге пошли новые испытуемые.

Я строчила отчеты, чувствуя себя секретарем. Змей тестировал очередного претендента. А наш запас так и сидел в больнице. Доктор Джеймс лечил их усердно и беспощадно: заклинаниями и микстурами с пилюлями вприкуску. Но до конца недели даже он не смог вернуть их в строй.

У Варда дела шли лучше. Кости на сломанной руке срастались. Сам здоровяк ходил на занятия и тренировки, отрабатывал защиту с одной рукой.

Я тоже отрабатывала. Не защиту, наряды. На кухне, в больнице, в казарме, в институте – везде, где требовались свободные руки.

После очередного наряда была тренировка со Змеем и Юргеном. Чаще с первым. У второго свободное время занимали походы к доктору. Основной тур соревнований неумолимо приближался, и тренер не мог позволить, чтобы нападающий неожиданно начал использовать смертельные заклинания. Хватило того, что ректор моей

родной школы подал жалобу в комитет жюри. Оставалось надеться, что до основного тура они не успеют ее рассмотреть.

Я очень хотела попасть в основной состав команды. Но еще я отлично понимала, что Стейну будет сложно без такого сильного помощника, как Юрг.

Змей это тоже понимал, и потому на наших с ним тренировках я чувствовала себя жертвой инквизитора, а не адепткой, которую подтягивают до нужного уровня физической и боевой формы.

Тренировки дополнились полосой препятствий… не то чтобы я надеялась, что парни о ней забудут, но… надеялась. А они и не забывали, просто решили: сразу давать мне полную нагрузку не стоит. А вот дальше еще как стоит!

Те два раза, что Стейн тренировал меня вместе с Юргеном, я вообще не смогла уползти с площадки. Лежала, разглядывала звезды, и никаких мыслей в голове. Пусто и звонко.

Примерно так же я чувствовала себя в конце недели, когда тренер заявил, что два оставшихся дня мне, кроме тренировки со Змеем, надо присутствовать на тренировке с основным составом команды.

Я считала, что меня выматывает Стейн?

Я ошибалась. Тренер оказался куда большим умельцем пыток. Меня ставили на место то защиты, то нападения. Требовали эффективных действий. Насмехались над моими бытовыми решениями. Гоняли по залу, пока команда отбивалась от монстров. У них была нежить, у меня – личное чудовище имени тренера, которое кидало в меня заклинаниями в самый неожиданный момент.

Хотелось снять перчатки и узнать, что Эмерсон думает на самом деле, почему так странно тренирует. Но я держалась и слушала его приказы.

Проклятие и так подкинуло достаточно конфузов.

В результате очередного порыва говорить правду я во время ответа Лангусту спросила, как он завивает усы, что они становятся колечками. Преподаватель спокойно ответил: «Сами растут», – и влепил оценку на балл ниже.

Зато благодаря тому же проклятию я избавилась от блондинистой пакости, до сих пор обитающей в сырой комнате. Девица подкараулила меня после ужина у выхода из столовой и попыталась банально

вцепиться в волосы. Стейн меня не зря тренировал. Я отбилась. Но эта полоумная умудрилась цапнуть меня за шею голой рукой!

Я не сдержалась и спросила:

– Чего цепляешься? Делать нечего?

– Нечего! – выдала блондинка. – Цепляюсь, потому что сама ничего не умею! Завидую! На тебя Крис смотрит, а со мной только шутит! Я видела, как вы на поле обнимались! И на отборочном туре! И не говори, что вы были незнакомы!

Кристоф закашлялся. Я чуть не уронила на пол Беллу.

– Я красавица, а он не смотрит! – выдала блондинка, бледнея. – Да знаю, что вы на самом деле были незнакомы! Но мне так проще! Я всегда к другим цепляюсь, когда на меня внимания не обращают! А тут никто не обращает! Все парни как бы и не парни!

– Ко мне обращайся, я как бы парень! – донеслось откуда-то из недр столовой глумливое.

Зал грохнул смехом.

Блондинка вылетела наружу, а на следующий день не пришла на занятия. Оказалось, она бросила учебу.

Мне было не по себе, но потом я решила, что, если бы блондинистая первокурсница хотела, никакие глупые речи не помешали бы ей учиться. Я тому пример.

До основного тура оставалось меньше суток.

Наш институт обрастал цветочными арками. В центре поместья возвели настоящий стадион. С амфитеатром для зрителей и меняющейся по воле устроителей ареной.

Горгульи забрали заказанную у швей форму команд, но ее нам так и не показали. Сказали, что в ней использованы традиционные мотивы.

Адепты наводили лоск перед визитом принцессы. Паники добавила новость, что в числе зрителей будет не только она, а и почетные жители Фридхольма. И несколько команд, участвующих в Императорских играх. И наперсник принца Агды. Император налаживал отношения с нашими запершимися за магической стеной соседями.

Пока все готовились, мы, команда, тренировались. Я как раз выползала из двери в холл «штормящего» полигона, когда Вард решил поддержать меня под руку. К счастью, я носила перчатки почти

круглосуточно. Белла больше не пытались их грызть. Вместо перчаток мы с Ру́би скармливали ей куриные косточки.

– Вард, Мартина, что замерли? – донеслось из-за спины недовольное. – Замирая, Игры не выиграешь!

Эмерсон задержался со Стейном и Кристофом и теперь рвался покинуть тренировочный зал.

Уступая дорогу, я торопливо выскочила в холл и оглянулась.

Вард обернулся к отцу.

– А если я не хочу выигрывать? – неожиданно тихо, ровным голосом спросил он.

Чего?

– Что? – заинтересовался тренер, сверля сына взглядом.

– Я не просил зачислять меня в команду. Ты сам так решил, – отрезал Вард.

Не поняла, откуда такая тяга к правде? Вот… тени и солнце! Но я ведь в перчатках! И Вард взял меня за руку в перчатке! Вспомнились слова отца, что у меня месяц, максимум три. А помолвка может ускорить проклятие. Помолвка! А у меня брак! Прошла всего неделя. И, похоже, бесово проклятие ускорилось!

– Я не ушел, потому что Крис слабый защитник, – продолжал Вард. – Для Игр слабый. Поставь ты на его место Мартину, больше пользы будет. Крис, без обид.

Кристоф тихо кашлянул, нахмурился и дотронулся до кончика носа. Юрген и Змей переводили помрачневшие взгляды с непривычно говорливого здоровяка на тренера.

– Вовремя ты решил разговориться, сынок, – процедил Эмерсон.

– Я не уйду пока, – снова переходя на привычные уху рубленые предложения, заверил Вард. – После Игр уйду.

И все. Здоровяк продемонстрировал отцу спину и пошел к выходу. Эмерсон поморщился, едва заметно покачал головой и направился следом.

– Неожиданно! – немного нарочито рассмеялся Кристоф.

Стейн пристально смотрел на мои руки.

– Эй, Юрг, ты полегче с ударами! Вон как Варда растаращило! – балагурил дальше Кристоф.

Юрген пожал плечами. Разговор не клеился, и мы разошлись по своим делам.

В честь завтрашнего турнира вечерняя тренировка со Змеем была отменена. Я собралась занять вечер разработкой плана, как приблизиться к принцессе. Но проклятие внесло коррективы.

Забрав Беллу у горгульи, незаметно ставшую временной нянькой для мелочи, я влетела в комнату. Вытащив из шкафа вторую пару защитных перчаток, натянула поверх первой. Пальцы гнулись с трудом.

Незадача.

А если перенести заклинания на одни перчатки? И еще один слой прямо на руки?

Отыскав в чемодане набор для работы с заклинаниями, я подтащила к кровати тумбочку. Сняв перчатки, разложила на ней обе пары и приступила к практике.

По нити, по части, по кусочку я переносила защиту с одних перчаток на другие. Прошло время ужина, Ру́би покормила Беллу, попыталась поговорить, но, заметив, что я ее не слышу, улетела.

Лисичка свернулась калачиком на подушке и уснула.

А я все переносила и переносила…

Закончила незадолго до полуночи. Горгулья как раз разгоняла из учебного класса особо рьяных студенток по комнатам.

Оглядев перчатки, я довольно хмыкнула, потирая ладонью спину, затекшую от сидения в скрюченном виде. Получилось! Теперь на очереди руки.

Плохо, что раньше не придумала установить защиту прямо на кожу.

Над моими пальцами закружились оранжевые огоньки. Они сложились в паутину заклинания. Она потянулась к рукам. И легла криво!

Еще раз.

Опять косо.

И еще.

Тот же результат.

Промучившись час, я поняла, что сделать это самой нереально. А искать помощника опасно. Придется идти завтра в одних перчатках.

Очень надеюсь, их силы хватит, чтобы не устроить команде утро откровений!

Глава 14

Утро началось со звонка моего невероятно живучего будильника, еще до вопля горгульи в коридоре: тренер назначил сбор команды до побудки.

Сбегав в душевую, я выгуляла Беллу, сдала ее, сонную, еще более сонной горгулье. Ру́би предстояло стать нянькой для мелкой на день Игр.

Забрав Беллу, горгулья вручила мне большой сверток.

– Форма. – Зевнув во все клыки, она с лисичкой под мышкой вылетела в окно.

Развернув плотную упаковку, я вытащила голубое платье с небольшим вырезом, без рукавов, с плотной вставкой, подчеркивающей талию, и едва достающей до колена юбкой, расходящейся клиньями. Кроме произведения неизвестного мастера иглы, в свертке обнаружилась короткая сине-зеленая куртка, коричневые штаны и такого же цвета высокие мягкие сапоги. На плече куртки красовалась небольшая надпись: «Институт теневой и боевой магии».

Интересно, кому пришло в голову заменить нормальную рубашку на укороченное платье? Или это и есть «традиционные мотивы»? Как в седой древности: надела брюки – прикрывай смущающие окружающих тылы. Хорошо хоть, юбка до колена и благодаря покрою легко расходится. А не до пола и из цельного куска ткани, как носили заядлые модницы! Вот бы я повеселила публику, пытаясь в ней побегать!

Переодевшись в форму, я собрала волосы, закрепив шпильками, и поправила перчатки, опутанные двойной защитой.

В столовую шла, мысленно скрестив пальцы на всех конечностях. Только бы защита на перчатках помогла!

В полупустом зале повар и два несчастных студента, попавших на дежурство и угодивших под ранний подъем во имя сытой жизни команды, зевали в фартуки. Юрген, Кристоф, Вард и Стейн усаживались за стол. На теневиках тоже были сине-зеленые куртки, голубые рубашки, коричневые брюки и сапоги.

Я даже неуютно почувствовала себя в своем платье. Не то чтобы я ожидала увидеть парней в чем-то подобном… но почему, спрашивается, от традиций должна страдать только я?

– С добрым утром, светлячок! Просыпайся, мы тут! – Кристоф махал руками, показывая на лишний поднос рядом с собой.

Судя по его улыбке и искрящемуся в глазах смеху, делал он это с того самого мига, как я вошла в столовую.

Похоже, парни взяли мне завтрак. Прекрасно.

– Отличный отвлекающий маневр! – хмыкнул блондин, трогая нос и поглядывая на мое декольте.

Захотелось опустить глаза и убедиться, не отросло ли там чего лишнего.

Кристоф получил под ребра локтем от Варда и расхохотался:

– Не дергайся ты так, я пошутил! Хорошо смотришься! Просто я тебя первый раз в нормальном платье вижу!

Кристоф скривился, потер под столом ногу. Кажется, ему прилетело и каким-то заклинанием от Змея.

– Хорошо выглядишь, – прогудел Вард и опять уткнулся в тарелку.

Юрг промолчал. Он косился на дверь. Видимо, высматривал наш запас, который не успел выбраться из больницы. А тренер так и не сказал, кто в нем будет, кроме меня.

Стейн изучал меня так, словно в дополнение к платью у меня появилась пара рогов или копыт. При этом мой наряд его вовсе не интересовал. Это было немного обидно.

Прогнав неуместное чувство, я решила заняться насущной проблемой. Той самой, ради решения которой почти всю ночь сидела над перчатками.

Устраиваясь на скамейке рядом с блондином, радостно вещающим, что, по слухам, принцесса приедет с матерью, я осторожно коснулась рукой бока нашего командного балабола. Но Кристоф, сменив тему, продолжил разглагольствовать о том, кого выберет ее высочество для личной беседы, если вообще выберет. Ведь слухи вполне могут быть только слухами, а поездка принцессы по местам, где «взращивают победителей Игр», – лишь способом с выгодной стороны показать народу ее высочество.

До конца завтрака я ждала откровений, но Крис оставался Крисом: сто слов в минуту и куча оптимизма.

Получилось? Перчатки работают? Выходило, что да.

Оставив подносы с посудой повару, мы отправились на стадион.

Алый край солнца выползал из-за горизонта, подсвечивая цветочные арки. Ими украсили ведущие к стадиону дороги. Первые лучи расписывали высокие белые стены здания, возведенного в рекордные сроки посреди территории института. Солнечный свет пытался наполнить огромную чашу, разогнать туман на круглом поле, спугнуть тени, спрятавшиеся в уходящих вверх ложах.

В коридорах под местами зрителей и помещениях для команд и обслуживающего персонала с этой задачей справлялись светильники. Наша раздевалка находилась рядом с выходом на арену.

В запутанных переходах оказалось на удивление людно: сновали горгульи, носились маги, отвечающие за защиту зрителей, перепроверяли заклинания. Шныряли неприметные господа неопределенной внешности и возраста – наверное, охрана принцессы. На свои места в ложах шествовали команды из других магических учебных заведений. Их можно было легко выделить из толпы по форме игроков. Разных цветов, но такого же фасона, как у нас.

Среди них были почти все команды, прошедшие в основной этап.

В отличие от меня парни не ползали на четырех костях после тренировок и следили за соревнованиями, просматривая записи на линзах. Кто победил, прошел дальше, у кого замена, – все это я узнавала из болтовни Кристофа.

К счастью, больше с командами никаких странных происшествий не происходило. Игры шли вполне обычно.

Нам выпала честь открывать основной этап. Плюс визит принцессы. И почетное чужестранное лицо в лице наперсника принца Агды. Неудивительно, что остальные команды решили сюда приехать.

Мы как раз свернули в сторону раздевалки, когда на горизонте появились солнечные маги в желто-белой форме. Промаршировав мимо, наши противники направились к гостевым ложам.

– Они не заблудились? – озадаченно протянул Кристоф, взъерошивая пальцами светлые пряди на макушке. – Может, догнать и сказать, что не туда свернули? Нехорошо как-то потерять противников до игры!

– Они там, где надо! – К нам подбежала счастливая Изабель.

На ней красовался такой же наряд, как на мне. Значит, тренер все же взял ее в запас. По крайней мере, теперь я не одна буду сидеть на скамейке запасных. А с другой стороны, теневичка с ее ставками – так себе подмога…

– Жеребьевка была подстроена! Двое из судей хотели порадовать зрителей зрелищем! Их выгнали! – сияя как новая монета, просветила Изабель, поглядывая на сумрачного Юргена и нахмурившегося Змея.

Брюнетка поправила замысловатую прическу с длинными локонами сзади.

– Жеребьевку в экстренном порядке перепровели, и…

Дверь раздевалки открылась, и брюнетка запнулась на полуслове.

– А вы продолжайте, у вас неплохо получается меня замещать, – с сарказмом разрешил тренер.

– Теперь у нашей команды новый противник, и это не солнечные. – Изабель похлопала ресницами, сделав вид, что не заметила «радостного» настроения Эмерсона.

Тренер насмешливо махнул рукой, приглашая нас зайти в раздевалку.

Внутри, кроме ненужных нам шкафчиков, имелись скамейки, стул и стол… Эмерсона. Он чудесным образом переместился из его кабинета на полигоне сюда. Для полной картины не хватало горгулий: они были заняты патрулированием территории.

Дождавшись, пока мы сядем, тренер встал у стола и, перекатываясь с пятки на носок, сообщил:

– Наша служба сплетен и ставок узнала все верно, жеребьевка признана недействительной. У нас новый противник…

Двое судей из коллегии жюри решили подогреть интерес к Играм и поставили на открытии основного этапа друг против друга давних противников. Их подлог вскрылся. Но поскольку на Играх лично присутствует принцесса, агдарский гость и толпа почетных граждан Фридхольма, перенести соревнование на другое число не решились и быстро перетасовали команды, обрадовав тренеров. Выпустили официальную проекцию с новостью, которая тут же полетела по всем линзам.

Нашими противниками стали адепты Высшей школы Бродвика. Команда – серая лошадка. Однажды они даже побеждали в Играх, пару раз выходили в полуфинал. Но всегда среднячком, проползая

в последний момент по очкам. Однако на этом отборочном туре неожиданно разбили более сильных соперников в пух и прах. Поговаривали, что их ректор, он же тренер, скупил себе подходящих игроков из тех вузов, что не попали в отборочный тур. И не прогадал.

Итог: мы их не знаем, но и они нас тоже. Но…

– Ждать всего, – подытожил тренер.

Змей согласно кивнул. Юрг прищурился, явно предвкушая грандиозный магический и не очень мордобой. Вард… как Вард, изучал стену за спиной отца. А Кристоф что-то тихо бормотал себе под нос – видимо, ему очень хотелось поделиться мнением, но его слегка смущал тренер. Глаза Изабель странно сияли, словно она только что сорвала джекпот.

– С основным блюдом закончили, – Эмерсон смерил взглядом брюнетку, – теперь закуска. Ректор Высшей школы бытовой и прикладной магии проел-таки плешь жюри. Юргена дисквалифицировали на одну игру. Можешь разоблачаться и топать на трибуну.

Юрг помрачнел. Змей прищурился, сверля взглядом тренера. Кристоф прекратил бормотать.

Я подобралась: везением это сложно назвать, команде без нападающего будет трудно, но пусть тренер выберет меня!

– Выбор у меня небольшой, я бы даже сказал, между березой и осиной, когда нужен дуб. – Эмерсон будто специально тянул с ответом. – Дженс, ты выходишь вместо Юргена.

Изабель довольно заулыбалась.

Я уныло вздохнула. Ожидаемо. Только от этого обидно ничуть не меньше.

– На этом все, – отрезал тренер. – Все, что могли, мы с вами обговорили. Ориентируйтесь по ситуации. Теперь у вас есть час до представления команд. Можете поглазеть на зрителей из арки, чтобы потом не было сюрпризов с внезапным: «Там моя любимая шляпница сидит, покрасуюсь я немного!» Никаких шляпниц, молочниц, девушек, дедушек и внезапно обнаруженных на трибуне родственников! Только игра. Не ставки. Вам ясно, Дженс?

– Да, сэр! – без вдохновения ответила Изабель.

– Свободны. – Тренер уселся за стол, взял бумаги.

Иногда я забывала, что, кроме работы с командой, он еще и преподает. Или это такой способ выгнать нас из раздевалки?

Оказавшись с парнями и довольной Изабель, я поняла: все немного сложнее. Эмерсон выставил нас изучать местность из арки, через которую игроки выходят на поле, как раз когда прибыли наши противники.

Парни в красно-белых куртках шли по коридору к соседней раздевалке. В последнем ряду я заметила удивительно знакомую темную макушку.

Не может быть!

Я проскользнула мимо Змея и встретилась взглядом с братом. На нем была красно-белая форма и перчатки.

– Бернард, какого беса ты тут делаешь? – вырвалось у меня.

– Того же, что и ты, сестричка, – улыбнулся брат и повернулся к высокому худому парню: – Я скоро. Надо же с сестричкой поздороваться.

Его команда исчезла за дверью раздевалки. Моя – дружно, с нескрываемым интересом (Изабель) и мрачно (Стейн и Юрг) изучала Бернарда.

Брат подцепил меня под локоть и потащил к выходу из коридора. Остановился в арке, от арены нас отделяло пять-шесть шагов, не больше.

В ложах переговаривались команды, шумели первые зрители, мелькали яркими бабочками шляпки и зонтики дам. Почетные гости торопились занять свои места, с любопытством поглядывали на отделанную цветами и опутанную дополнительными защитными заклинаниями будущую обитель принцессы, пока еще пустую.

Но мне было не до коронованной гостьи.

– Что ты тут делаешь? – перепросила я, высвобождая руку из хватки брата.

– Решил поступить, как ты, и воплотить свои мечты. – Он пожал плечами.

– То есть? – Я смотрела в голубые глаза, блестящие от раздражения, злые. – Почему ты в их команде? У тебя ведь нет дара?

Брат насмешливо улыбнулся.

– Есть? – растерянно выдохнула я.

Бернард издевательски кивнул, в каштановых волосах запутался солнечный зайчик. Он никак не вязался с торжествующе-насмешливым выражением лица брата.

– Мы близнецы, сестричка, – его губы скривились, – как бы мне ни хотелось это забыть.

Слова ударили. Обидой, болью, непониманием. Но он именно этого и хочет. Чтобы сбежала, чтобы не нужно было ничего говорить. Мы близнецы, тут он прав. В наших головах появляются очень похожие мысли…

– У тебя тоже нейтральный дар? – спокойно спросила я, кожей чувствуя удивление и растущее раздражение Бернарда. – Почему ты скрывал? И как попал в команду? Ты ведь не учился?

Губы брата снова скривила усмешка.

– Учился? – догадалась я. – Но отцу не нужен был второй «бесполезный» маг в семье… Что это было, Бернард? Частные уроки? Заочное обучение, на котором ты появлялся только на экзаменах, а все остальное пересылал по линзам и почтой?

Размышляла вслух, старательно улавливая изменения мимики брата. Она у нас похожа. Нейтральный дар, заочное обучение – вот, значит, как.

– Ты сказал, что отец мне потакал, потому что сам хотел учиться как я, не прячась? – продолжала я.

Бровь брата едва заметно дернулась.

Да, все верно.

– Но к Играм проявила интерес принцесса, и ты стал выгоден отцу тут? – выдавила я.

Лицо брата осталось равнодушным. Не то.

– Ты сам предложил ему? – Я отвела взгляд, покосилась на ложи. Если я права…

Фигуру отца я отыскала быстро: он с мамой и сестрой сидел в одной из гостевых лож. Не тех, в которых были приглашенные гости. А тех, что выкупили состоятельные горожане.

Отец в пальто из самого дорого твида. Мама, миниатюрная блондинка с идеально уложенными светлыми волосами, и Ненси, немного уступающая ей в идеальности образа и отсутствии лишних складок на накидке. Все трое выглядели куда презентабельнее

некоторых приглашенных лаернов. Дружная семья пришла болеть за сына.

А я просто лишняя проклятая дочь…

В груди разлилась неприятная горечь. Не то чтобы я не знала. Но так явно мне показали мое место впервые. Нет, впервые было, когда отец предложил домик. Но тогда я была слишком занята поисками решения, чтобы меня этот факт задел.

– Надеюсь, нам не придется воевать на арене, – пробормотала я, отступая от брата.

Бернард хмыкнул и пошевелил пальцами, точно как я.

– Тени и солнце пошутили, когда поделили между нами все пополам, да, сестричка?

– Да, брат. – Точно сказал. Иногда мне казалось, что мы не просто отражения друг друга, а часть единого целого.

В детстве это было здорово: знать, что есть тот, кто тебя всегда поймет. Потом детство закончилось, и мой близнец стал кем-то чужим.

– Ты все еще можешь выбрать домик, сестричка, – напомнил о себе Бернард. И добавил снисходительным тоном: – Девочкам лучше выбирать простые пути.

– Я выбрала, – согласно кивнула я. – Иди ты к своей команде, братик.

В голубых глазах Бернарда всколыхнулась злость. Он вытянул руку и попытался похлопать меня по макушке. Как в детстве, когда неожиданно оказалось, что он выше меня. Я отпрянула. Неделя тренировок не прошла зря.

Развернувшись на каблуках, брат направился к раздевалкам.

– Какие-то сюрпризы? – Змей следил за нашим разговором и сразу же подошел вплотную. Едва заметно коснулся руки, затянутой в перчатку.

Я грустно улыбнулась:

– Еще какие! У брата нейтральная магия, он учился заочно. А я ничего не знала…

– Не грусти, мышка. – Стейн легко дотронулся кончиками пальцев до моей щеки. Надо бы отшатнуться, но не смогла. – Наше незнание – это не наша ошибка, а чужое решение, – тихо сказал он.

Я замерла, согретая теплом в его взгляде и неожиданной лаской.

– Идут! – Обрадованный вопль Изабель заставил повернуть голову, прерывая прикосновение.

Змей отступил, уставился на брюнетку.

Наша команда наблюдала за зрителями с противоположной стороны прохода. Изабель с линзой в руках что-то шепотом объясняла. Очевидно, тем, кто опять сделал какую-то ставку. Юрген разглядывал артефакт в ее руке, прицениваясь к нему, как кот к клубку. Кристоф махал руками, кого-то приветствуя то в одной, то в другой ложе. А Вард, возвышаясь за их спинами, как дуб над березками, через головы товарищей задумчиво и не отрываясь смотрел на королевскую ложу. Туда в сопровождении безликих господ из охраны заплывал целый цветник празднично разодетых лаерн.

В воздухе тут же засверкали сотни линз, закружились у ложи, и над чашей стадиона появилась проекция свиты принцессы.

Впереди пестрой стайки девушек, точно две сестры, держась за руки, шли принцесса Стефани и ее мать. За принцессой, на шаг позади, шествовал почетный наперсник принца Агды. Невысокий, с чуть раскосыми глазами темноволосый парень был одет в вполне обычное темное пальто. Никаких традиционных для его родины халатов. На его фоне Стефани с матерью выглядели особенно эффектно.

Обе златовласые, в накидках из бледно-голубой ткани, расшитой золотой нитью. В прическе ее высочества поблескивала алмазными слезами изящная корона. Но принцесса отличалась от матери не только наличием украшения, темными, почти черными, глазами и заметной горбинкой на носу, доставшимися ей от отца. Лаерна Бриар больше напоминала утонченную статую, чем живую красавицу. Казалось, вся жизнь ушла в дочь.

Принцесса с интересом посматривала по сторонам, что-то спрашивала у фрейлин, успела сделать тысячу дел, пока устраивалась в высоком кресле с короной на спинке. Лаерна Бриар заняла место рядом с дочерью.

О лаерне Бриар ходило множество слухов.

В прошлом фрейлина матери императора, она приехала в Фридхольм из крохотного горного королевства. Одного из тех, где горсткой горцев правит целый король, а все королевство – это лишь затерянный среди скал поселок. По слухам, она была потомком одного

из таких королей. Сиротой, чудом выжившей под лавиной, не оставившей ничего от ее родного городка.

Лаерна Бриар всегда отличалась строгостью и красотой. Неудивительно, что однажды на нее обратил внимание император. И то, что он признал ее ребенка, сделав девочку наследницей, считалось высшим проявлением любви нашего правителя к фаворитке.

Мне же казалось, что все проще. Стефани была единственным ребенком императора. Он просто хотел удачно пристроить трон, оставив многочисленную родню с носом.

Что-то громко треснуло.

– Ты хоть знаешь, сколько она стоит? – возмутилась Изабель.

Я оторвалась от созерцания принцессы. Брюнетка, стиснув кулаки, смотрела на Юргена. А он крошил в пальцах ее линзу.

– Ты мне заплатишь! – Изабель ткнула пальцем в грудь Юрга.

Тот пожал плечами:

– Счет выпишешь?

– Голову себе выпиши, – буркнула брюнетка, доставая из кармана новую линзу.

Едва заметное движение руки теневика, и тьма, сорвавшаяся с его пальцев, захрустела артефактом в руке брюнетки.

– Ты что творишь? – прошипела она, выуживая из кармана третью линзу и отступая.

– Выполняет приказ тренера, – отозвался вместо друга Змей. – Тебе было сказано: никаких ставок на Играх.

– Вот на Играх их и не будет! – Изабель активировала линзу и понеслась прочь по коридору.

Юрген вопросительно покосился на командира. Тот поморщился. Парни остались на месте, никто в погоню за брюнеткой не ринулся.

Из коридора тем временем донеслось айканье, потом Изабель торопливо извинилась. Ей ответил Бернард. Судя по тону, брат был ничуть не обижен.

– Лапусь, может, сходишь скажешь ей, что он твой брат? – шутя предложил Кристоф, успевая и махать очередной девушке из очередной ложи, и следить за происходящим.

– Пусть сами разбираются, – отказалась я от сомнительного удовольствия спасать брата из коготков Изабель.

Судя по доносящимся репликам, брюнетка была в полном восторге от знакомства. Брат отвечал сухо, очевидно, радость от того, что в объятия нырнула такая красотка, прошла.

В кармане куртки зажужжало.

Вытащив артефакт, я нахмурилась, глядя на появившееся на поверхности личико одной из подруг сестры. Нажав на портрет, я поняла, что девушка прислала готовую проекцию.

– Привет! Помнишь, мы играли в песочнице? – спросила непонятно кого подруга Ненси. – Мы тогда еще кукол не поделили…

Не помню. И не понимаю, зачем мне это вспоминать?

– Ты тогда еще брата подговорила, и вы утащили у меня куклу. Большую такую, с зелеными стеклянными глазами, – продолжала вещать запись.

– День воспоминаний? – хмыкнул Змей, показав на картинку. – В честь какого праздника?

– Мне и самой интересно.

А подруга сестры продолжала увлеченно делиться воспоминаниями. Я уже была готова убрать проекцию, как она сказала:

– Ненси просила тебе переслать. Она сказала, отец ни за что не станет досматривать глупые бредни о детских обидах. В общем, смотри дальше. – И ее лицо пропало. Замелькали наскоро снятые на линзу документы, разложенные, судя по всему, прямо на отцовском столе в его кабинете.

Вот, значит, за что Ненси посадили под домашний арест! Сестричка добралась до семейного архива. А папа не простил ей неуместного любопытства.

Я быстро убрала проекцию, положила линзу в карман. Потом все внимательно посмотрю. Вдруг найду что-нибудь интересное, касающееся проклятия.

– Что за тайные послания, Мартина? – Стейн оперся о стенку, отгородив меня от Кристофа и Варда. Последний все еще с непонятным благоговением изучал королевскую свиту.

– Выдержки из семейного архива, хочу подробнее узнать о тете. – Проклятие подталкивало выложить правду до последней капли, поэтому я отвечала честно. – Отец считает, что он все мне рассказал, а бумаги – лишнее.

– Десять минут до начала Игр! – прозвучал над ареной усиленный магией голос глашатая.

Уже? Я в панике оглядела ложи, заполненные шумящим разноцветным морем людей.

Игра вот-вот начнется! А я так и не придумала, как подобраться к принцессе… Не знаю, будет ли толк от знакомства с ней, но упускать шанс нельзя. А что делать – неясно. Остается одно: смотреть внимательно и, если подвернется случай, сделать ход первой.

Глава 15

Десять минут промелькнули как одно мгновение. Наша команда построилась у выхода из арки: вначале командир, потом остальные по росту, а я последняя, как запасной игрок.

Юрген следил за нами из коридора, примыкающего к выходу. Сверлил мрачным взглядом Изабель. Оказавшись между Вардом и Кристофом, она поглядывала на карман и переминалась с ноги на ногу, явно борясь с желанием вытащить линзу и начать трансляцию прямо с поля. Но, видимо, выгода от участия в Играх перевешивала доход от дополнительных ставок, сделанных в процессе выхода на арену.

Секунд за тридцать до начала представления из коридора вынырнули адепты Высшей школы Бродвика. Наши противники сразу шли строем. Во главе худощавый парень, с которым говорил брат, замыкал собственно Бернард.

Пересчитав по головам парней, я поняла, что он тоже был запасным. И, в отличие от нас, у Высшей школы Бродвика в запасе был полный комплект: четыре человека.

Над чашей стадиона разнесся усиленный магией голос глашатая. Он объявил об открытии основного этапа Императорских магических игр.

– Первый поединок основного тура! Команда Высшей школы Бродвика против команды Института теневой и боевой магии! Команда Института теневой и боевой магии!

И мы двинулись из тени арки на арену, освещенную солнцем и мерцающими линзами.

Имена звучали одно за другим, зрители хлопали. Ни свиста, ни радостных воплей в присутствии принцессы и почетного агдарского гостя никто себе не позволил. Или им не позволили… Между ложами шныряла охрана ее высочества и горгульи.

Добравшись до середины зеленеющего газоном поля, мы остановились и повернулись к центру. Вокруг летали линзы, над полем мелькали то проекции наших сосредоточенных лиц, то всей команды с разных ракурсов. Особенно снимавшим понравились наши

с Изабель платья. После того как в небе третий раз возникли наши проекции, захотелось подарить хозяину линз… платье. Пусть носит, раз оно ему так приглянулось.

– Команда Высшей школы Бродвика! – прогудел глашатай.

Линзы ринулись к нашим противникам. Парочка осталась болтаться в воздухе неподалеку от нас. Очевидно, их владельцы надеялись получить проекцию с нашими недовольными физиономиями, скривившимися при виде конкурентов.

– Игрок запаса Бернард Леннет! – прозвучало последним.

Адепты Высшей школы Бродвика домаршировали до нас, крутанулись фасадом к середине поля.

– Пусть тени и солнце будут с игроками! – провозгласил глашатай.

Мы церемонно поклонились противникам, они нам. Развернувшись на каблуках, я пошла к трибунам. Запас Высшей школы Бродвика повторил мой маневр.

Вскоре я заняла место рядом с тренером в ложе на первом этаже. Брат и его товарищи по запасу сидели рядом со своим: низким крепким мужчиной средних лет.

Пока я добиралась до скамейки запасных, команды разошлись к краям поля. Глашатай озвучивал условия соревнования: при помощи магии как можно сильнее проредить команду противника. Выбывшим считался тот, кто не может продолжать бой, будучи обездвиженным. При желании тренер имеет право на одну замену. Также причиной замены могла стать серьезная травма. Такие замены производили независимо от желания тренера и в любом количестве.

– И не забывайте, – добавил глашатай, обращаясь к командам, – цель Императорских игр – показать не только умение побеждать противника, но и умение бороться с нежитью!

Пространство между командами замерцало. То тут, то там стали появляться и исчезать золотистые коконы: клетки с нежитью. Они могли раскрыться в самый неожиданный момент, выпуская пленника наружу и делая жизнь команд куда веселее и бодрее. Сияние исчезло: «сюрпризы» снова укрыла иллюзия.

Над полем вспыхнул голубым и стал невидимым, прозрачным, защитный купол. Он отрезал арену с игроками от зрителей. Заставил отлететь вездесущие артефакты – линзы заскользили у невидимой границы, стараясь выхватить проекцию поэффектнее.

Гулкий удар колокола возвестил о том, что команды могут начинать.

Тренер оперся о колени и подался вперед, всматриваясь в фигуры на поле.

– Один-один-два, – скомандовал Змей. Магия усилила его голос.

Он выступил вперед, Изабель – чуть поодаль. Кристоф прикрывал ее, а Вард – Змея.

Противники не стали заморачиваться с защитой. Худощавый кивнул товарищам, и четверка, развернувшись веером, бросилась на нашу команду. Заклинания они сплетали на ходу. В Змея полетела темная сеть, пара напоминающих серые иглы парализующих заклятий и одно ослепляющее, смахивающее на темную кляксу. Он оттолкнул их, направляя в противников. Бродвигцы отпрянули, бросились врассыпную.

Засиял светом, появляясь, кокон и лопнул. На траву вылетела огромная зубастая крыса с длинными когтями и утыканным иглами хвостом.

– Один-три! – выпалил Змей.

Изабель тут же нырнула ему за спину, Вард и Кристоф встали с боков, сплетая из тьмы щиты.

Крыса их прыткость оценила и решила выбрать не столь организованную добычу. С шипением тварь ринулась на худощавого бродвигца. Тот прикрылся щитом. Она развернулась и кинулась на второго.

Тоже щит.

Третий отпрянул под защиту товарища, и крыса, окончательно обозленная тем, что обед бодро ускакал, тяпнула зубами за ногу четвертого. Парень будто специально подставил конечность. Он заорал не своим голосом и стукнул по морде нежити темным сгустком.

Крыса отскочила. Взмах хвоста, и к ране от зубов добавились проколы от шипов.

Сплетенная из тьмы сеть накрыла морду зверюги. Змей отпрянул, отвлекая нежить. Вард и Кристоф прикрыли пострадавшего щитами, повели к краю, к докторам.

Его товарищи тем временем атаковали Изабель.

Нечестно! Нет бы товарища дотащить!

Но, очевидно, они посчитали, что девица в платье легкая добыча и упускать ее глупо.

Она же лучисто им улыбнулась и увернулась от брошенных сетей. А потом, будто издеваясь, начала перешагивать с одного места на другое. Точно в тот момент, когда туда прилетало заклинание.

Пока Изабель плясала с троицей бродвигцев, Змей и крыса кружили, проверяя друг друга на быстроту реакции.

– Неплохо, – задумчиво протянул тренер, неотрывно глядя на арену.

Змей отвлек крысу сгустком тьмы, заставил отпрянуть в сторону. Второй рукой выбросил сотканную из теней сеть. Зверюга угодила точно в ее середину. Нити затянулись. Миг, и от нежити осталась горстка пыли.

На ходу раскручивая в руке сеть, Змей пошел на бродвигцев, пытающихся поймать Изабель. Вард и Кристоф, оставив пострадавшего докторам, спешили ему на помощь.

– Защита, два. – Змей выбросил руку с сетью.

Она накрыла одного из противников. Тот неожиданно упал, схватился на ногу. По его штанине растекалось алое пятно.

Он что, ранил сам себя? Я покосилась на хмурого тренера. Зачем?

Сеть Стейна спеленала бородвигца, но над ареной так и не прозвучали слова, что он выбыл. То есть рана была серьезной. А выпад Змея не засчитали!

– Жулик! – сердито выпалила я.

Змей зло махнул рукой, убирая с парня сеть. На арену проскользнули санитары.

Даже так? Его травма настолько серьезна, что доставку пострадавшего нельзя доверить адептам?

– Замена у команды Высшей школы Бродвика! – сообщил глашатай. – На поле выходят…

Имена я пропустила мимо ушей: на арене Змей и Изабель, прекратившая играть с парнями в салочки, наступали на бродвигцев. Вард и Кристоф прикрывали.

Сияющие коконы появились и лопнули сразу с двух сторон от теневиков.

По трибунам пронесся удивленный вздох.

Два огромных паука с сияющей дорожкой алых глаз на головогруди растопырили хелицеры, украшенные острыми, напоминающими когти отростками. Арахны явно горели желанием перекусить всеми и сразу. Привстав на лапах, они вывернули волосатые брюшки, и в парней полетели сгустки липкой паутины, пропитанной сонными чарами.

Нападение превратилось в защиту.

Змей отдавал команды, Вард и Кристоф плели двойные щиты, а Изабель создавала из тьмы копья. Бродвигцы отступали, закрывшись непрозрачным черным щитом.

Над стадионом раздалось улюлюканье, но это не сподвигло бродвигцев вспомнить, что они вышли на арену не в прятки играть. Наши противники быстро отходили подальше от арахн, воспользовались тем, что нежить подслеповата и видит только то, что находится в пределах пяти шагов. За ним и ползет. А на таком расстоянии от пауков как раз и была наша команда!

– Давай. – Змей выбросил вверх и в стороны сплетенную из тьмы сеть.

Ячейки были достаточно мелкими, чтобы не пропустить сгустки паутины, но достаточно крупными, чтобы в них могло пролететь копье. Изабель запустила сразу два. Они пронырнули сквозь сеть и впились точно в головогрудь привставшего паука. Сеть Змея опутала арахну. Еще одно копье попало в брюхо монстра. Сеть начала стягиваться. Вард и Кристоф прикрывали Змея и Изабель от летящих сгустков паутины. Их щиты побелели от липких комков.

Арахна превратилась в пыль. Змей замахнулся сетью.

Второй паук атаковал первым. Щелкнули хелицеры, заскрипели по щиту Кристофа. Он скривился: острые концы соскользнули по его ноге, наверняка оставив порезы. Очевидно, неглубокие: санитары к нему не спешили, да и сам Кристоф уходить с поля не торопился.

Змей раздавал команды, отвлекая паука сгустками тьмы, и поглядывал по сторонам.

Как оказалось, не зря: бродвигцы заходили с тыла. Черный щит сменили темные звезды, сплетенные из теней. За спиной худого командира маячил Бернард. В этот раз на руках брата не было перчаток.

– Собрались! Все на паука! – скомандовал Змей, разворачиваясь лицом к бродвигцам.

– Правильно, я сама справлюсь! – согласилась Изабель, отступая за спину Кристофа.

Справится, прячась?

Тренер перегнулся через парапет ложи, вглядываясь в лица игроков.

– Я нападу! – неожиданно выдал Вард и нахмурился.

– Нападай, – согласился Змей, косясь на товарищей.

Что это с ними? Почему у меня такое ощущение, что они говорят одно, а делают другое?

Арахна снова щелкнула хелицерами и ринулась на Змея.

– Уходите! – выдал он, мрачнея на глазах.

Эм-м… Что происходит?

– Какого беса? – хмуро пробормотал Эмерсон, свешиваясь наружу.

Казалось, еще немного, и тренер полетит вниз, выяснять, что там с его командой. Но вместо него полетели заклинания бродвигцев в спины теневиков. Змей отпрянул, Вард прикрыл Изабель. Змей вместо внятной команды начал что-то показывать на пальцах, но его жесты все равно были неверными… как если бы он врал!

Все пополам? Кажется, так сказал Бернард? А что, если проклятие тоже пополам? Но так как мы близнецы, у брата оно стало… противоположным?

Я ходячий источник правды, а он… лжи? Причем настолько сильный, что даже жестами не удастся сказать правду? Или это означает, что мои силы тоже выросли?

Тогда только я могу стать щитом команды от его проклятия! Ведь если говоришь правду, соврать весьма проблематично. Но как выйти на арену и не выдать свою… гм… особенность тренеру?

На глаза попался прихрамывающий Кристоф.

– Выпустите меня. – Я дотронулась до рукава мантии тренера, махнула на Криса.

– Не до вас, Леннет. Радуйтесь, что не вы там внизу позорно продуваете основной тур, – зло отрезал Эмерсон.

Говорить что-то еще было бесполезно.

Что же делать?

Я перегнулась через перила ложи рядом с тренером. На арене теневики, несмотря на отсутствие возможности нормально общаться, отбивали атаки паука и бродвигцев. Если до конца игры они не выйдут из глухой обороны, будет ничья. Если вспомнить, что у нас уже есть штрафные баллы, в полуфинал мы можем и не попасть… впервые за историю института. Отличимся в обратном, противоположном смысле этого слова.

Поэтому хватит изображать висящую на перилах куклу. Пора соображать!

Перехватив взгляд Змея, я замахала руками. Ну пойми же ты! Вспомни, рядом с кем тебя тянуло на правду!

Стейн отбил сеть командира бродвигцев, увернулся от сгустка паутины, откинул заклинание, брошенное в покалеченную ногу Кристофа. Притормозил и нахмурился. А потом его и Криса закрыла тьма, распустившаяся точно черный тюльпан. Секунда, и магия Змея исчезла.

Кристоф основательно, чтобы ни у кого не было никаких сомнений, лежал на траве. Судя по скривившемуся лицу, встать он сможет, только если превратится в нежить.

Тренер тихо выругался и гаркнул, доставая линзу и вызывая проекцию судейской ложи:

– Леннет, на поле!

– Есть, сэр! – Я вылетела из ложи, пронеслась по лестницам и переходам.

Клинья на юбке платья весьма удобно расходились, совершенно не мешая горной… точнее, стадионной лани в моем лице лететь к цели.

Я как раз подбегала к ведущей на арену арке, когда над полем прозвучал голос глашатая, вещающий о замене Кристофа Рау на Мартину Леннет по желанию тренера.

На поле я выскочила, на ходу стягивая перчатки и запихивая их в неудобный, почти под мышкой, карман на короткой куртке.

Пока я ставила рекорды по бегу, Змей стреножил арахну. Изабель запустила в нее копье из тьмы. Вард, точно танцор, перетекая с одного места на другое, прикрывал ребят щитами, отбивая заклинания бродвигцев.

Наши противники перегруппировались. Худой командир и Бернард пытались пробить защиту здоровяка. Точнее, пытался командир, а брат старательно подкрадывался к нашей команде, очевидно, чтобы усилить воздействие проклятия. Двое оставшихся бродвигцев с темными заклинаниями на изготовку прочесывали пустую часть арены. Зачем?

Вспышка, появившаяся на их пути, все пояснила: они отыскивали скрытые иллюзиями коконы с нежитью.

Конечно, им ведь тоже нужны баллы за ее уничтожение! А пока на счету у нас два чудовища, а у них – ни одного.

Вспышка погасла. Выпавшего на траву монстра тут же облепила тьма, и он, превратившись в пыльный смерч, осел на траву. В арахну вонзилось второе копье Изабель, и зверюга исчезла. И тут же неподалеку от нашей команды засиял новый кокон. Брат и его командир мгновенно отступили, закрылись щитами, как избушка ставнями.

Стейн попытался что-то сказать, но замолк на полуслове.

Нечестно! Брат заставляет людей врать, просто находясь рядом, а я должна всех трогать? Тени с вами, потрогаю!

Я проскользнула к Змею, коснулась его руки: жест поддержки не особо далекой девицы и ничего более, никаких проклятий.

Сработало?

– Изабель, Вард, поймайте их. – Змей кивнул на парочку бродвигцев, уничтожающих третий кокон с нечистью.

Сработало!

– Мартина, с ними, – продолжал раздавать команды Стейн, не спуская глаз с выбирающегося из кокона шестиногого лохматого чудовища, напоминающего помесь буйвола и козла. – Мартина, не забывай прикрываться.

Точно! Надо прикрывать мою весьма странную привычку трогать за руки других игроков!

Я послушно прошмыгнула к ребятам. Оранжевые огоньки окружили руки. Заклинание, с помощью которого убирают лишнюю влагу из фруктов. Небольшое облачко испарившейся с одежды и кожи Изабель влаги помешало высунувшемуся из-за щита командиру бродвигцев прицелиться: темное заклинание просвистело мимо. Я едва заметно коснулась руки Изабель. Заслонка из пара исчезла.

Вокруг моих рук уже складывалась новая формула.

Заклинание для снятия скорлупы с особо прочных алмазных орехов легло оранжевыми пятнами на щиты Варда. И начало счищать с них остатки вражеских плетений.

Пока линзы радостно демонстрировали его зрителям, я коснулась ладони здоровяка.

Вард кивнул Изабель, на ходу превращая щиты в сети, и они двинулись к бродвигцам, разыскивающим очередной кокон. Я потопала следом, попутно вплетая магию в заклинание, регулирующее подачу воды в трубы для полива газона.

Как там Стейн?

Бросив взгляд через плечо, я поняла, что не зря влезла в систему орошения: командир брогвигцев бросал в Змея одну сотканную из тьмы усыпляющую кляксу за другой. Бернард держался чуть левее, на его пальцах клубились оранжевые огоньки. Трава под ногами брата шла волнами. Змея, опутывающего сетью лохматого монстра и отбивающего «подарки» бродвигца, явно собирались сбить с ног.

Мы с Бернардом ударили одновременно.

Трава пошла волнами по всему стадиону. С хлопком из газона забили фонтаны, превращая игры в водное цирковое шоу.

Змей устоял на ногах, его сеть уничтожила монстра.

Командир бродвигцев с руганью попытался ударить Стейна сквозь бьющие из-под земли водяные струи, но я не зевала. Его и Бернарда окружила двойная стена фонтанов.

Змей тоже не медлил. С окутанными тьмой кулаками он проскочил через водяные заслоны. Я дернулась было убрать фонтаны, но замерла: вдруг я не помогу, а только помешаю? За стеной воды двигались фигуры. Потом послышался треск и… вода застыла, превратившись в ледяную стену. Под ногами загудело, в толще грунта что-то лопнуло: кажется, это были трубы. Похоже, братик без проблем превратил охлаждающее заклинание в оружие.

Кусок стены выпал наружу. Бернард выволок потрепанного командира с остатками чужой сети на руках и ногах. Внутри Змей высвобождал ноги из ледяных оков.

Ладно, а если так? Вы охлаждаете, а мы сушим.

Оранжевые огоньки нырнули в землю под ногами.

С шипением лед расплавился, облако пара поднялось в воздух, мешая брату тащить бродвигца. На пару секунд арена превратилась в затянутую туманом горную ложбину. А когда напитанная влагой дымка исчезла, Змей уже затягивал сотканную из тьмы сеть, в которой, точно рыбы, бултыхались командир бродвигцев и Бернард.

Получилось!

Руки тряслись от перенапряжения, но у меня вышло!

Радостный вопль зрителей заставил закрутить головой.

Вард и Изабель тоже были с уловом. Здоровяк как раз отбирал у пойманного бродвигца маленький нож, которым тот, очевидно, собирался нанести себе травму.

Странные ребята. Готовы себе навредить, лишь бы противнику не засчитали поимку игрока!

– Победила команда Института теневой и боевой магии! – объявил глашатай.

Над нами засверкали линзы, пытаясь выхватить кадр получше. Над ареной замелькали лица разной степени помятости и поцарапанности.

Змей убрал сеть, протянул руку командиру бродвигцев, помогая подняться. Бернард встал сам. Вард и Изабель распаковали остальных. Мы выстроились друг против друга посередине арены.

Глашатай назвал очки за уничтоженную нежить. Четыре у нас и три у бродвигцев. Команда темных лошадок, любящих мухлевать и бить так, чтобы точно не получить в ответ по фасаду, в полуфинал не прошла.

Под хлопанье зрителей команды поклонились друг другу и двумя шеренгами промаршировали к арке. Когда мы вошли под сводчатый потолок, идущий рядом Бернард неожиданно тихо усмехнулся:

– Скоро встретимся, сестричка.

Разве что где-нибудь на улице. Но точно не на арене!

Бродвигцы скрылись в раздевалке, мы вошли в свою.

За столом среди бумаг окопался Эмерсон. Он постукивал карандашом по крышке. В воздухе перед ним висела линза, над ней быстро прокручивалась проекция игры. На скамейке в углу устроился Кристоф с забинтованной ногой. Рядом с ним торчал прислоненный к стенке костыль. В шаге от почесывающего нос блондина сидел Юрген и с интересом разглядывал проекцию.

Подойдя к нему, мы дружно опустились на сиденье.

Тренер молчал. Мы молчали. Проекция крутилась все быстрее. Тренер молчал. Мы молчали.

– Но мы же победили? – вырвалось у меня возмущенное.

Эмерсон медленно кивнул.

В дверь постучали. В раздевалку влетела горгулья, помощница тренера и любимица насекомых. Чуть не снеся взмахом крыла со стола бумаги, она вручила Эмерсону конверт и показала когтистым пальцем на меня.

Что еще случилось?

Едва глянув на лист внутри послания, тренер махнул рукой:

– Забирай.

Горгулья порхнула ко мне, цапнула за руку.

– Пошли.

И выволокла в коридор.

За дверью раздалось грозное тренерское:

– Что за представление начинающих комедиантов вы устроили?

Проводница потащила меня дальше, совершенно не заботясь о том, что у некоторых нет крыльев и скорости каменного голема.

– А куда мы? – пропыхтела я на третьем повороте четвертого коридора.

– Принцесса изъявила желание тебя видеть, – выдала горгулья.

– Принцесса? Меня? – Неужели повезло?

– Ну не я же фонтанами арену украсила? – ехидно отозвалась горгулья. – Стой, слушай, сама не говори, – проинструктировала она.

– Ага. – Главное, в это мое «не говори» засунуть просьбу пообщаться с придворным проклятийником.

Мы притормозили у входа в королевскую ложу. Горгулья запорхнула внутрь, а я осталась перед дверью. Двое неприметных мужчин просканировали меня артефактами на предмет опасных магических вещей и прицепили на шею блокирующий магию кулон.

Пока они обыскивали меня, я натягивала перчатки и мысленно подбирала подходящие слова, чтобы между приветствием и просьбой была хотя бы пара фраз.

Дверь ложи распахнулась, и меня вежливо подтолкнули внутрь.

За дверью была свита ее высочества полным составом, фаворитка императора и принцесса. Почетный агдарский гость, очевидно, отбыл.

– О! Вы уже здесь! – Радостно улыбаясь, принцесса подошла ко мне, принеся тонкий аромат подснежников и имбиря.

– Ваше… – начала я.

Неожиданно властный взмах тонкой руки заставил меня замолчать.

– Вы меня удивили. Никогда не видела, чтобы боевые маги использовали чужие заклинания, – прощебетала принцесса. Она неожиданно крепко стиснула мои пальцы и тихо сказала: – Передайте команде, что я болею за вас, очень болею. – И, выпустив мою руку, добавила громко и счастливо: – Я очень хочу увидеться с вами на встрече с победителями у отца!

– А разве она не личная? – ляпнула я, запоздало поняв, что знаю про аудиенцию у императора, на которую попадают победители Игр, только то, что нашла в проекциях и услышала от Змея.

– Личная. – Смех принцессы напоминал колокольчик. – Но на ней всегда присутствуют приближенные лица и некоторые члены семьи. Была рада познакомиться, адептка Леннет. Не забудьте передать мои слова команде.

– Обязательно передам, – пообещала я.

Принцесса просияла улыбкой и развернулась к матери. А меня под мышки вынесли из ложи два телохранителя. Вынесли качественно, до самой раздевалки. Еще и напоследок предупредили, что попытки поговорить с ее высочеством будут пресечены на корню. В том плане, что, если я и мои «корни» переместимся в сторону королевской ложи, чуть позже мы окажемся в ближайшем полицейском участке.

Я осталась стоять посреди коридора. Одна. Так глупо упустить шанс могла только я.

Глава 16

– А, уже отпустили? – Тренерская горгулья, вынырнувшая из-за поворота, не дала мне предаться унынию.

Расправив каменные крылья, она оттеснила меня к двери раздевалки. Между вариантами быть расплющенной мстительной махиной, так и не простившей мне свидания с комарами, и выволочкой от Эмерсона, я выбрала второе.

– О! А вот и наша прима-балерина! – обрадованно протянул тренер.

Я бочком придвинулась к скамейке и уселась рядом со Змеем. Судя по лицам команды, их уже отчитали, настала моя очередь.

– Адептка Мартина, в следующий раз, когда решите кузнечиком скакать по полю, размахивая руками, хоть предупредите, чтобы я билеты продал на ваше выступление!

– Да, сэр, – привычно вырвалось у меня.

Эмерсон пару секунд сверлил меня взглядом, потом обреченно махнул рукой.

– Свободны! Впереди два выходных, и после них я хотел бы получить команду в том же составе. – Тренер сложил бумаги в папку, поднялся из-за стола и, не дожидаясь ответа команды, вышел из раздевалки.

Ребята зашевелились.

А я так и не сообщила о радостной новости, что принцесса болеет за нас!

– Погодите! – Я вскочила со скамейки.

Змей заинтересованно вздернул бровь. Вард меланхолично хлопнулся обратно на сиденье. Изабель вопросительно развела руками, в ее пальцах поблескивала линза. Юрген смотрел угрюмо.

– Что, решила Эмерсона заменить, лапушка? – хмыкнул Кристоф, беря костыль, прислоненный у стены.

– Нет, куда мне, – хмыкнула я. – Принцесса просила вам передать, что она болеет за нас, очень болеет. – Я нахмурилась, вспоминая, что еще она говорила.

Крис хохотнул, стукнул костылем о пол. Змей едва заметно усмехнулся: не верит он коронованным особам. Юрг продолжал радовать мрачной физиономией. С такой только дождь вызывать. Глянул на небо, оно от испуга и выдало осадки. Изабель полезла что-то искать в линзе. Наверняка очередной тотализатор устроит на тему, что передала принцесса команде. Варианты: послала лесом, полем, в отделение полиции. По губам Варда скользнула едва заметная улыбка.

– Так и сказала? – переспросил он.

– Ага, – подтвердила я. – А еще сказала, что очень хочет увидеться с нами на встрече с победителями у отца.

– Эу! – выдал Кристоф. – Теперь мы точно должны победить!

Вард согласно кивнул:

– Без вариантов.

Змей насмешливо покосился на здоровяка. Юрген, выпав на миг из мрачного состояния, прищурился.

Вот и мне интересно, с чего вдруг Варда так вдохновили слова принцессы? Помнится, он собирался выступить в команде, потому что нужно, а потом уйти.

Но Вард ничего не стал пояснять и просто подцепил Кристофа вместе с костылем. Крис трещал как сорока: ему очень не хотелось возвращаться в больницу, откуда его отпустили для тренерского внушения. Здоровяк был непреклонен. Следом за ними убежала Изабель. Юрг покосился на Змея, скривился, словно ему вместе с плохим настроением выдали телегу лимонов, и ушел.

Я тоже собиралась упорхнуть. Впереди первые выходные!

Но стоило взяться за ручку, как меня развернули, дверь с хлопком закрылась, а я оказалась спиной к ней, прижатая к деревянному полотну. По обе стороны от моей головы легли ладони Змея. Он наклонился и тихо сказал:

– Попалась, мышка!

Его дыхание выжигало кислород между нами. Васильковые глаза были совсем близко. Яркие, как летнее небо, глубокие, как омуты. Стейн почти касался моих губ своими.

Я судорожно сглотнула. Парни в моей жизни были: одобренные родителями. Они ухаживали, приглашали на свидания. Случались

и поцелуи. Но их поцелуи никогда не вызывали ничего подобного тому, что я чувствовала рядом с теневиком…

Змей склонился к моему уху и прошептал:

– Расскажи мне сказку, мышка.

Что? Какие сказки?

Я заморгала, пытаясь привести в порядок мысли.

– Сказки в библиотеке, – пробормотала я.

– Этой точно нет.

Стейн снова смотрел в глаза, а мне некстати вспомнилось, что мы с ним слегка женаты. Может, в этом причина моих чувств к нему? Какой-то побочный эффект от древнего обряда?

– Сказка про близнецов. – Змей отодвинулся, но не спешил убирать руки. – Жили-были два близнеца, оба с нейтральным даром, бытовая магия. Но не только. Имелся у них и второй дар.

– Не дар, – тихо призналась я, – проклятие.

Отправившись на поле, я знала, что Стейн поймет. Но в глубине души все равно тлел уголек надежды. И теперь его загасили, залив вспыхнувшей в васильковых глазах злостью.

Змей замер, глядя в упор. На его щеках выступили желваки.

– Какого беса ты молчала, Мартина?

– Это не запрещено правилами, – не знаю зачем напомнила я.

– Потому что нормальные проклятия, мышка, вредят только проклятому! – Змей стукнул кулаком о дверь.

Я вжалась в дверь, опасаясь получить полную шею заноз, и выдала то, что крутилось в голове:

– У тебя хобби двери портить?

– Есть такое увлечение, недавно появилось… – Стейн медленно выдохнул, его губы скривила усмешка. – Проклятие – это причина? Причина, почему тебе так надо было попасть в команду?

– Да. – Я грустно улыбнулась.

– А что, обычным способом, обратившись к проклятийнику, неинтересно? – раздраженно уточнил Змей.

– Интересно, только я не первая проклятая в семье. Маги, которых смогла найти моя семья, ничего не смогли с этим сделать, – в тон ему отозвалась я. – Все, что они могут мне предложить, – уютный склеп.

Стейн нахмурился.

– Уединенный домик со всеми удобствами, где я проведу всю жизнь, дабы не причинять излишней правды окружающим, – исправилась я.

Змей насмешливо выгнул русую бровь.

– Склеп на двоих?

– Нет, – я отрицательно покачала головой, – брата отец не собирается никуда запирать.

Непонятно почему, но в домик родитель отправлял только меня. Интересный подход. Правда – плохо. Ложь – нормально?

– Тени и солнце, мышка, – неожиданно рассмеялся Стейн, – ты безо всякой правды меня с ума сведешь!

Замолчав, он наклонился и, легко коснувшись губами уголка моего рта, улыбнулся. И осторожно, словно боясь спугнуть, поцеловал. Мягкое прикосновение чуть обветренных губ, от терпкого древесного аромата кружится голова, ноги становятся ватными, а руки сами ложатся на его плечи, запутываются в его волосах. Его ладонь на моем затылке…

Слегка прикусив мою нижнюю губу, Стейн, лаская, проводит по ней языком. Углубляет поцелуй. Я окончательно теряюсь, рассыпаюсь сверкающими осколками…

Стук в дверь и насмешливое «Нет, я все понимаю, весна, но вы хоть стол отдайте!», сказанное рычащим голосом горгульи, заставило нас разорвать прикосновение.

В коридор я выходила, на ходу приглаживая волосы. Змей заново завязывая шнурок на затылке. Хвост я ему, как оказалось, распустила… пока мы целовались.

Горгульи тренера, подпирающие стенку у двери, оскалились, явно заподозрив что-то другое. Но мама не зря пытала меня этикетом. Я сделала вид, что совершенно не понимаю, почему у них сезон проветривания клыков открыт.

Едва стадион остался позади, Змей утащил меня к скамейке в тени раскидистого дерева и потребовал рассказать, откуда у нашего семейства проклятие. Я выложила все: и про отца, и про домик, и про предыдущих проклятых. И про нашу с Ненси попытку ограбить семейный архив.

– Обязательно посмотрим ваш архив, – кивнул Змей.

А я перешла к защите от проклятия. В конце описала свою попытку установить защиту прямо на свои руки и ее провал.

– Тебе нужно прикасаться, а брату нет? – уточнил Стейн.

– Да. – Я поправила перчатки.

Змей нахмурился, проследил за тем, как тройка парней с радостным гиканьем несется в сторону ворот.

– Странно, – васильковые глаза блеснули азартом, – проклятия у близнецов делятся поровну. Если он может, значит, и тебе перчатки уже не должны помогать. К тому же… твой братец, похоже, неплохо контролирует свое проклятие.

Я вспомнила, как Бернард подбирался к парням, и кивнула. Он контролирует…

– А почему я не могу? – Я пошевелила затянутыми в ткань пальцами.

– Возможно, он больше знает, – предположил Змей. – Или у него проклятие проявилось раньше.

– Почему? Мы же близнецы? – У нас все одинаковое, почти. – Правда, Бернард всегда рос быстрее меня. Обычно девочки растут быстрее, а у нас все наоборот. Мама говорила, это из-за того, что я родилась крохотной и слабой. Поэтому он всегда меня обгонял… Но ведь такого не должно быть!

Я взволнованно подскочила со скамейки. Змей поднялся следом, поймал меня в объятия.

– Папа четко сказал: первые признаки проклятия начнут проявляться через тридцать четыре дня после моего совершеннолетия! А мы родились в один день! – выпалила я.

– Но в твоей семье принципы работают только в отношении тебя, с братом твои родители не так категоричны. – Стейн провел пальцами по моей щеке, заставляя сердце замирать от легкой ласки, и улыбнулся: – Возможно, со сроками все не так четко, как тебе сказали.

Раньше я бы не согласилась. Но теперь уверенности не было. Ладно, от меня скрыли наличие у брата магии и его заочную учебу… Может, посчитали, что девицам ни к чему забивать голову сложными комбинациями мужской логики. Но он ведь разделил со мной проклятие. И его не собирались за это отлучать от жизни!

– Будем решать проблемы по степени важности, – отвлек меня от невеселых мыслей Змей. – Начнем с защиты. Жду тебя через час у выхода. Посмотрим, что можно сделать.

Проводив меня до казармы, он ушел к себе. Каменная комендантша передала привет от горгульи доктора. Ру́би в честь победы расщедрилась и решила забрать Беллу на все выходные.

Пока мы со Змеем говорили, я заметила Юргена. Он стоял, подпирая дерево. Лицо было таким же мрачным, как и в раздевалке. Я бы тоже не радовалась, если бы меня дисквалифицировали. Но к следующей игре его допустят, так что повода пугать окружающих хмурым видом нет.

Мое же пребывание в основном составе опять было под большим вопросом. Зато теперь у меня есть союзник… и немного парень. Мы же не просто так целовались? И мы с ним куда-то идем. А почти все мои вещи до сих пор в Йоне. Надо бы после нашей прогулки перенестись туда и забрать.

Навестив душевую комнату и переодевшись в шерстяное платье, я накинула на плечи широкий шарф. Тащить на прогулку накидку, подброшенную в мой шкаф горгульей, не хотелось, а соваться в Йон без верхней одежды чревато простудой. Запихнув в карман деньги на дорогу и линзу, я направилась к воротам.

Весна уже полностью вступила в свои права: клумбы зеленели, деревья цвели, птицы пели. Солнце пригревало, заставляя щуриться.

И мой прищур очень не понравился стражам. Каменные василиски дружно повернули головы и уставились на меня. Явно заподозрили в очередной попытке потренироваться в создании заклинаний за их счет.

– Никаких экспериментов! – заверила я, проскальзывая в приоткрытую створку.

Змей ждал меня по ту сторону ограды, рядом с ним стояла синяя капля мобиля. Затемненные окна, плавные линии, колеса, окутанные синеватой дымкой магии. В шаге от транспорта сидел огненно-рыжий энфилд. Едва Стейн поднял руку и помахал мне, как лис нырнул под капот, и мобиль протяжно заурчал.

Стейн галантно распахнул дверцу. Усаживаясь на место рядом с водителем, я спросила:

– Твой?

– Иногда я в этом не уверен. Парни одалживают, когда надо куда-то быстро по городу добраться, – улыбнулся Змей, захлопывая дверцу.

Внутри оказалось светло и уютно. Светлая замша обивки, плавные линии панели, отделанной темным деревом, и целая россыпь сияющих амулетов управления напротив сиденья водителя. Судя по мобилю, семье Стейна удалось пережить тяжелые времена, устроенные императором.

Пока Змей усаживался на месте водителя, я изучала ручки на двери и случайно посмотрела в окно. За воротами торчал Юрген. Караулит он меня, что ли? Или ждет кого-то?

Мобиль заурчал громче, плавно двинулся с места.

Я не знала, куда смотреть: в окно, за которым мелькали окутанные весенней дымкой цветущих садов улицы столицы, или на панель, где под ловкими пальцами Стейна моргали артефакты.

В итоге просмотрела и то и другое.

Пока я крутила головой, мобиль добрался до окраины Вальхарда, и мы свернули с главного тракта к большому белому зданию.

На широкой подъездной дороге, ведущей к трехэтажному особняку, гостей встречали магические голограммы с приветствиями, списком услуг, которые можно получить, и ценами. А желающих поселиться именно здесь было более чем достаточно: Стейн с трудом нашел свободное место, чтобы припарковать мобиль.

Если это таверна – я блондинка! Это же целый гостевой дом! Причем не самый дешевый, но, судя по зданию и вышколенности снующих по парковке носильщиков, цена ничуть не завышена.

Взяв меня за руку, Стейн, ловко лавируя между тележками с чемоданами и вылезающими-забирающимися в мобили лаернами, прошел мимо крыльца, над которым красовалась вывеска «Таверна «Забытый фонарь».

Действительно таверна!

Змей открыл калитку в живой изгороди и нырнул во внутренний двор, где оказалась целая россыпь одноэтажных зданий. Это были хозяйственные постройки и коттеджи, в которых жила его семья и обслуживающий персонал таверны.

Змей показал на один из домиков с пышным палисадником под окнами:

– Тут мы жили с мамой.

– Стейн? – На крыльцо вышла одетая в закрытое черное платье лаерна средних лет. Красивая и строгая, она очень походила на сына: те же русые волосы, те же яркие, как васильки, глаза.

– Ты же собирался провести выходные в институте? – Мать Стейна незаметно окинула меня заинтересованным взглядом.

– Нам срочно понадобилась моя кладовка, – улыбнулся Змей и добавил: – Мама, это Мартина, я тебе о ней говорил. Мартина, это моя мама…

– Можно просто Эмма, – чуть склонив голову в приветствии, добавила женщина. – Не засиживайтесь.

– Не будем, – пообещал Стейн и повел меня в сторону стоящего особняком домика с поросшим травой крыльцом.

– Ты говорил обо мне своей маме? – удивленно спросила я, не зная, краснеть, бледнеть или радоваться факту, что парень сообщил обо мне родным.

Весело подмигнув, Змей открыл дверь домика и пропустил меня вперед.

Внутри оказалось довольно пусто. Пара матрасов на каменном полу – вот и вся обстановка. Не кладовка – пустой склад.

– А тебя смущает то, что я говорил с мамой? – Стейн закрыл дверь и поймал меня в объятия.

– Не то чтобы… Но зачем?

– Надо же ее предупредить о том, кто будет сводить меня с ума в ближайшие семьдесят-девяносто лет?

Он что, только что признался мне? В любви? А обещание вечно быть рядом можно считать за признание? Или он о нашем браке так шутит?

– Успокойся, мышка, – хмыкнул Змей. Он поцеловал меня в щеку и отпустил. – Нужно было уточнить пару моментов о нашем браке, а мама у меня догадливая… Пришлось признаваться.

Я незаметно выдохнула.

Стейн снова рассмеялся. Он перетащил матрасы ближе друг к другу, подошел к стене и что-то нажал. По каменной кладке поползли темные нити заклинаний. Сплетаясь, они создавали мощную защиту. От тех, кто снаружи.

– А как у тебя появилась эта… кладовка? – Усаживаясь на матрас, я восторженно изучала заклинание на помещении.

– Ну, – Змей устроился на втором, – у нас в семье всегда были сложные отношения… А чем больше ребенок окунается в проблемы, тем быстрее просыпается магия. Есть даже научный труд на тему, почему магия у простолюдинов пробуждается раньше магии родовитых лаернов… Но не в этом суть. Я не всегда был послушным ребенком, мне хотелось тренироваться везде и постоянно, а это чревато. Вот родители и выделили один из складов, бывшую кладовую.

– И она устояла? – Я с сомнением покосилась по сторонам.

– Эта – да. Первая продержалась всего пару недель. Мне хотелось побыстрее освоить магию, – Стейн усмехнулся, – мне было пять, и я собирался вызвать императора на дуэль и отобрать у него корону.

– Шутишь? – не поверила я.

Змей отрицательно покачал головой.

– Ну, судя по тому, что император до сих пор правит, у тебя не вышло.

– Не вышло, – по губам Стейна скользнула грустная улыбка, с такой мы обычно вспоминаем глупости, которые натворили в детстве, – я подрос. В тринадцать я решил, что отец не прав, что служит императору. Даже слушать не хотел о таких вещах, как присяга и долг перед родиной.

– А что потом?

– У моих родителей было несколько непростых лет, – задумчиво качнул головой Стейн. – В четырнадцать я сбежал из дома, и почти год жил как перелетная птица. Вначале кочевал по стране, потом решил посмотреть мир. Куда меня только не заносило: Норк, Вернфрид, Дааран, Квирин, Вилесса, поселки горцев. Пытался попасть в Агду. Не совсем законным путем. Не попал.

Теперь понятно, почему его не очаровали виды Йона. Насмотрелся на неровности ландшафта!

– Решил побродить по Ортруну, – продолжал он. – Едва не попал в плен к пустынникам.

– Ого! Богатая биография. – Я во все глаза смотрела на Змея.

– Даже слишком, – хмыкнул он. – Работа телохранителем у подозрительных личностей, подпольные бои, магические и обычные, в ней тоже имеются.

Так вот откуда взялись шрамы, которые я видела на его груди и руках.

– На боях я стал чем-то вроде чемпиона, короля… – Змей поморщился. – Тогда мне казалось, что это то, что мне надо.

– Тогда? Потом что-то изменилось?

– Да, я понял, что таких королей там по десятку каждый день появляется и исчезает. Бесследно, особенно тех, кто не согласен проигрывать бои по указке тех, у кого больше денег. Я как раз был таким. В общем, я купил на оставшиеся от выигрышей деньги мобиль и вернулся домой.

– И ты решил стать боевым магом? – предположила я.

– Вначале.

Это говорит тот, кто учится на пятом курсе боевого направления?

– Вначале? – нахмурилась я. – Как это?

– Вначале я хотел стать просто боевым магом: закончить учебу, поступить на службу в какой-нибудь очень далекий городок. Подальше от столицы и…

– Императора? – вырвалось у меня.

– Императора, – согласился Стейн. – Я начал понимать отца, но все еще был зол на нашего правителя. Ну а месть? Что бы она мне дала? Во время путешествий я насмотрелся на все ее проявления и то, к чему она приводит. К тому же отец был прав: император-правитель и император-человек два разных человека… И первый очень нужен нашей стране, увы. Только вот идея со службой подальше от столицы быстро перестала казаться мне хорошей.

– И куда же ты решил пойти после окончания?

– В Службу магического надзора и защиты населения.

– Никогда не слышала о такой.

– Неудивительно – ее образовали всего полгода назад, она контролирует применение магии, защищает тех, на ком ее испробовали незаконно.

– Как на нас?

– Мы с тобой особый случай, император пока вне ее юрисдикции.

– Пока?

– Пока. – Стейн поймал мою руку, подцепил перчатку и начал медленно снимать, глядя в глаза.

Васильковые омуты затягивали, теплые пальцы теневика едва заметно касались кожи, оставляя пылающие отметины. Вот как так можно? Просто перчатка, просто взгляд. А я чувствую себя так, словно отдала супружеский долг на девяносто лет вперед!

Потянув руку, я оставила в пальцах Стейна перчатку. Его губы дрогнули в понимающей полуулыбке, и этот Змей-искуситель деловито спросил:

– Значит, тут два слоя защиты? А ты хочешь третий, прямо на коже?

– Угу.

– Сможешь сделать плетение?

– Да. – Я так многословна!

Стейн вопросительно выгнул бровь.

Я повернула руку ладонью вверх. Вспыхнули оранжевые огоньки. После беготни по арене магия слушалась плохо. Выручая команду, я потратила много сил, но кое-что осталось. И этого кое-чего должно было хватить на две сотканные из чар перчатки.

Сосредоточенно глядя на огоньки, я создавала два абсолютно одинаковых заклинания. Каждое двойное.

Сил хватило. Еще и немного осталось. На шарфик там или на сапоги, магические.

Пока я работала, Стейн молча смотрел. Не шевелился и, казалось, даже не дышал.

– Знаешь, мышка, когда ты работаешь, ты будто играешь на невидимом рояле, – улыбнулся он, подхватывая сделанную из магии прозрачную перчатку и ловко надевая мне на руку.

Неожиданный комплимент заставил меня смущенно потупиться.

Заклинание легло идеально, не деформировалось и не сползло. И комплимент был таким приятным…

О тени и солнце!

Стейн дотрагивался до меня, а я совсем забыла, чем это чревато. И если он не собирался говорить… это было как-то неправильно.

– Это мое проклятие заставило тебя сказать? – недоверчиво уточнила я, подставляя вторую руку.

– Нет, Мартиша, я сказал то, что хотел. – Змей закрепил вторую часть заклинания.

Я расплылась в довольной улыбке: хотел! Спохватившись, покрутила руками, изучая плетение. Идеально! Мигнув, заклинание стало невидимым. О том, чтобы его можно было легко снять, я позаботилась: на боку виднелась пара нитей. Потянул – и получил браслеты с привязанными к ним лоскутами. Захотел вернуть – потянул в другую сторону. Но без Стейна ничего не получилось бы. С криво севшим заклинанием так не выйдет!

– Что с остальными частями тела?

Вопрос Змея застал меня врасплох.

– А что с ними? – Я покосилась на упавший с плеч шарфик, оглядела расправленное платье: вроде все на месте. Ничего не отвалилось.

– Коснувшись их, люди тоже рвутся говорить правду? – улыбаясь, уточнил Стейн и сам же кивнул, очевидно, вспомнив нашу поездку на энфилде в первый день знакомства.

Я виновато развела руками:

– Их тоже закрываем.

Тем более сил как раз осталось на «заплатки».

Прикинув, как сделать максимальную защиту с минимумом магии, мы со Стейном решили стать вязальщиками. В бытовых заклинаниях Змей мог помочь только в части установки, поэтому магический чехол для головы и шеи плела я.

Водрузив его мне на голову и раскатав до воротника платья, он довольно хмыкнул.

Знаю, тот еще вид!

Девица с оранжевым магическим носком на голове. Зато удобно. Надо снять? Дернул сбоку, и он раскрылся по шву и повис на ошейнике, как капюшон.

Мигнув, заклинание стало невидимым.

– Как ощущения? – Змей приложил ладонь к моей щеке.

– Нормально. А у тебя? Хочется что-нибудь сказать?

– Зверски хочется высказать тебе за то, что ты необдуманно скрыла проклятие, но это желание можно контролировать, – прислушиваясь к себе, сказал Змей.

О! Так это прекрасно!

– Значит, сила проклятия выросла только на руках! – радостно выдала я и обняла Стейна за шею.

Отпрянула, вспомнив о проклятии. А потом снова обняла. Он ведь может контролировать это? А мне очень хочется его поцеловать.

Но едва мои губы коснулись его, как в дверь постучали. Бес! С сегодняшнего дня я ненавижу стук в дверь!

– Стейн, уже вечер, – строго сказал женский голос. – Ты, конечно, можешь весь день не есть, но девушку покорми. Не все же настолько увлеченные личности, что заменяют магией нормальные приемы пищи? – добавила, судя по всему, мама Стейна.

– Не все, но мне повезло! – ответил со смехом Змей и быстро поцеловал меня. – Уже идем!

Глава 17

Кухня в доме, где жила мать Стейна, была светлой, уютной и на удивление пустой в плане еды.

Сунув нос в стенные шкафы, Змей усмехнулся:

– Боюсь, кроме кофе и пяти видов чая я ничем тут тебя не накормлю. Очевидно, мама выполнила угрозу и уволила кухарку. Представляешь, она съедала половину того, что успевала приготовить!

– Не очень. И где твоя мама теперь питается? – Я провела пальцами по кружевной салфетке, на которой стояла ваза со срезанными ветками цветущей яблони.

– В ресторации «Фонаря». – Змей захлопнул створку шкафа. – Поужинаешь со мной?

– А ты не торопишься? Второе свидание за сутки? У нас уже вроде как было одно, в твоей кладовке, – ляпнула я: проклятие вынесло поток мыслей на обозрение.

Что Стейн теперь обо мне подумает?

– А чего ждать? – улыбнулся Змей, подходя ко мне и протягивая руку. – Жизнь идет. А еще столько всего надо успеть!

Я вложила пальцы в его ладонь. Из дома мы выходили как совершенно и безнадежно влюбленная парочка.

В ресторации «Фонаря» оказалось целых четыре зала. Администратор, радостно поздоровавшись со Стейном, проводила нас в тот, где были отдельные кабинки для гостей, желающих вкусить пищу в уединении.

Едва мы устроились в креслах у столика, прибежал официант. После приветствия он спросил у Змея: «Как обычно?» Стейн кивнул и сказал добавить салат и фирменное суфле шеф-повара. Пятнадцать минут спустя перед нами стояли: обжаренная на углах свинина с гарниром из картошки, овощи, заправленные оливковым маслом, травяной чай и шоколадное суфле.

У меня слюнки потекли, а живот некультурно заурчал, напоминая, что завтрак был очень давно, а обед я пропустила.

Свидание явно зашло куда-то не туда.

Мы ели, таскали друг у друга из тарелок приглянувшиеся куски. Смеялись. Наперегонки вылавливали из салата последний ломтик помидора. Менялись креманками. В общем, вели себя как совершенно не цивилизованные, но очень счастливые люди.

И вот, когда Змей с довольной улыбкой съел последнюю ложку моего суфле, а я собиралась стукнуть похитителя чужих десертов ею же по лбу, а потом поцеловать, в дверь кабинки постучали, и внутрь заглянула его мать.

– Стейн, ты не мог бы посмотреть пятый номер? Там после клиента остался какой-то артефакт. Проверь, можно ли его убрать в хранилище забытых вещей? – попросила Эмма и пояснила, очевидно, для меня: – У штатного мага выходной, он приедет только завтра. Не хотелось бы, чтобы комната простаивала.

Змей пожал плечами, отложил салфетку и поднялся из-за стола.

– Не скучай, Мартиша.

– Я составлю ей компанию, – пообещала Эмма, пропуская сына наружу.

Едва за Змеем закрылась дверь, как она устроилась в его кресле и сказала:

– Девочкам надо посекретничать. – Тон был шутливым, а вот улыбка – грустной.

Я насторожилась. О чем она хочет поговорить?

Эмма взволнованно поправила волосы.

– Наверное, тебе мои слова покажутся странными… Но мне очень жаль, что вы со Стейном познакомились при таких обстоятельствах.

Нахмурившись, я покачала головой: не понимаю.

Прикрыв глаза, Эмма тяжело вздохнула и пояснила:

– Брак по древним обычаям – не то, с чего стоит начинать отношения.

– Почему? – Я покрутила ложку в пальцах, отложила. – Мы собираемся развестись.

Привет, проклятие! И приступ честности. Она и без меня знает, что мы хотим расторгнуть брак. Змей ей сказал.

– Ты не знаешь? – Эмма удивленно посмотрела на меня. – Стейн не сказал, почему спустя полгода такие браки не разрушают?

Почему-почему, все просто.

– Император не хочет, традиция. – Я пожала плечами.

– Причина не только в этом. – Эмма смотрела на меня с жалостью и сочувствием. – Расторгать такой брак по истечении полугода бесполезно. Обряд привязывает тебя к человеку. Ваши души будут связаны, магия тоже, а это крепче самых сильных заклинаний, сильнее дружбы.

Я ошарашенно взглянула на мать Стейна.

– Совсем связаны?

– Да, с этим обрядом «умерли в один день» не просто фигура речи – это реальность. Именно поэтому от таких браков отказались. – Эмма поморщилась, погладила кольцо на безымянном пальце.

Она никогда не была замужем, но носила его, как замужняя женщина.

– Это правда. Умерли в один день и всю жизнь были вместе… потому что не могли иначе. Обряд – весьма варварский способ привязать тебя к чужому человеку, – добавила она. – Он станет тебе ближе всех. Очень повезет, если у тебя были чувства к кому-то другому. Любовь обряду не победить. Но и ей его тоже. Ты будешь любить своего любимого, но никогда не посмеешь к нему прикоснуться. А тот, к кому тебя привязали, станет частью твоей души. И только любовь к другому остановит тебя, и ты станешь своему супругу другом.

Мать Стейна говорила о себе. О себе, отце Змея и его жене. Они попали в ловушку обряда. Желая получить Эмму, император сломал жизнь всем троим…

Вытянув руку, я сжала тонкие пальцы женщины.

Она осторожно высвободила ладонь, чинно сложила руки на коленях. Лаерна всегда лаерна. До мозга костей!

– Но это не все, Мартина… – Эмма какое-то время изучала стену поверх моей головы. – Если чувств до брака не было, обряд может запутать… вынудить поверить, что ты испытываешь эмоции к супругу.

Она замолчала, перевела взгляд на меня.

Вынудить поверить? Вынудить? Как так – вынудить? Взять и вынудить?

Смысл ее слов доходил медленно. Верить в них не хотелось. Но и повода устраивать проверку проклятием женщине, настрадавшейся от брака по древнему обычаю, не имелось…

Обряд может вынудить!

Может… Вынудить…

То есть мы со Стейном?..

Нет-нет!

Я растерянно посмотрела на Эмму. Она грустно улыбнулась.

– Я прикажу принести тебе десерт.

Женщина ушла, оставив меня наедине с мыслями.

Стейн знал и не сказал! Видел, как нас тянет друг к другу, и молчал! Или он решил, что у нас это началось раньше? С борьбы за реликвию? Он верит, что все настоящее?

Но настоящим оно не будет! Не будет!

Облокотившись на стол, я сжала пальцами виски.

В дверь кабинки постучали, официант принес еще суфле. Но шоколадное лакомство встало комом в горле. За попыткой его проглотить меня и застал Змей.

– Прогуляемся? – предложил он, падая в кресло.

Надо было сказать, что я знаю о проблемах с обрядом. Что так нельзя. Проклятие требовало сделать это немедленно, потому что молчать – неправильно. Но я давилась суфле, упорно запихивая его в себя ложка за ложкой.

Стейн нахмурился, следя за моей борьбой с десертом.

– Не хочешь гулять? Давай тогда просто покатаемся на мобиле по городу.

– Мне надо в Йон, за вещами, – глядя в пустую креманку, пробормотала я.

– Куда угодно, мышка. Сегодня я твой личный волшебник, – хмыкнул Змей и перегнулся через стол.

Я отвернулась. Его губы коснулись щеки, оставляя огненный след как напоминание, что все это ненастоящее.

Змей довез меня на мобиле до разлома, ведущего в Йон. Всю дорогу мы молчали. Стейн не лез с расспросами. Я была рада, потому что так и не решилась сказать ему о разговоре с Эммой. Колдуньи ходят первыми? Не сегодня. Сегодня они трусливо молчат, кутаясь в широкий шарф, накинутый на плечи.

В центре сверкающей огнями фонарей площадки темной молнией змеился разлом. Вспыхивал то черным, то белым, то радужным пламенем. Стейн наклонился, глядя мне в глаза.

– Я закажу тебе мобиль, пусть извозчик встретит у разлома.

– Не надо, – я расправила скомканные во время поездки концы шарфа, – я успею на последнюю духовозку.

Змей невесомо коснулся моих губ поцелуем. Я улыбнулась. Разве может это быть неправдой?

Может.

– Мне пора, вернусь завтра. – Я выскользнула из рук теневика, шагнула к разлому и вошла в темное пламя.

Перед глазами потемнело, потом стало светло до рези, затем серо. Мгла исчезла. Столица, одетая в накидку из зелени и весенних цветов, осталась позади, я вышла на площадке в Йоне.

Дыхание морозным облачком повисло перед лицом, под ногами захрустела корка застывшего дождя. Вокруг все сверкало, закованное в тонкий слой льда.

Крыша стоявшей неподалеку духовозки тоже радовала взгляд «стеклянным» колпаком, созданным переменчивой погодой.

Пока я добиралась к транспорту, успела согреться и почувствовать себя той самой балериной, которой меня называл Эмерсон. Чудом не впечаталась носом в ледяную мостовую. В полупустой салон, где кроме меня было всего два пассажира, я вползла, радуясь, что остановка духовозки недалеко от дома госпожи Бевис.

Но радость была недолгой: за квартал до гостевого дома водитель заявил, что там слишком крутой подъем, а его духовозка не санки, чтобы по сто раз с горки вниз скользить. И выгрузил нас посреди улицы.

Магии у меня не осталось ни капли, поэтому я вместе с пожилой дамой и господином в дорожном плаще двинулась покорять обледеневшую улицу, уходящую вверх. Пошли вдоль стен лавок и магазинов – там тротуар был хоть немного очищен от наледи.

От здания к зданию, от фонаря к фонарю.

Мимо с грохотом рыцаря в полном доспехе радостно проскакал мальчишка в кепи. К его сапогам были прикручены… терки. Следом, косолапя так, что становилось страшно за ее суставы, прошла госпожа в шубе и коньках. За ними торопливо спешил клерк из мэрии, тот самый, что проверял, действителен ли наш брак со Стейном. Парень надел ботинки для скалолазания и самозабвенно конопатил шипами наледь.

– Постойте! – Я отцепилась от витрины и бросилась к клерку.

Парень замер, а я с грациозностью слона на льду доскользила до него. Встала на взрытую его ботинками дорожку.

– А вы куда идете? – спросила, с восторгом разглядывая его обувь. – Прямо? Или сворачиваете?

– А вы с какой целью спрашиваете? – с подозрением прищурился парень. В глазах промелькнуло узнавание, и он начал озираться, выискивая Змея.

– С познавательной, – улыбнулась я и выпалила: – Будьте добры, доведите меня, а?

– До ручки? – насмешливо подсказал господин в плаще, продолжающий пробираться вдоль магазина.

– До светлого будущего! – поправила я.

Не обнаружив поблизости Стейна, парень согласился довести меня до светлого будущего в виде гостевого дома госпожи Бевис. Все равно шел в лавку рядом с ним.

Вскоре я топала по разрыхленному шипами льду.

Наша процессия не осталась незамеченной. Спустя несколько минут за мной ковыляла пара старушек, неизвестно куда идущих на ночь глядя, и два туриста, решивших, что это бесплатный аттракцион.

Всех их ждало глубокое разочарование, когда, оставив меня на крыльце дома госпожи Бевис, клерк свернул в лавку.

– Хоть бы обувку оставил, ирод! – пробурчала одна из старушек, усаживаясь на обледеневшую скамейку.

Вторая, согласно закивав, хлопнулась рядом. Туристы заняли противоположный край сиденья. Кажется, бедняга из мэрии, сам того не зная, станет сегодня добровольно-принудительной службой сопровождения для жителей и гостей Йона!

Госпожа Бевис встретила меня у входа, обрадованно заулыбавшись, приобняла. Увела на кухню, оттаивать.

Сидя с кружкой чая в руках, я слушала новости Йона. Тихий голос домоправительницы убаюкивал, заставлял забыть о проблемах, дарил душевное тепло. Такие значимые для небольшого городка, но такие незначительные по сути события: кто на ком женился, у кого увели отдыхающего, а у кого жену, проносились не запоминаясь.

Состоятельные лаерны согласны выложить целое состояние докторам, лишь бы вылечить нервы. А надо всего лишь уютно

посидеть с чаем в приятной компании.

– …Так их взяли и забрали… прямо на следующий день и увезли, прямо из полицейского участка… – Госпожа Бевис отложила вязание, дотронулась до моей руки.

– Кого забрали? – Вздрогнув от неожиданности, я отставила пустую кружку.

– Так тех, кто на твоих гостей напал! Увезли люди в штатском, такие, что сколько ни смотри, все равно морду не запомнишь. – Госпожа Бевис дотронулась пальцем до кончика носа и добавила: – Из королевских они. Из тайной службы.

– Почему вы так думаете?

– Было время… – домоправительница вздохнула, – дома… у нас так шпионов вычисляли. Если очень неприметный приезжий, жди беды.

Интересный подход у дааранцев к вычислению шпионов.

– Ты бы вернулась, Мартиша, – госпожа Бевис пригладила мне волосы на макушке, – странно там со всеми этими играми. Не дело тебе соваться в игры королей. Для них все пешки. Сломают и не заметят… Лучше бы тебе вернуться…

– Не могу, – вздохнула я.

– Из-за теневика?

– Из-за себя.

Забрав со стола шарф, я поднялась к себе.

Складывая вещи в чемодан, я размышляла об Играх. Домоправительница права – странно с ними все. Было. Вначале. А сейчас – обычные Игры. Зря она беспокоится. Хотя королевский сыск был… Но кто знает, возможно, напавшие на парней маги разыскивались раньше? Их просто передали в другую службу. Туда, где больше натворили.

Некстати вспомнился наш запас, феерично устроивший побоище с солнечными магами. Доктор так и не сказал, чем их опоили.

Но все же хорошо?

Решив, что у меня и без придуманных проблем проблем хватает, я закрыла чемодан. И с улыбкой посмотрела на плюшевого медведя, оставшегося в полном одиночестве на полке шкафа. Нет, мой дорогой талисман, ты остаешься здесь! А то меня сестра засмеет.

К слову, о Ненси…

Закрыв шкаф, я устроилась на кровати с линзой. За окнами окончательно стемнело, но я не торопилась зажигать люстру, светящиеся проекции документов давали достаточно света.

Сестричка очень торопилась и снимала на линзу все, что смогла вытащить из сейфа отца. Между счетами и письмами от компаньонов мелькали таблицы и схемы, явно принадлежавшие счетоводам. Метрики «везучих» родственниц, которым тоже повезло унаследовать проклятие правды, оказались смешанными с выдержками из нашей родовой летописи. Причем содержимое этих самых листов слегка отличалось от официального варианта, который торжественно хранился под стеклом в кабинете отца.

Их и другие документы, так или иначе относящиеся к жизни обладательниц проклятия, я пересняла и сохранила в отдельную проекцию. Сходив в ванную и переодевшись, я занялась ее изучением.

Но либо я не туда смотрела, либо в метриках не было ничего необычного. У всех проклятые были вторыми детьми в семье. У всех имелись старшие братья. Они же наследники рода. И все… Листы хроник оказались немногим интересней. В них в основном довольно занудно воспевалось стремление старшего брата проклятой (наследника) поддерживать семейное дело. Мой брат в своем желании поскорее стать правой рукой родителя был не одинок. Как и папа, хотя его сестра погибла…

Зевнув, я уронила руки с линзой на покрывало. Все, больше не могу читать это совершенно обычное и неинтересное чтиво! Но не может же быть, что Ненси зря наказали? Должно же найтись тут хоть что-то, за что можно зацепиться и выяснить про проклятие больше, чем сказал отец? Не к брату же, в конце концов, идти спрашивать? Не ответит…

Я подняла руку, задумчиво посмотрела на перчатку.

Мое проклятие на него действует. А его на меня – нет. По крайней мере, когда он высказал мне все, что думает о моем нежелании тихо уползти в семейный склеп типа домика, я не лгала. При этом проклятие Бернарда явно сильнее, и он весьма умело этим пользуется… Почему так?

Вот у братца и узнаем. Обнимем как следует и спросим! Главное, успеть до его отъезда из столицы.

Убрав проекции документов, я забралась в новостные.

Где его команда поселилась?

Пролистывая статьи и изображения улыбчивых девушек, рассказывающих о поединке двух команд, я вскоре поняла две вещи. Первая: корреспонденты знают все. Вторая: если они чего-то не знают, ты легко обзаведешься новыми фактами биографии.

Например, капитан бродвигцев тайно целовал меня у стадиона. Видели это человек сто, не меньше. Только я не видела. Змей у нас не ест мясо. Ага, сегодня в «Фонаре» он его как раз с аппетитом не ел! Изабель, согласно проекциям, на восьмом месяце беременности, но скрывает положение при помощи иллюзии…

На этом фоне еще одна заметка обо мне выглядела совсем невинно. Я на самом деле рыжая. Ведь у рыжего отца просто не может быть дочери с другим цветом волос! К слову, цвет волос Бернарда их не волновал. Волновало то, по какой причине такой красавец столько лет был не замечен, не окольцован и не посажен в клетку самыми завидными невестами королевства? Или был замечен?

В стремлении выставить личную жизнь Бернарда на обозрение журналисты приписали ему пару десятков тайных романов. Причем самый первый, судя по всему, у него случился в колыбели… подсчетом времени корреспонденты не утруждались.

Но именно благодаря их стремлению побольше рассказать о Бернарде, я нашла проекцию, где он маячил на крыльце гостиницы. Находилось это заведение неподалеку от института.

Отлично! Как вернусь, сразу и пойду радовать брата сестринской любовью!

Я убрала проекцию с рекламой гостиницы, где, кроме всего прочего, был адрес. На поверхности линзы заморгала картинка с личиком Ненси.

– А ты где? – выдала сестричка свое коронное, едва в воздухе появилось ее изображение.

– В Йоне.

– Что ты там забыла? – Ненси недовольно надула губы.

– Вещи, – усмехнулась я. Так и хотелось щелкнуть ее по курносому носу.

– Возвращайся быстрее, я тут такое услышала! Свяжись со мной, как приедешь, – протараторила сестричка, таинственно округлила глаза и отключилась.

Вечно она так! А мне сиди и думай!

Поверхность линзы снова моргнула. Ага, не выдержала, решила рассказать! Я ткнула пальцем, не глядя на картинку. А зря.

– Ты так быстро убежала, мышка, – улыбнулся Стейн. – Тебя завтра встретить?

– А… нет! Я засыпаю, – выдала я все, что пришло в голову, и отключилась.

Звание антилогика присваивается Мартине! Вместе с почетным титулом «Трусиха года»!

Забросив линзу на прикроватную тумбочку, я уткнулась лицом в подушку.

Зачем, зачем нас поженили?

Глава 18

Утро началось с капели, радостных гудков мобилей и протяжных звонков духовозок за окном. Йон избавился от ледяных оков и спешил наверстать упущенное время.

Я тоже не хотела терять ни минуты. Наскоро умывшись, оделась, попрощалась с домоправительницей и, волоча тяжеленный чемодан, вышла на улицу. На дребезжащей, как повозка старьевщика, духовозке добралась до разлома. Заскочила на площадку.

По ту сторону меня ждали: на дороге, ведущей к разлому, стоял мобиль Стейна. Пассажирская дверь была приветливо приоткрыта, за темным стеклом угадывался силуэт спящего на водительском сиденье мужчины. Склонив голову к боковому стеклу, Стейн дремал.

Бедный!

Солнце только-только высунуло краешек из-за горизонта и словно задумалось: выползать ему или нет. А Змей выполз… Приехал сюда и, судя по всему, собрался ждать меня весь день. Приятно безумно! И пусть все это обряд… но ведь так поступают не только парни, друзья тоже. А это выход! Пока император не расторгнет наш брак, буду вести себя с ним как с другом! Хорошим, лучшим другом. Потом разберемся, что из наших отношений правда, что нет.

Лукаво улыбнувшись, я крепче стиснула ручку чемодана и на цыпочках подошла к мобилю. На этом мои силы закончились: чуть не уронив ношу на ногу, я поставила ее на хрустящий гравий дороги. В салоне зашевелился Стейн. Я наклонилась, собираясь пошутить, можно ли напроситься к нему в попутчики, и замерла с открытым ртом.

– Садись. – Юрген показал на сиденье, а сам выбрался наружу. Запихнув мой чемодан в багажник, вернулся на место водителя.

– А где Стейн? – Сев рядом, я закрыла дверцу. Не будет же Юрг просто так меня встречать? Наверное, его попросил Змей?

– Эмерсон припахал. – Юрген дотронулся до артефактов на панели. Мобиль заурчал, плавно заскользил по дороге.

Больше Юрг не сказал ни слова. Он хмуро поглядывал по сторонам, ловко управляя артефактами. Я бы тоже хмурилась,

если бы меня отправили встречать чужую девушку… друга.

Глядя через стекло на мелькающие деревья, растущие вдоль дороги, я задремала. Очнулась оттого, что мобиль резко затормозил и я стукнулась головой о дверцу.

Сонно потирая пострадавшую макушку, я с удивлением заметила за окном вовсе не ворота института, а весьма живописные развалины, с двух сторон от которых тянулись зеленые поля.

– Юрг, а ты ничего не перепутал? – вырвалось у меня удивленное.

– Нет. – Юрген повернулся ко мне лицом. – Поговорим?

– Давай, – покладисто согласилась я, некстати вспомнив, что у этого конкретного теневика случаются «затмения», и во время их ему все вокруг кажутся врагами и нежитью.

Но с нежитью беседы обычно не ведут, значит, у меня есть надежда, что это совсем не то, чем кажется. А кажется, словно я попала в полицейскую заметку. Они были знакомы, она села в его мобиль. Ни его, ни мобиля больше не видели. Она утверждает, что оба укатили в неизвестном направлении. Маньяки бывают разные.

– Что это? – Юрген вытащил из кармана линзу и показал мне проекцию, на которой я вывешивалась с тренером из ложи, а внизу наша команда пыталась побороть проклятие моего братца.

– Проекция. – Я пожала плечами.

На скулах Юрга выступили желваки.

– А на ней что?

– Стадион. – Не понимаю, что он хочет услышать? – Зрители, команды, тренер, я. Ты вон, торчишь у арки.

– И что же ты там делаешь? – свирепо выдохнул Юрген, на его пальцах вспыхнуло темное пламя.

– Пытаюсь не свалиться вниз головой. – Я потянула за ручку, но дверь не поддалась.

Сердце кольнуло паникой: с чего вдруг ее заклинило?

– А еще что ты там делаешь? – продолжал допытываться теневик.

– Смотрю? – Я попыталась толкнуть дверцу плечом.

– Достаточно, Леннет, – Юрген с размаху хлопнул линзу на панель, – у тебя был шанс рассказать. Теперь, пока я все не узнаю, не отпущу.

Шанс? Узнаю? Дверь, получается, он запер.

– Слушай, переведи, а? – сердито попросила я, незаметно изучая заклинание, заблокировавшее меня в салоне.

Я в ловушке? Мы еще посмотрим, для кого эта ловушка!

– Решила выбить нашу команду из Игр? – ответил вопросом на вопрос Юрген.

Понятнее не стало. Надо признать, переводчик из этого доморощенного маньяка никакой!

– С чего ты так решил? Мне, вообще-то, тоже хочется победить, – пробурчала я, опуская руку ниже, чтобы из-за сиденья не было видно кисть.

– Победить? Конечно! Но явно не с нашей командой, – отрезал Юрген. – Что, солнечные заплатили, чтобы ты нам устроила веселую жизнь?

– Чего? – С моих пальцев соскользнули оранжевые огоньки и нырнули в пол рядом с дверью.

Вроде попала, куда нужно…

– Того, Леннет! – разъяренно рявкнул Юрг. – У всех нас внезапно случаются приступы честности, а на поле никто не мог сказать правды! Но стоило тебе выйти, как всех отпустило! Потому что так надо было тебе! Показать себя, понравиться принцессе? Чтобы никто не удивлялся, когда окажешься в другой команде, а мы в мусорном ведре?

– Скорее, я тебе на голову это ведро надену, Юрг! – Его слова задели. Я попыталась стукнуть теневика кулаком в лоб, но мою руку перехватили.

Пару секунд мы пытались прожечь друг в дружке взглядом дырку, потом Юрг отпустил мое запястье и оттолкнул обратно на сиденье.

И я взорвалась:

– Я помогла им, тень тебя побери! На поле! Это мой брат заставил их лгать! А что касается остального, я это не контролирую! Это проклятие, Юрг! Проклятие! Родовое! Да, у всех дома и счета в банке, а у меня вот такое наследство!

Под сиденьем затрещало, сердито зарычал элементаль. Из панели высунулась недовольная рыжая морда, щелкнула зубами, заставляя вжаться в кресло. Что-то заскрипело под днищем, дверь отвалилась и грохнулась на землю вместе с куском бока мобиля. Из-под капота выскочил энфилд и начал крутиться, пытаясь поймать оранжевые

огоньки, доедающие упряжь, связывающую его с мобилем. Не знала, что в ней есть и вполне материальные компоненты металлического происхождения…

Магия доела упряжь. Сердито ворча, лис сел рядом с мобилем и с укором уставился на меня.

– Ты сломала мобиль. – Юрген смотрел на энфилда, словно впервые увидел.

– А ты чуть не сломал мне психику! – огрызнулась я. – Мне, между прочим, тоже наша победа нужна.

– Проклятийники императора?

– Нет, его рука и сердце! Конечно, они.

– Ладно. – Юрген потер ладонью висок. – Смотри, Мартина, если используешь проклятие против парней…

– Да не хочу я ничего использовать! – Я поднесла руку к лицу теневика, покрутила: – Видишь перчатки? Так вот, они помогают. Пока. Что будет потом, я не знаю.

Юрген поморщился, отвел мою конечность от физиономии.

– Стейн в курсе?

– Да.

– Вы вдвоем решили ничего не рассказывать?

– Да. – У кого из нас проклятие правды? Такое чувство, что у Юрга!

– Хорошо, я буду молчать. Извини за сцену в мобиле, я просто хотел поговорить. – Теневик забрал с панели слегка треснувшую, но все еще рабочую линзу, сунул в карман брюк.

И все?

– А вот не извиню! – Я выпала из салона. Чуть не убилась, перебираясь через лежащую на гравии дверь с частью боковины мобиля.

– Хорошо, – донеслось из салона.

Я зло пнула камень.

Голыш стукнул о капот мобиля, срикошетил в энфилда, не вовремя решившего подойти ближе. Лис подпрыгнул на месте и оскалился, явно сожалея о решении стать сердцем мобиля.

– Оставь элементаля в покое, – хмыкнул Юрген, выбираясь наружу.

Тоже мне советчик! Сам довел меня до выпавших дверей и нервного лиса!

Стянув пальто, теневик бросил его в салон. Наклонился и уперся плечом в скат крыши мобиля, перед распахнутой дверью.

– Докачу до мастерской. Тут есть одна, полмили где-то, – пояснил он, налегая и сдвигая мобиль.

Мы с лисом с сомнением переглянулись. Энфилд со страдальческим фырканьем обошел меня по дуге, цапнул зубами дверь и потрусил следом за мобилем. Я потопала за ними, мысленно костеря Юрга и его методы разговоров.

У меня там брат вот-вот уедет, а я в пригороде пейзажи изучаю!

Спустя полчаса мы доползли до придорожной мастерской. Мастер чуть в кружке с кофе не утонул, даваясь смехом, когда к нему первым подбежал энфилд с дверью в зубах. Оставив мобиль в его надежных руках, Юрг попытался уговорить лиса довезти нас до института, но энфилд категорически отказался. Пришлось брать у мастера номер линзы и вызывать нам мобиль.

Извозчик заверил, что весь транспорт у них молния. «Молния» оказалась с улитками в роду, причем этих улиток весьма потрепала жизнь и выглядели они как жертва железного червя, поедающего металл.

Ждать транспорт, которому не требуются услуги некроманта, или искать ближайшую остановку духовозок я отказалась. Лучше плохо ехать, чем хорошо стоять.

Юрг, я и мой чемодан загрузились в звякающий и дребезжащий мобиль, обивка сидений которого была фигурно изъедена молью. На этом саркофаге с колесами мы час добирались до института. Юрг высадился, не доезжая до ворот: ему надо было зачем-то в город. А меня подвезли прямо под нос василискам.

Пока водитель вытаскивал чемодан, я слушала кукарекающий хохот каменных стражей. Я и не знала, что они умеют ржать словно кони. В общем, подняла я пернатым настроение на весь день.

Дотащив чемодан в казарму, я понеслась обратно. Лишь бы брат не успел укатить из столицы!

У ворот столкнулась со Змеем. Заулыбавшись, он поймал меня в объятия.

– Извини, не успел встретить. Эмерсон вспомнил, что я когда-то неплохо починил защиту на полигоне, и решил, что мне срочно нужно в этом попрактиковаться.

Его губы легко скользнули по щеке, теневик выпустил меня из рук.

Щека – хорошо. Дружба тоже! А мурашки на спине… Прохладно сегодня.

– Не хочешь навестить бродвигцев? – Я оценивающе оглядела Стейна. Такой союзник в нелегком деле несения сестринской любви пригодится.

– А их надо навестить? – Змей насмешливо выгнул русую бровь.

– Не представляешь, как надо!

Схватив Стейна за руку, я потащила его за ворота. Мы бежали по людным улицам, я чуть не влетела под колеса проезжающей духовозки.

Тренировки не прошли зря: мы быстро оказались напротив гостинцы, где поселилась команда бродвигцев. От цели нас отделяла забитая мобилями и духовозками дорога. Перейти улицу можно было только у остановки в конце квартала.

Но времени на беготню не оставалось: у крыльца команда бродвигцев грузилась в духовозку. На ступеньках Бернард с видом собственника гладил Изабель по талии и чуть ниже. Брюнетка хихикала, поправляла сползающую конечность.

Быстро они… Интересно, что за выгода Изабель от таких стремительных отношений?

На парочку с непроницаемым лицом смотрел водитель наемного мобиля. Очевидно, братец вызвал его, чтобы доставить пассию в институт в целости и сохранности.

Я замахала руками, пытаясь привлечь внимание Бернарда.

Братец еще раз уронил руку на нижние выпуклости Изабель, что-то шепнул ей на ухо, бодро сбежал по ступенькам и нырнул в мобиль. Водитель прыгнул на сиденье, и транспорт рванул с места.

Махнув пару раз руками, я добилась лишь того, что мне помахала в ответ Изабель. Помахала и вернулась в гостиницу.

Не успела!

Ничего, родители в столице, и они сняли дом, как говорила Ненси. А братец очень любит комфорт – вряд ли он в восторге от жизни

в общежитии бродвигцев или на съемной квартире. К тому же его команда проиграла, ему нет больше смысла там учиться… Надо только выяснить, когда у него выходные, и обнять от всей души.

– Зато теперь можно уверенно сказать, что твой брат знает о проклятии куда больше тебя. – Змей переплел наши пальцы, огляделся и довольно заулыбался, заметив вывеску кафетерия.

Конечно же, он понял, зачем я притащила его к брату и пыталась изобразить ветряк посреди улицы. Догадаться несложно: именно при Стейне Бернард высказал, как он «любит и обожает» меня.

– В бумагах что, нет ничего интересного? – Змей потащил меня к кафетерию.

– Может и есть, но я ничего странного не вижу, – вздохнула я.

Мы вошли в кафетерий и устроились за столиком, частично скрытым от посторонних глаз пышной пальмой в кадке. К нам подбежал официант. Я заказала сливочный десерт и кофе, Стейн – только кофе. Едва чашки с ароматным напитком и аппетитный кусочек, облитый клубничным джемом, появились перед нами, Змей предложил посмотреть скопированные Ненси документы.

Отложив вилку, я с сомнением оглядела сидящих за столиками людей. В основном парочки. Троица престарелых леди с собачками на руках. Пять парней, что-то со смехом разглядывают на проекции.

– Мышка, – Змей поймал мои пальцы в свои ладони, – никому нет дела до того, что мы тут смотрим. Мы просто очередная парочка. Таких тут по сотне каждый день сидит.

Тогда ладно.

Улыбнувшись, я отобрала у него руки (когда он их держит и вот так смотрит, убедить себя в нашей дружбе не выходит просто никак!). Достала линзу и открыла проекцию.

Перед тем как смотреть записи, Стейн вытащил из кармана куртки блокнот и карандаш. Мы изучали копии, он делал заметки. Когда бумаги закончились, вышло следующее:

«Без Мартины были предположительно четыре проклятые женщины. Одна погибла раньше двадцати лет.

Кто проклял первую, неизвестно.

У всех имелись старшие братья – наследники (у Мартины тоже есть брат-близнец).

Проклятая номер четыре погибла до двадцати лет, утонула. После этого ее брат два года не работал с отцом (причина непонятна – судя по выдержкам из архива, он явно не скорбел, а жил, как и раньше, за исключением работы).

Проклятые после двадцати лет жили уединенно.

Их старшие братья привлекались к семейному делу (возраст начала работы с главой семьи разный, но задолго до двадцати лет).

Как связан двухлетний «отпуск» отца Мартины и смерть его сестры?»

Змей нарисовал напротив последнего пункта жирный вопрос.

– А если у старших проклятие пробуждается раньше? – Он постучал кончиком карандаша по странице блокнота. – Работа может быть прикрытием для обучения…

Я озадаченно нахмурилась:

– Обучения управлению проклятием?

Стейн уверенно кивнул.

– Твой брат явно знает, что делать.

– И его проклятие сильнее. – Я покрутила тарелку из-под десерта. – Но почему учат только наследника? Почему не учат таких, как я? Чем ложь лучше правды?

– Смотря для кого, мышка. – Змей поднял руку, подзывая официанта. – Многие торговцы отдали бы жизнь за умение виртуозно врать. И не только они: политики, шпионы, просто люди, шулеры… Особенно если есть не только умение виртуозно врать и заставлять других, но и возможность сделать так, что тебе будут верить безоговорочно.

– Верить твоей лжи?

– Не только твоей. Твой брат, перед тем как мы стали лгать друг другу на арене, повел себя довольно странно, он сказал: «Верьте». Едва слышно, шепотом. Я даже не понял вначале, что он говорил. Но потом дошло: мне было очень сложно не поверить в ту чушь, что я и другие несли.

Вот, значит, как…

Стейн улыбнулся официанту, заказал еще кофе и два клубничных десерта.

Шулеры, политики, торговцы… заставлять других верить в ложь… В груди будто все замерзло: оказывается, разочаровываться

в родителях грустно.

Одно дело – быть лишней, считать, что ты по непонятной причине недостойна внимания папы, умелого предпринимателя… Другое – понять, что твой родитель не против немного помухлевать при помощи магии.

Официант принес заказ.

Пару минут я ковыряла вилкой ароматный десерт, залитый джемом. Змей потягивал кофе, давая мне время осознать правду о своей семье.

– Ложь лучше правды, хорошо… – Я отложила вилку, отодвинула тарелку. – Понятно, почему брат сильнее. Но почему его проклятие настолько действеннее моего? Мы же близнецы, у нас все поровну. А моя сила растет только в руках. Что за дефект? Несправедливо!

У меня вырвался нервный смешок. Договорилась! Жалуюсь, что мне досталось меньше проклятия!

– Думаю, в этом виноват я. – Стейн поставил чашку.

– То есть?

– Мы женаты по древнему обычаю… А у него есть нюансы.

Я насторожилась: что еще за нюансы? Его мать мне вроде все рассказала, и причины, способной ослабить мое проклятие, там не было… Или была?

– Обряд связывает души и магию. – Змей вытянул руку и погладил меня по щеке. – Первое усиливает симпатию к человеку, но не более…

Ну да… Эмма утверждала, что очень даже более. До любви! Крохотный червячок, о котором я и не подозревала, но который все равно старательно подтачивал уверенность в правоте матери Змея, скончался. Крамольная мысль: вдруг Эмма недоговорила что-то или поняла по-своему, погибла следом за ним. Стейн повторил слова матери… И именно он недоговорил, ограничившись той частью правды, где брак вызывал лишь дружбу…

Улыбнувшись, я убрала ладонь теневика от своей щеки. И чтобы меня не трогали за руки, взяла вилку и чашку с остывшим кофе.

– …С магией иначе, – продолжил Змей, откидываясь на спинку стула. – Она связана. И это может ослаблять…

– Поэтому ты неустойчив к моему проклятию? – Я отпила кофе и съела кусочек десерта, совершенно не чувствуя вкуса. – Ты ведь можешь удержать любую магию? Но проклятие… его не выходит?

– Выходит, но не полностью, – неожиданно признался Стейн и со смешком добавил: – Сложно удержать то, что идет изнутри.

– И поэтому я слабее. – Часть проклятия перешла на моего супруга, но он не заставляет других говорить правду, не позволяет его собственная магия.

Повезло, что вдовствующая императрица решила связать меня именно со Стейном. Будь это кто-то другой, я давно стала бы ходячим источником правды во имя правды. И сама бы сбежала в уединенный домик на краю света!

– Проклятие брата не действует на тебя из-за моей магии, – добавил Стейн, беря чашку и покручивая ее в руках. – После нашего брака я нашел кучу информации об обряде. Чисто теоретически я могу на время перетянуть на себя большую часть проклятия. А потом возвращать его частями, чтобы ты могла научиться его контролировать.

Я замерла с вилкой и чашкой в руках.

Предложение Стейна – не просто возможность научиться контролировать мою способность делать всех правдивыми. А возможность жить как все! Без домиков по типу склепа.

– За наш успех! – Стейн улыбнулся, отсалютовал мне чашкой.

– За успех! – Я повторила его жест, отпила холодный, но ароматный и вкусный кофе.

Змей отставил пустую чашку, подчеркнул в списке пункт о гибели сестры моего отца и его двухгодичном самоустранении от семейных дел. Мне тоже было интересно, с чего вдруг родитель остыл к делу нашего рода.

– Если работа на семью – прикрытие для обучения, а гибель сестры на два года ее остановила… – Стейн нахмурился, потер пальцем бровь. – В порядке бреда… Со смертью сестры проклятие исчезло? И ее, и его?

– Если так, – я повернула блокнот к себе, опустила чашку на стол и потерла пальцами шею, – это был бы выход…

Мне не верилось, что я произношу жуткую по своей сути вещь:

– …Достаточно было избавиться от второго ребенка, если это девочка… до ее рождения. Они не сделали этого, слава теням и солнцу. Но и не боролись с проклятием?

Привет, проклятие! Опять я размышляю вслух.

– Твоей семье нужно проклятие, – уверенно кивнул Стейн. – По крайней мере, часть, связанная с ложью.

– Она хороша для бизнеса, – скривилась я. – А я всего лишь приложение с неудобными свойствами, которое надо спрятать.

– Мы их удивим, – пообещал Змей, захлопывая блокнот. – Но нам нужен третий. Тот, на ком ты сможешь проверять силу проклятия.

Вытащив линзу, он начал перелистовать картинки с номерами.

– Юрген подойдет. Мы с ним с первого курса дружим.

– А как вы познакомились?

– Как два задиры, – усмехнулся Змей.

Он не преувеличил: дружба с Юргеном началась с магической дуэли. Точнее, с дуэлей, потому что первый бой закончился ничьей. Второй тоже. На третий парни не пошли, поняв, что результат будет тот же. Вместо поединка они отправились отмечать примирение. Отметили хорошо. Потом отбили девушку от бандитов, напавших на юную лаерну. После этого их дружба стала крепче вечных льдов в горах.

– Сегодня и завтра тренируемся у меня дома, потом вставим контроль над проклятием в наши занятия, Эмерсон решил, что тебе нужно их продолжать, – нажимая на картинку с портретом Юргена, добавил Змей.

Опять к нему домой? Не хочется. Но я переживу. Главное, что у меня появился запасной вариант на случай, если меня так и не выпустят в финале на арену… Впрочем, о чем это я? Никаких упаднических мыслей! Мне все еще надо в основной состав команды, и я сделаю все, чтобы туда попасть. Все в пределах разумного…

– Юрг, ты где? Далеко от института? Помнишь гостиницу неподалеку? Подгони мобиль к кафетерию… Там, где раньше книги продавали, – с ходу начал Стейн, едва над линзой появилась проекция.

– Не могу – мобиль в ремонте, – ответил Юрген.

Проекция немного повернулась, и он нахмурился, глядя на меня. А я поняла, что не стану говорить Змею о наших с Юргом посиделках в мобиле. Ни за неделю до полуфинала, ни потом. И это не ложь, я просто промолчу.

– Опять разбил? – поморщился Змей и прищурился, глядя на друга: – Пытался Изабель вернуть?

Юрген мрачно скривился. На его лице было крупными буквами написано, что брюнетка последняя, кого он собирается вернуть.

– Бес с тобой, – усмехнулся Змей, – чинишь за свой счет.

– Как обычно, – едва заметно улыбнулся Юрген.

– Подъезжай ко мне домой, у нас с Мартиной к тебе дело.

Юрген кивнул и отключился.

Стейн расплатился по счету, и мы вышли в залитый солнцем, по-летнему теплый день. Змей собрался вызвать наемный мобиль, но я его опередила: накрыла линзу пальцами, лукаво улыбнулась:

– У меня есть идея получше! – И потащила его к остановке духовозок.

Наверное, я поступила неправильно. Просто очень хотелось немного отсрочить вторую за день встречу с матерью теневика. В том, что она будет, сомнений не было. Надо же Эмме убедиться, что я услышала и поняла ее слова?

Услышала. Поняла. И нашла выход: дружба с ее сыном.

Я затащила Змея в подкатившую духовозку.

Внутри оказалось людно, шумно и прохладно: очевидно, включили охлаждающие воздух заклинания.

Водитель взял плату, нажал на звонок, и наш транспорт бодро заспешил по мостовой.

Свободное место оказалось всего одно, в самом конце салона. Рядом с ним девушка в яркой вязаной кофте сидела на коленях парня. Глядя друг на друга, они совершенно не замечали, что кресло сбоку у окна освободилось.

Подавив завистливый вздох: у них точно нет брака по извращенным обрядам древности, я вцепилась в ремень под потолком.

Стейн тихо хмыкнул, устроился на сиденье и усадил меня к себе на колени. А я не стала высвобождаться…

Женщина с седой короной волос тут же поджала губы и пробормотала себе под нос:

– Совсем с этой весной стыд потеряли!

Мы ничего не теряли, мы просто наслаждались неторопливой поездкой. Разглядывая пестрые витрины с магическими надписями, широкие улицы, забитые мобилями, тротуары, где яблоку негде было

упасть, я обнимала Змея за шею. А в голове бродили совершенно не дружеские мысли…

Глава 19

– …В общем, вот такая ситуация, – закончил Змей.

Мы со Стейном сидели на матрасе, Юрген устроился на втором, напротив. Он уже ждал нас в кладовке, как величал свой домашний полигон Змей. Внимательно слушая рассказ друга о слишком самостоятельной личной жизни, которая самостоятельно связала его с проклятой бытовичкой, Юрген кивал, искоса поглядывая на меня.

– Подопытный зверек готов приступить к испытаниям. – Юрг перевернул руки, расслабленно лежавшие на коленях, ладонями вверх.

Сняв перчатки, я стянула защиту с кожи. Она стала видимой и повисла на шее и руках сотканными из магии лоскутами. Юрген оценил мои аксессуары тихим хмыканьем.

– А что? Зато можно не бояться, что у кого-то еще будут такие же украшения! – пробормотала я.

Змей улыбнулся, приобнял меня за плечи.

– Поехали.

И мы поехали, то бишь двинулись на ощупь к светлой цели: избавить меня от хотя бы половины проклятия.

Прикрыв глаза, Змей переплел пальцы в замок перед грудью. Вокруг них цветком темного пламени распустились тени. Пульсируя, они то тянулись в стороны, то исчезали. Вокруг них колыхалось прозрачное марево, повторяя движение темных чар. Обычно второй дар Стейна был невидим. Он просто отталкивал или направлял обратно чужую магию. Но сегодня магия была в нем самом. И он перетягивал ее на себя, перетягивал проклятие.

Я никакой разницы не чувствовала, потому что Змею приходилось разбираться с тем, что уже было внутри его. Помочь или подсказать, как лучше, ни я, ни Юрг тоже не могли. Оставалось надеться, что Змей хорошо знает свой дар и разберется. И послушно выполнять его команды.

Раз в четверть часа Стейн говорил:

– Давай.

Я касалась пальцами ладоней Юргена и задавала вопрос о детстве теневика. Что мы творили, будучи мелкими? Ничего криминального. Шалости, да и только.

Но Юрген оказался весьма непоседливым ребенком…

Попробовать на зуб столешницу, чтобы убедиться в правоте слов няни, обещавшей прочные зубы вместо выпавших молочных? Легко. Отправить в полет любимую болонку бабушки? Уже сделано. Бабуля жаловалась, что все время теряет мелкую собачку. В состоянии лающего «облачка» псина больше не терялась. Она намертво вцеплялась зубами в рукав хозяйки и так на нем и висела. Запереть родителей в конюшне? Пожалуйста. Все ради них. Мама в сердцах сказала отцу, что он все время занят делами и редко бывает с ней наедине. Их с женой «уединение» батюшка Юрга ломал полдня.

Змей, как настоящий боевой маг, слушал признания друга совершенно спокойно, четко выполняя задания. Я тоже старалась быть серьезной, но выходило с переменным успехом. Разве можно спокойно слушать о том, как юное дарование пыталось сделать из теней мышеловку, а поймало в итоге кухарку?

– Давай, – скомандовал Змей.

Положив руки поверх больших ладоней Юргена, я спросила:

– В детстве тебе нравился кто-то из девочек?

Теневик молча пожал плечами.

– Получилось? – Я покосилась на Змея.

– Похоже на то, – ответил он и поморщился. – Но есть проблема. Сейчас я вряд ли смогу удержать что-то еще.

Проклятие забрало все его силы – значит, придется забыть о запасном плане.

– Похожу в перчатках. Добавлю пару слоев к защите… если надо, – улыбнулась я, возвращая на место защиту на руках, набрасывая магический капюшон на голову и превращая его в «носок».

Юрг нахмурился, с прищуром глядя на меня. Змей расцепил пальцы, развернул меня к себе лицом.

– Это всего лишь одна тренировка, мышка.

Он прав! Как говорит Эмерсон: если у вас не вышло пять раз, это ничего не значит. Не вышло сто двадцать пять, начните сначала!

– Это всего лишь одна тренировка, – повторила я, согласно кинув.

– Вот именно! – Змей легко поцеловал меня в щеку.

А потом предложил поужинать в ресторации «Фонаря». Пока мы пытали Юрга правдой, на улице сизой дымкой тумана разлился вечер.

Вопреки моим опасениям, мать Стейна к нам не подошла. Я видела ее в окне таверны, когда мы грузились в наемный мобиль.

Неподалеку от института у нашего транспорта перекосило колесо, и нам пришлось перейти в пеший режим.

Пока Змей расплачивался с ругающим дороги водителем, Юрг тихо спросил:

– Почему не сказала Стейну, что я вел себя как свинья?

– Чтобы вы поссорились? Зачем? – Я удивленно посмотрела на теневика.

– Ясно, – сказал он.

И что ему ясно?

Оставшуюся часть пути Юрг будто воды в рот набрал. Едва василиски впустили нас в ворота, теневик растворился в тумане, окутавшем территорию института плотным облаком.

Не успели мы со Змеем сделать пары шагов от памятного фонаря, с которого когда-то упал наш запас с Вардом, как в кармане зажужжала линза.

– Я пришла! – радостно сообщила Ненси, едва я нажала на картинку с ее портретом.

За спиной сестрички клубился туман, сбоку виднелась кованая решетка, увитая плющом.

– Жду тебя тут… – Ненси покрутила головой, – у забора.

– У ворот? – с надеждой уточнила я. Понятие «забор» для института очень растяжимое.

– Зачем у ворот? – удивилась сестричка, приглаживая светло-рыжие пряди, ставшие кудрявыми от сырости. – Нам надо посекретничать. В общем, я тут стою.

– А где именно?

– Ну… здесь рядом странное здание и дерево… И скамейка изнутри… – весьма «содержательно» подсказала направление Ненси и отключилась.

Мест, где здание полигона соседствовало с одиноким деревом, забором и скамейкой, было три. И только одно из них – неподалеку от подъездной дороги к институту.

Змей проводил меня к месту встречи с Ненси, шутливо посоветовал, если заблужусь, держаться забора, и ушел раньше, чем его заметила сестра.

– Мартиша! – Ненси повисла на моей шее, звонко чмокнула в щеку и, поглядывая на густую дымку вокруг, затараторила: – Я слышала, как папа говорил дедушке по линзе, что проблем с тобой не будет. А тот ругался, что идея с Играми даже ради огромной прибыли не самая лучшая!

Что еще за прибыль? Бернард же выбыл из Игр? Значит, вариант победить и добраться до императора отпал…

– И все, я не дослушала. – Ненси дернула упавшую на глаза прядь, завившаяся от влажности кудряшка спружинила. – Бернард из комнаты выперся… Ой, ты не знаешь! Отец дом снял на улице Солнечной Луары! Номер пять. Милый такой особнячок…

Сестричка запнулась на полуслове, глядя на плечистую тень, возникшую в тумане. Змей решил убедиться, что я не буду плутать тут до утра?

Клубы тумана пришли в движение. Юрг приветливо улыбнулся Ненси и пожелал доброго вечера. Странно было видеть улыбку теневика вместо его вечно недовольной физиономии…

– А мы с вами встречались! – радостно напомнила Юргену Ненси.

Захотелось стукнуть ее по макушке. Вот же неугомонная! То Кристофу глазки строит, теперь Юргу.

– Ну все, я пошла. – Сестричка накрутила на палец прядь, сделала шаг и замерла, озадаченно оглядываясь по сторонам. – А куда идти?

– Прямо до ворот, потом прямо по дороге, – насмешливо сориентировала я. – Ты же мобиль не отпустила, я надеюсь?

Ненси растянула губы в виноватой улыбке. Отпустила.

– Я провожу, – неожиданно вызвался Юрг.

– Я тоже. – Все равно нам по пути.

К воротам мы маршировали рука об руку с Ненси.

Наемный мобиль из-за тумана обещали только через час.

Сестричка трещала без умолку, Юрг отвечал. Десять минут спустя я почувствовала себя лишней. Решив, что Юрген не маленький и прекрасно понимает разницу между приятным общением и отношениями, я оставила их вдвоем. Почти вдвоем. Глаза василисков светились в тумане зеленым огнем, точно четыре путеводных звезды.

По ним я нашла ворота.

В нескольких шагах от них налетела на Змея. Он действительно собирался убедиться, не решили ли мы с сестрой провести незабываемый ночной пикник в компании тумана.

Пока шли к казарме, я рассказала об успехах Ненси на шпионском поприще.

– Не понимаю, какая прибыль? Брата ведь больше нет на Играх.

– Ты осталась, – задумчиво потирая подбородок, заметил Змей.

– И что? Я не стану по просьбе отца обращаться к императору.

– Возможно, отец думает тебя переубедить.

– Как? – Я развела руками.

– Например, пообещать обучить управлению проклятием, – предположил Стейн. – Или подсказать, как помочь при помощи сил твоего мужа.

– Что? То есть как?

– Нас с тобой весьма удачно поженили, – усмехнулся Змей.

Да, он уже говорил об этом… Но тогда он считал, что удача в его имени. Дочка торговца замужем за родовитым лаерном. Однако удача оказалась совсем иной. Его сила способна дать мне обычную жизнь.

– Думаешь, нас поженили с подачи моего отца?

– Не уверен.

– Если так, – продолжала я размышлять вслух, – он должен иметь влияние на вдовствующую императрицу. И зачем все эти заморочки с Играми? Он же может через нее найти подход к императору?

– Поэтому я и не уверен, что это он. – Змей покосился на тонущее в сизых клубах крыльцо казармы, на котором тускло желтел фонарь и мерцали глаза горгульи. – Твой отец действует как человек, который ориентируется по обстоятельствам, а не создает их. Скорее всего, твой батюшка попытается найти способ убедить меня не расторгать брак, чтобы сохранить проклятие.

Способ… Выгода… Везде выгода. И это мой отец!

Попрощавшись со Змеем, я увернулась от совершенно не дружеского поцелуя в губы и забежала в казарму. Чтобы отвлечься от невеселых мыслей, после похода в душевую нацепила на шею обучающий амулет. Нажала на два сектора сразу.

* * *

Утром голова по ощущениям была не просто кубиком, а многоугольником!

После завтрака на линзу пришла проекция от Змея. Тренировка переносилась из кладовки «Фонаря» на полигон. Раз он и Юрг все равно продолжат натаскивать меня в боевой магии, мы можем совместить. И начать сразу, не теряя время на поездки.

Порадовавшись, что не придется встречаться с матерью Змея, я потопала к полигону. Туман разошелся, оставив на траве и деревьях блестящие капли росы. Воздух буквально звенел от чистоты.

Парни ждали меня у входа в «танцующее» здание. Под глазом Юрга синел фингал. Вряд ли это его Ненси каблуком приложила. Рассказал все-таки!

– Зачем? – Я возмущенно уставилась на теневиков, делающих вид, что все нормально.

– Нам надо было поговорить, – пожал плечами Юрг.

– Поговорили? – с сердитым смешком спросила я.

– Да, – ответил Стейн. – Не беспокойся, Мартиша, все нормально. Мы не собираемся объявлять друг другу вендетту.

– Я вижу!

Никогда не пойму парней! Подрались – и опять все хорошо.

– Ну и у кого тут тяга к учебе победила здоровую тягу к весенним приключениям? – Из-за угла здания вышел Эмерсон собственной персоной. Смерил нашу троицу взглядом. – Я так и думал… – Он прищурился, изучая подбитый глаз Юргена. – Дайте догадаюсь: упали?

– Нет, – отрицательно покачал головой Юрген, – об дверь стукнулся. Открылась внезапно.

– Как-то у вас все внезапно. То дверь, то фонари… Завязывайте вы с этими внезапностями, – с совершенно серьезным видом покачал головой тренер и зашагал по дорожке в сторону соседнего полигона.

– Да, сэр! – дружно ответили мы в спину Эмерсона.

Тренировку начали с пробежки. Тихо костеря парней за их стремление сделать из меня боевого спринтера, я держалась вровень с Юргом и Змеем. Проклятие не давало молчать, да и не хотелось. Могли бы в честь выходного обойтись без затяжного променада!

Занятие в пустом зале полигона на фоне утреннего бега прошло на отлично. Вначале я отрабатывала двести один способ применения

бытовых и прикладных заклинаний против парней. Потом Змей удерживал мое проклятие, а я – Юргена за руки, задавая вопросы. Теневик молчал как партизан.

Правда, недолго.

Сил Змея хватало примерно на час. Потом требовалась передышка. Никто из нас не терял надежды, что уже завтра это будет час и несколько минут, а потом еще несколько…

Так с перерывом на обед и ужин прошел весь день.

Завершали тренировку полоса препятствий и бег.

Мы как раз трусили мимо ворот института, когда около них остановился мобиль. С заднего сиденья выпрыгнула Изабель. Сидящий внутри парень поймал ее за руку, высунулся наружу и поцеловал.

Я рванула к приоткрытым створкам, словно за мной гналась нежить со всех полигонов сразу. Замахала руками, пытаясь привлечь внимание Бернарда. Но он ослеп! Меня закрывал бюст Изабель.

Выскочив на улицу, я сердито уставилась на закрывшуюся дверь мобиля. Транспорт рванул с места.

Брат снова от меня сбежал!

Мимо василисков мы с Изабель прошли одновременно. Парни ждали меня у столба. Юрг равнодушно проследил за своей бывшей.

Изабель кокетливо сказала, обращаясь только к нему:

– Хорошее свидание должно начинаться утром и заканчиваться на закате!

И как она не отравилась своим же ядом?

– Если ты девушка из веселого квартала, – ровным тоном ответил Юрг. – Прибыль прежде всего?

Она споткнулась на ровном месте, глаза блеснули яростью. А Юрген побежал дальше. Мы со Змеем рванули за ним.

Пару поворотов спустя Юрген сказал, что хочет еще побегать.

– Слушай, – Стейн догнал друга, – может, в рукопашную поработаем?

Юрг кивнул.

Змей обернулся, показал мне на появившиеся из-за поворота казармы. Его лицо было виноватым. Он явно хотел побыть со мной, но другу его помощь сейчас нужнее. А приемы ближнего боя как раз

то, что надо, чтобы не дать Юргу впасть в очередное «помутнение» после встречи с Изабель.

У крыльца казармы меня встретила Ру́би. Наша каменная комендантша торчала рядом. Обе смотрели так, словно я устроила потоп сразу во всех комнатах, еще и лодки адепткам выдала, для большего веселья.

– Где она? – с ходу рыкнула Ру́би, грозно глядя на меня.

– Кто? – не поняла я.

– Белла! Ты же ее забрала из больницы?

– Нет.

– А кто? – Морда горгульи озадаченно нахмурилась. – Она сидела в пустой смотровой, пока мы с доктором зашивали прокушенный нежитью нос одному самородку. Я вернулась, а ее нет. Дверь заперта снаружи.

– А окно? – спросила я.

В комнате я окна всегда проверяю, потому как крохотный размер ничуть не мешает лисичке забираться на подоконник. А снаружи столько всего интересного происходит! Как не выпрыгнуть?

– Окно открыто, но я сразу снаружи посмотрела! – фыркнула Ру́би. – У нее лапки короткие, она бы далеко не убежала!

Не дав вставить ни слова, горгулья так хлопнула себя по лбу, что камень гулко стукнул о камень.

– Она же энфилд! Все время забываю, что это не просто лиса!

Рыкнув что-то ругательное, она подцепила меня под мышки и взмыла в сереющее вечернее небо.

– Зови, – прогудела горгулья, закладывая вираж над поместьем.

Второй раз повторять не пришлось: крохотный энфилд где-то там, один! Да она же замерзнет, простудится, заболеет. Насмерть испугается!

– Белла! – не своим голосом заорала я.

– Чего тебе? – отозвалась из рощи Изабель.

– Лисенка мне! Не видела?

– У третьего полигона кружилась, – хмыкнула брюнетка, скрываясь за деревом.

Как это – кружилась?

Спросить я не успела. Ру́би заложила вираж, и мы понеслись в сторону полигона.

У «танцующего» здания обнаружилась Белла. Лисичка, распушив перья на передних лапах, носилась по газону, вытаптывая в траве круг. Двигалась мелкая с невероятной скоростью.

– Нашли! – довольно рыкнула горгулья, снижаясь и опуская меня на траву.

Выставив руку, я перехватила несущуюся мимо лисичку. Белла радостно тявкнула и повисла на моей ладони, молотя лапами в воздухе. Казалось, она никак не может остановиться.

– Что это с ней? – Я взяла двумя руками бегущую на месте лисичку.

– Не знаю, мне вложили знания только по двуногим. По четвероногим это у доктора надо спрашивать, у него хобби такое: элементалей и прочую живность лечить, – отозвалась Ру́би.

– Лишь бы не заболела! – Я повернула Беллу мордой к себе.

Морда выглядела довольной, глаза лисички блестели, точно две бусины. Но ведь дети, съевшие пять порций мороженого и получившие больное горло, тоже выглядят счастливыми!

В больницу наша дружная компания ввалилась, напугав сонного дежурного. Не дав ему зачитать опросник из блокнота, мы вкатились в кабинет к доктору.

Осмотрев дергающуюся Беллу, он дал ей какие-то капли. Лисичка тут же перестала изображать бег на месте, зевнула и свернулась калачиком на моих руках.

А доктор сообщил радостную новость: лисята учатся бегать. И так как мамы у Беллы нет, она слегка увлеклась скоростным способом передвижения и ее… заклинило. Проблему решат успокоительные капли в небольших дозах и просторный вольер, куда ее уже можно переселить. Она достаточно самостоятельная и крепкая, чтобы жить, как питомцы других адептов.

Посмотрев на спящую лисичку, я поняла, что совершенно не хочу ее никуда переселять.

– Ну что вы, милочка, – доктор Дженс похлопал меня по плечу, – даже детей надо отпускать, иначе они ничему не научатся. Ей там будет удобнее. И вы сможете прийти к ней в любой момент.

– А можно я ее утром туда отнесу?

Он прав. Только вот как себе это объяснить?

– Можно и утром.

Прижав к себе Беллу, как самую большую драгоценность, я вернулась в казарму. В комнате долго смотрела, как она спит на подушке. В голове крутилось, что я была не очень хорошей хозяйкой. Лисичку нянчили то горгульи, то Юрг… А я не заметила, как она подросла и даже начала учиться бегать так же быстро, как другие энфилды…

– Обещаю: я больше не буду оставлять тебя надолго. – Я погладила трехцветный хвостик.

Белла сонно тявкнула в ответ.

Утром я поднялась задолго до будильника. Полчаса просидела, глядя на Беллу, потом взяла ее в руки, и себя тоже, и пошла с ней к конюшням.

Вытянутое здание внутри было поделено на вольеры, практически личные апартаменты из одной комнаты. В них жили питомцы адептов. В каждом вольере было все, что требовалось конкретному зверю или элементалю.

У Беллы это оказалась искусственная скала под потолок, по уступам которой змеились тропинки. Бегай – не хочу! А еще там была лужайка, большая будка и поилка.

Смотритель заверил, что кормить ее будут по часам.

Пока я доставала его вопросами, Белла с неприлично радостной мордой носилась по вольеру. Именно эта морда и убедила меня уйти.

Как бы ни было тяжело, ей тут хорошо!

У конюшни меня ждал Змей. Завтрак я пропустила, и он решил не дать мне умереть с голоду и принес пожертвованные им, Юргом и Кристофом пирожки и чай.

– Вард свой съел раньше, чем вы решили меня спасать? – улыбнулась я, доставая из пакета выпечку.

– Вард вообще бес его знает где. – Змей выудил линзу, поморщился и спрятал в карман.

– Он не вернулся из города? – обеспокоенно спросила я.

– Нет. А у нас через двадцать минут занятие у Лангуста. Он и так на Варда косо смотрит. Зарежет ему итоговый экзамен на раз.

Это на нашего здоровяка не похоже.

– Но если бы что-то случилось, Эмерсон уже бы нас на уши поставил. Завтракай. – Змей коснулся губами моего виска и заспешил в сторону главного здания.

У меня занятия начинались на два часа позже. Жуя пирожки, я решила прогуляться мимо ворот. Мало ли, вдруг Вард вернулся, но в разобранном состоянии? То, что пройти мимо василисков вполне возможно, я наглядно доказала. А наш здоровяк довольно неплохо разбирается в бытовых заклинаниях… По крайней мере, дверь он мне отлично починил.

До ворот я дойти не успела, заметила идущих навстречу Эмерсона и Варда. Тренер, пылая праведным гневом, костерил сына на чем свет стоит. И я, не желая попасть по его горячую руку, не придумала ничего лучше, чем спрятаться за деревом.

– Что опять? – зло допытывался Эмерсон. – Подпольные бои? Кристоф тебя затащил? Мало ему того, что он там рефери, так и тебя в качестве отбивной подключил? Еще бы, у него самые зрелищные драки! К нему туда полдворца инкогнито бегает!

Какие интересные подробности из жизни нашего блондина! Подпольные бои, да еще и он там рефери.

– Не бои? Что тогда? Девушка?

Вард молчал.

– Вот, значит, от кого у тебя эти речи? – продолжал тренер. – Не хочу в команду, да, сын? Зря дед таскал тебя во дворец. Лечил бы себе и лечил фрейлин. Так нет, внука показать решил. А ты чего рот раскрыл на фрейлин?

Дед Варда – придворный доктор? Ничего себе!

– Эти придворные фифочки тебе совсем голову задурили. Ты для них игрушка, понимаешь? – Эмерсон помолчал. Вард не ответил. – Ты никогда не будешь ровней ни одной из них, – жестко добавил тренер. – Даже если дослужишься до генерала, все равно останешься безродным выскочкой.

– Сейчас все по-другому, – спокойно ответил Вард.

– Ничего не по-другому, – отрезал Эмерсон. – Твоя фрейлина выбросит тебя на свалку, едва ее семья найдет ей жениха с родословной. Ладно, хочешь сам набить шишек, давай. Бегом на занятия, сердцеед ты наш доморощенный!

Здоровяк не стал отвечать. Но шел он в сторону главного здания подчеркнуто медленно.

– Это не бег, это минус сто пятьдесят четыре, – оценил его плавную походку Эмерсон. – И тянет на отработку по бегу до конца

года.

Вард согласно кивнул, но ничуть не ускорился.

– Еще минус сто, – добавил тренер. – Две отработки в день.

Вскоре они исчезли из виду.

Выбравшись из-за дерева, я вспомнила, как горгулья говорила о Варде, что он даже о собственной женитьбе будет не сообщать, а ставить в известность: «Я женюсь!» Каменная была не так далека от правды. Вард встречается с фрейлиной. И, похоже, отношения у них серьезные!

За занятиями и тренировками день пролетел незаметно, я совершенно забыла о Варде и фрейлине. Не до чужих отношений, когда свои в лице одного русоволосого теневика ведут себя не очень по-дружески…

Глава 20

На следующий день, навестив с утра Беллу и окончательно забыв про случайно подслушанный разговор, я отправилась завтракать.

В столовой адепты разглядывали проекции, сбившись группами, что-то обсуждали. За нашим столом Кристоф размахивал линзой так, что картинка дергалась, и декламировал, давясь смехом:

– Юный лаерн Кристоф Рау – претендент на руку принцессы номер сорок три! Семья состоятельна, но лаерн был замечен в компании девиц сомнительного происхождения! Но, как я уже говорила, любовь – вещь весьма непредсказуемая! Делайте ставки, дамы и господа! Угадайте, кто скрывается под личиной пажа! Поймайте удачу за хвост!

– Что за утреннее выступление? – усаживаясь рядом со Змеем, спросила я.

– Изабель с очередным тотализатором, – поморщился он, придвигая мне поднос с завтраком.

– Ставят на личность пажа. – Юрген раздраженно покосился на Кристофа. Тот листал проекцию длинного списка, сияя улыбкой так, что хотелось прикрыться зонтиком.

– Вечером газетчики опять про него вспомнили, – добавил Змей, доедая кашу. – Вроде бы его снова поймал император на подходе к принцессе.

– Если бы поймал, газетчикам не о ком было бы писать, – хмыкнул Кристоф и ткнул пальцем в список, разворачивая прикрепленную к нему проекцию. – А так паж не пойман. По слухам, император в ярости от столь вольного поведения дочери. Грозится выдать ее замуж.

Занятно… У императора есть фаворитка, до нее был целый гарнизон дам сердца. А дочери – пояс верности до старости?

– …А пажа грозится под самый… – Кристоф поперхнулся воздухом и покосился на Варда, толкнувшего его в бок.

Любопытно, что там император обещал сделать с ухажером принцессы?

– …Постричь под самые… ушки, – исправился Крис. – И того, под замок, чтобы не бегал больше никуда.

– А стричь зачем? – вырвалось у меня удивленное.

– Чтобы в тюрьме мусора было меньше. – Змей положил на мой поднос пирожок.

Ну… говорят они явно не об обычной стрижке… Хотя, может, и о ней.

– Смотри, Вард, ты тоже тут есть! – радостно присвистнул Кристоф, трогая кончик своего выдающегося носа.

– Так… Внук придворного доктора и сын генерала в отставке… Нет… Вот! Немногословный, надежный, один из лучших защитников Института теневой и боевой магии, он, безусловно, интересная кандидатура! Наш сорок седьмой номер! Отсутствие титула компенсируют личные достоинства! – прочел блондин, глянул на Варда и пробурчал: – Э, а чего это ты сорок седьмой?

Здоровяк пожал плечами.

Лихо Изабель его в любовный интерес принцессы записала! Вот фантазерка! Впрочем, интерес у Варда есть… Но не к принцессе.

* * *

Неделя прошла под девизом: «Адепт ни жив ни мертв, но все еще рад, что не мертв!» Преподаватели заваливали нас заданиями и новыми амулетами для скоростного изучения пропущенных мной материалов. Эмерсон дрессировал команду так, чтобы «Ни у одного (одной) в голове больше не появилось желания устраивать балетные представления в полуфинале. Вышли, победили, ушли!». К слову, к концу недели наш запас выпустили из больницы. И тренер окончательно озверел. Оливер и Чарли были как никогда близки к тому, чтобы сбежать обратно к доктору!

Мне тоже приходилось попотеть: Юрг и Змей наседали с тренировками, умудряясь воткнуть туда и работу над блокировкой проклятия. С нашим выжимающим последние соки графиком учебы последнее выходило с переменным успехом. То Змей мог забирать мое проклятие почти на два часа, то его едва хватало на двадцать минут. Но мы не отчаивались. У нас получалось!

А еще у спровоцированных мной приступов правды Юргена обнаружился неожиданный побочный эффект…

Дело в том, что детство, а потом отрочество теневика как-то быстро закончились, и мы незаметно добрались до предательства Изабель и их с Юргом поединка. Он ее очень любил. Надеялся, что сможет направить ее стремление к выгоде в мирное русло. И хоть и бросил Изабель после поединка, глубоко в душе надеялся, что однажды сможет победить злость, вернуть ее и перевоспитать…

Юрг не был глупцом и понимал, что его надежды несбыточны. Это убило его любовь к Изабель, а потом и веру в себя. Раз он не смог удержать от глупостей любимую девушку, как он может удержать магию?

Но вишенкой на торте его признаний стал факт: он в курсе, что нельзя поставить другому человеку свои мозги, что каждый решает сам за себя. Однако, чтобы это принять, Юргу понадобилось признаться себе.

Да, быть правдивым с собой полезно! Как выяснилось чуть позже, не только для физического, но и для магического здоровья!

«Затмения» Юрга, вызванные тем, что он не мог простить себе предательства Изабель, прошли. Доктор даже открыл по этому поводу бутылку виски. А мы съели гору пирожков, выменянных Юргеном у повара на дополнительное дежурство по кухне.

*** * ***

День полуфинала начался для нас ночью.

Одевшись в традиционные наряды, мы ждали у ворот института наемные мобили, на которых нас должны были доставить до разлома. Через него мы попадем в Дельфие – стадиону этого городка выпала честь стать ареной Императорских игр.

– Все сюда, ко мне! – Вместо мобилей к воротам подрулил тренер.

Мы поспешно скучились вокруг Эмерсона. Основной состав оказался впереди запаса. Только Изабель вклинилась между Змеем и Вардом.

– Юрген, поздравляю, в этих Играх ты больше не участвуешь! – с ходу огорошил Эмерсон.

На щеках Юрга заходили желваки. Змей нахмурился. Кристоф потер нос. Изабель удивленно вытаращилась на Эмерсона. Вард в недоумении склонил голову набок.

– Мартина, ты в основном составе, – продолжал рубить сплеча тренер.

– Причина отстранения Юрга, сэр? – спросил Змей.

– Репортерам слили волшебную новость, что Юрген обладает неустойчивой магией. Плюс имеет приступы видений, плюс с его мозгами не выступать надо, а лечиться, – зло процедил сквозь зубы Эмерсон. – Об этом факте знала только команда. – Он обвел нас тяжелым взглядом. – И я предупреждал, чтобы никому ни слова.

Сильно сомневаюсь, что это смутит наш запас или… Изабель?

Я незаметно стянула с руки перчатку: жарко мне, в три ночи на прохладном ветерке самая жара! Нащупала нитку, снимающую дополнительную защиту. Хорошо, что у форменной курточки рукава длинные, никто не увидит, что под ней висит непонятный огрызок магического полотна.

– А те, кого не предупреждал, производили впечатление адекватных адепток, – добавил тренер.

Это он обо мне? Вот спасибо!

Я подошла ближе к Изабель: девочки они такие девочки, пугаются, сбиваются в стаи…

– Но одних слов для таких обвинений недостаточно. Такие статьи судьи не стали бы даже комментировать. – Эмерсон уставился на брюнетку. – Именно поэтому я попросил доктора хранить все документы, связанные с лечением Юргена, в сейфе. Угадайте, копии каких бумаг прикрепили к своим статьям стервятники пера? Забыв о тех, где написано, что проблема Юрга осталась в прошлом? Правильно. Настоящих. Пакет копий был анонимно прислан судьям. Только тех, что описывают его болезнь. И ни одного документа, показывающего, что она отступила! Последние мы им уже отправили, но это не помогло. Пожизненная дисквалификация.

Изабель побледнела, возмущенно стиснула кулаки.

Я цапнула ее за запястье. Ничего такого, пытаюсь остановить, чтобы не лезла на рожон. Змей чуть сдвинулся, закрыв наши руки.

Пусть теперь попробует соврать!

– Ну и кто из вас, Изабель, обладает даром расчета выгоды, с помощью которого можно подобрать самую выгодную комбинацию цифр на замке сейфа? – Тренер скривился, словно вместо брюнетки перед ним внезапно появилась очень несвежая нежить.

– Это не я! – возмущенно выпалила Изабель. – Я никогда – слышите! – никогда не вскрывала сейфы и не делала ничего противозаконного! Я не копировала документы доктора! Ни сама, ни с помощью кого-то!

Я плотнее стиснула пальцы на ее руке. Она ведь не может врать?

– Я хочу быть в команде, да! – Изабель выпятила подбородок, гордо глядя на тренера. – Но даже если бы я просчитала огромную выгоду от себя в основном составе, я бы пришла к вам с расчетами, а не пыталась бы освободить место таким глупым способом. Нас четверо на это место. И троих из нас вы на дух не переносите, сэр!

– В этом вы правы, – оскалился в улыбке голодной пираньи Эмерсон. – Именно поэтому вы в глубоком запасе, милочка. Но к финалу я вас заменю, не сомневайтесь.

– Как скажете, сэр! – козырнула Изабель и дернула руку, высвобождая ее из моей хватки.

Эмерсон раздраженно поморщился.

С шуршанием к воротам подкатили три мобиля.

– Грузимся, ошибки боевой магии! – скомандовал он.

Запас первым юркнул в мобиль. Оливер, Чарли и Изабель устроились на заднем сиденье. На переднее нырнул Кристоф.

– Ты со мной, – приказал Варду тренер.

Здоровяк занял место во втором мобиле, рядом с отцом. Мы со Змеем загрузились в третий.

Юрген остался стоять у ворот. Свет фонаря расцвечивал темные волосы теневика теплыми бликами, но это ничуть не смягчило злое выражение, маской застывшее на его лице. Он с яростью смотрел вслед мобилю, увозящему Изабель.

– Соври мне что-нибудь, – тихо попросила я, переплетая пальцы с пальцами Змея.

– Ты такая красивая, когда чем-то озабочена, мышка. – Он поцеловал мое запястье, заставив на миг забыть, с чего вдруг я вообще решила взять его за руку.

– Это была ложь? – с сомнением уточнила я.

– Нет.

Я потерла ладонью лицо. Вот бес!

– Изабель не лгала? – догадался Змей, отпуская мои пальцы.

Отрицательно покачав головой, я задумчиво проследила за мелькающими за окном фонарями.

– Она сказала правду. От начала и до конца.

– У нас крот, – задумчиво сказал Змей.

– Топит команду, чтобы мы не победили? – Вспомнился мордобой нашего запаса и солнечных. – Доктор так и не сказал, чем опоили Оливера и Чарли…

– Ничем.

– Как так? – Я озадаченно покачала головой. – Не опоили? Но что-то там было? Магия?

– Магия. Им внушили, что драка – единственный выход. – Змей облокотился о дверцу мобиля, подпер висок указательным пальцем. – Ни у кого из команды нет похожего дара.

– Но это не значит, что его на самом деле нет!

– Именно.

Законы требуют регистрировать дар, сколько бы искр ни пробудилось. Одна или три… Но кто помешает нашему кроту скрыть наличие второй искры? Никто.

– Изабель в этом плане идеальный вариант, но она не врет. – Я развела руками. – Но кто тогда? Вард? Юрг? Кристоф? Наш славный запас?

– Юрг, конечно, с причудами, но не до такой степени, – усмехнулся Змей. – Вард – человек слова. Он сказал, что будет в команде, значит, будет. А нравится ему это или нет, не важно. Он сделает все, чтобы мы победили.

Я согласно кивнула.

– Запас – возможно. – Змей поморщился. – Но Оливер и Чарли до безобразия повернуты на престиже команды. Они могут задирать других, драться на дуэли, вести себя как свиньи… Но они все еще мечтают прославить себя в веках и стать победителями именно в нашей команде.

– Откуда такая любовь?

– Их семьи были в составе команд во время побед нашего института. Традиция.

– Может, кто-то решил ее нарушить?

– Возможно.

Кристофа мы даже обсуждать не стали. Болтун, говорун и балагур. У него любой тайный план стал бы явным в первые пять секунд после появления оного в белобрысой голове.

– Проверить надо всех. – Змей поймал мою руку, сдвинул рукав и с улыбкой начал натягивать магическую защиту обратно. Почти по-дружески, в полумраке салона мобиля…

До разлома мы добрались быстро, перешли на другую сторону.

У площадки в Дельфие нас ждала видавшая виды духовозка, которую не то воскресили, не то никак не могли упокоить.

Эмерсон пообещал мэру городка внезапную и страстную любовь местной полиции: связи бывшего генерала как алмаз. Разрушить сложно и для кошелька накладно.

Поскрипывающий на все лады тарантас вез нас со скоростью черепахи, решившей, что она улитка.

Пока мы подпрыгивали на дорожных кочках, тренер, неудачно севший рядом с водителем, постигал великую философию молчания, когда тебе травят дорожные байки. Чарли и Оливер кузнечиками скакали по салону, выбирая, где трясет меньше.

Трясло везде. В итоге Изабель ехидно предложила любителям комфорта адрес салона женского белья, где делают специальные панталоны с подкладками. Кристоф тут же добавил, что формы у них станут загляденье. Он как-то встречался с красоткой, у которой при походе на пляж случилось усыхание объемов в нижней части. Потому как купальный костюм с панталонами не смотрелся совершенно.

Чарли и Оливер на пару минут приостановили перемещение с сиденья на сиденье, но потом опять стали циркулировать, точно пылинки в столбе света, падающего через окна духовозки.

Я сто раз успела пожалеть, что в салоне так много народу. Слишком много, чтобы беспричинный приступ правдивости наших запасников не заметили.

Духовозка дотарахтела до стадиона ровно за две минуты до начала представления команд. Очевидно, мэр решил помочь нашим противникам, адептам академии Вильса, но водитель болел за другую

команду и выжал из своего развалюшного раритета максимум скорости.

В итоге мы под бодрое тренерское «Порвать их и не жевать!» понеслись к арке, ведущей на поле, за тридцать секунд до объявления состава команд.

– Возьми! – Изабель сунула мне что-то в карман. – Уронишь случайно.

– Не хочу я ничего ронять! – Я вытащила из кармана линзу.

Времени возвращать ее не осталось, над шумным стадионом раздался голос глашатая. Затолкав линзу обратно, я пристроилась в конец шеренги. Последняя из основного состава по росту. Дальше маршировал запас.

Арена была поделена на квадраты переливающимися на солнце изумрудными каплями артефактов. Они висели в воздухе над нашими головами точно по невидимым линиям. Красота! Внутрь «капель» были заключены шестигранные кристаллы норкского лазуритиана.

Как только прозвучит горн, артефакты опустятся и превратят поле в лабиринт, где каждый квадрат порадует игроков новым пейзажем и нежитью. Задача команд – пройти на противоположный конец поля, не стать закуской и вывести противников из игры.

Противник нам попался непростой. Академия Вильса выпускала будущих приграничных стражей. Их команда была опасной и жестокой. Слабость на границе не поощрялась.

Пока я вспоминала, что ждет нас в полуфинале, мы дошли до центра поля и остановились напротив парней в серой форме. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы понять: вряд ли когда-нибудь найдется самоубийца, решивший нарушить границы Фридхольма. Плечистые, жилистые, с одинаково обветренными лицами, на которых было написано желание без соли закусить любым нарушителем.

Глашатай объявил команды и перечислил имена основного и запасного состава. Напомнил, что замен по медицинским показаниям нет, только одна по желанию тренера. Зато она была! В финале вообще запрещалось менять игроков! Кого заявили как основных, те и остаются на поле до конца игры. Нас от финала отделяла стена из будущих стражей.

Игра началась.

Запасные игроки и тренер пошли на трибуны, а мы двинулись в сторону нашего края поля.

– Ну и лбы! – присвистнул тихо Кристоф.

Вокруг нас порхали линзы, магия усиливала голоса, показывая проекции игроков над чашей стадиона.

– Таких нахрапом не возьмешь! – почти на грани слышимости пробурчал Крис. – Стейн, есть план?

– Будем брать неожиданностью. – Змей поймал мою руку, и мою ладонь в его пальцах тут же продемонстрировали на проекции.

– Я не сниму перчатки! – еле слышно возмущенно прошипела я. Я не брат!

– А я и не прошу. – Змей покосился на меня, васильковые глаза лукаво блеснули. – Вспомни, чему ты училась на тренировках Эмерсона.

Применять бытовую и прикладную магию в бою…

Прищурившись, я нервно улыбнулась:

– Думаешь, получится?

Змей уверенно кинул.

Вард неожиданно прогудел:

– Я с ней в паре.

– Отлично, – улыбнулся Стейн. Судя по довольному лицу, он так и планировал.

Вот змей!

– Два-два, два-один, – продолжал он раздавать команды.

Вполне логично. Вначале идет Стейн с Кристофом, чистят дорогу. Набирают очки по нежити. Как доберемся до противника, мой выход.

– Мартина, все, на что хватит фантазии. И не стой на месте, постоянно двигайся. В квадратах стены не везде.

Помню! Часть иллюзия, часть настоящие, они выдвинутся из земли. Вместе с коконами с нежитью, скрытыми магией.

– Потом комбинация «восемь-ноль», поняла? – Змей вопросительно выгнул русую бровь.

– Поняла.

Вышла вперед, выдала, что придумала, отошла под прикрытие Варда. И с начала.

Над ареной прозвучал горн.

Капли артефактов, создающих иллюзии, опустились на траву. Начали вырастать иллюзорные стены, послышался гул под ногами – настоящая часть лабиринта и ловушки с нежитью поднялись с подземного этажа.

Поле закрыл прозрачный купол, отрезая нас от назойливых линз репортеров.

Змей изучал стену перед нами, монолитную, каменную. Кристоф сооружал щит. Вард свой закончил и теперь держался за мной, готовый в любой момент оказаться впереди и прикрыть.

Снова пропела труба, возвещая, что можно начинать.

Змей шагнул к стене, легко оттолкнул воздух перед ней. Иллюзия разошлась, получилась круглая дыра, от которой, точно круги на воде, расходились волны. Нырнув в образовавшуюся брешь, Стейн ударил сгустком теней. Крис заскочил следом, мы за ним. На веселеньком ромашковом поле под наскоро сплетенной сетью Змея исчезало чудовище, состоящее сплошь из когтей и шипов. А Змей уже шел вправо, присматриваясь к иллюзорным цветам и голубому небу над ним.

Стадион ревел и гудел: зрители были в восторге.

Змей снова оттолкнул иллюзию, как и любую магию.

Мы переместились на мрачный погост с отрядом из четырех скелетов, встречающих нас отнюдь не цветами, а острыми косами.

Сеть из тьмы накрыла всех четверых.

Зазвенели косы, ловушка распалась. Тихо выругавшись, Кристоф прикрыл Змея от брошенной в его голову косы, оказавшейся артефактом. Стейн уже скользил дальше.

Я дернулась к оставшийся без хозяина косе, но она утонула в газоне и пропала. «Всплыла» аккурат под ногами скелета.

Змей теснил умертвий и больше не пытался уничтожить их тенями. Уворачивался от кос (Крис не всегда успевал прикрыть), двигался по кругу. У его пальцев колыхалось марево. Круг становился все меньше. Змей, удерживая магию, поднявшую скелеты, сжимал ее все сильнее. Очевидно, надеялся, что заклинание повредится. По его лицу тек пот…

Надо что-то делать! Иначе пока доберемся до противника, нас можно будет брать тепленькими.

Зрители скандировали имена стражей. У тех дела явно шли лучше, чем у нас. Со стороны команды противников доносился странный треск…

Присев на корточки, я потянулась к сети заклинаний, лежащей у нас под ногами. Плетение, переместившее косу, стояло прямо под газоном и было до безобразия похоже на то, чем в домах поднимают посуду по кухонному лифту, если есть лишние деньги на бытовые заклинания и нет желания тянуть за шнур или рычаг.

С моих пальцев сорвались оранжевые огоньки, нырнули в траву.

Под нами была целая система тоннелей.

Над головой зазвенело.

Удивленно подняв глаза, я встретилась взглядом с пятым скелетом, только что вынырнувшим из кокона в подмогу товарищам и решившим, что они и так справятся, а вот девица на корточках куда лучше пойдет на роль сена. Коса скрипела по щиту Варда, медленно его разрезая. Теневик держал его, прикрыв меня.

– Отпускай! – выпалила я, отправляя горсть оранжевых огоньков в траву.

Вард убрал щит.

Я отпрянула, сев на пятую точку.

Газон зашевелился, подрастая. Скелет промазал, коса вылетела из его рук, нырнула в траву, да там и осталась. Вард рубанул по нежити обломками щита, точно топорами. Кости рассыпались по полю и исчезли.

Я перекатилась на колени, запуская оранжевые огоньки. Кто-то снизу, из скрытых под ареной служебных помещений, пытался вернуть заклинанию подачи кос прежние свойства.

– Змей! – Я посмотрела на Стейна.

Он кивнул, отделил скелета от товарищей, без всякой магии вырвал у него косу и швырнул на траву. Оружие исчезло. Змей выпустил следующего. Кристоф пару секунд моргал, непонимающе глядя на обезоруженного скелета.

Мы с Вардом встретились взглядами.

– Иди. – Я добавила магии.

Интересно, а мне начислят очки за бодание со служащим из-под арены?

Вард в два взмаха превратил два скелета в ничто. Осколки щита в его руках стали воистину внушающим уважение оружием. Два последних скелета пали от его руки и руки очнувшегося Кристофа.

Со стороны наших противников снова донесся треск. И как раз в этот момент меня выбили из тоннельного заклинания.

Я оперлась о руку вернувшегося ко мне Варда.

– Нет, вы гляньте! – Кристоф ткнул пальцем на парящую в небе над стадионом проекцию. – Они сносят все подряд!

Мы дружно посмотрели вверх.

Стражи шли напрямую, пробивая дорогу через все. Два впереди крушили, два позади уничтожали нежить.

– Это же сколько силы надо? – пробормотал Крис.

Мне вот тоже интересно: откуда столько? Препятствия на стадионе построены капитально, нежить – и ту вооружили. Еще и снизу поддерживают. Это я точно могу сказать. Пока бодалась за тоннель, зацепила разных заклинаний.

– Они нас вместе со стенами сметут, – присвистнул Кристоф.

– Не сметут. – Змей подошел ко мне. – Мартина, все, что можешь, туда… – Он показал на стену, единственное, что отделяло нас от стражей. – Парни, никакой защиты, только нападение.

Либо мы делаем первый ход и побеждаем, либо нас будут вытаскивать из горы щепок в разобранном виде. И тогда нам будет уже не важно, пили ли стражи какие-то усиливающие зелья, или это артефакты, которые пропустила защита поля, или они от природы такие могучие…

Размяв пальцы, я вышла вперед. По спине скатилась капля холодного пота. Поморщившись, я развела руки в стороны, словно хотела обнять весь стадион. Направила оранжевые огоньки перед собой. Вверх, вниз, прямо. Газон, заклинания под ним. Артефакты, делящие поле на квадраты. Все зацепила. Много, но ничего. Внести небольшое изменение во все, до чего достала. Быстрее, пока треск не приблизился вплотную…

И-и-и…

На поле зашумело, зашуршало, заскрежетало, газон под ногами заходил ходуном. Иллюзия пошла волнами, потеряла цвет и объем. Нырнули вниз настоящие стены. Стало видно стражей, на всех парах несущихся к нам. Они ничуть не притормозили, не остановились.

Зря.

С грохотом из газона вынырнула стена, страж не успел увернуться. Стена была деревянная, и щепки вышли просто отличные. Парень сделал пару шагов и рухнул. Второго сбил с ног Змей. Вард швырнул в оставшихся двоих обломками щита. Промазал, но смог отвлечь. Кристоф запустил в них сеть. Увернулись. Один удачно, второй взмыл к куполу верхом на каменной перегородке. Спрыгнул точно в руки Варда, и тот завернул его в сеть, так что только глазами и мог шевелить. А Змей плясал с последним стражем.

У наших противников оставалась еще замена, но они так и не успели ею воспользоваться.

Страж улетел на траву, отправленный в нокаут ударом сгустка теней.

Тяжело дыша, мы уставились друг на друга. Победа? Или надо еще нежити найти?

Горн позвучал музыкой.

– Победила команда Института теневой и боевой магии! – провозгласил глашатай.

– Мы победили! – радостно заорал Кристоф, подцепил меня с земли, поднял и потряс, словно я кукла.

Натолкнулся на насмешливый взгляд Змея, передал ему.

Вот и хорошо, а то стоять я, кажется, уже не могу.

Улыбаясь, я смотрела в васильковые глаза и не могла поверить: у нас получилось!

Глава 21

Пока парни освобождали стражей из ловушек, я сунула руку в карман и наткнулась на линзу Изабель. Совершенно о ней забыла… Покрутив в пальцах находку, бросила ее на присыпанный щепками газон.

Линза тут же заблестела, передавая проекцию хозяйке.

Изабель хотела эксклюзивных кадров? Она их получила. Вида на команды снизу точно нет ни у одной новостной службы! Их артефакты до сих пор теснятся у границы прозрачного защитного купола, отделяющего поле от радостно вопящих зрителей.

Оставив линзу мерцать на земле, я заняла место в шеренге.

Напротив выстроились мрачные стражи разной степени побитости и пожеванности.

Наши и их запасные игроки топали от арки, чтобы согласно традициям полуфинала поклониться противникам вместе с командами. Жутко хотелось, как те скелеты, достать косу из газона и с ней в руках убедительно попросить запас ускориться. Сколько можно ползти?

В голове шумело, коленки дрожали… Еще немного, и кланяться противникам будет не нужно, потому что я буду в самом глубоком поклоне из возможных: лицом в траву! Скорее бы уползти в раздевалку. Там можно посидеть, послушать ор тренера. Никогда выволочка Эмерсона не казалась мне столь привлекательной.

Ой, как любит повторять сестричка, я, кажется, влюбилась! Не в тренера. В институт. Здесь интересно, и тут никто не ограничивает меня, загоняя в жесткие рамки: бытовики и маги прикладных заклинаний призваны обеспечивать быт окружающих или, самое большее, быть на подхвате у известных коллег-артефакторов.

Кажется, в моем плане появился новый пункт, прямо после пункта избавиться от проклятия: остаться у теневиков!

Запасных игроков от нас отделяло пять шагов, не больше, когда из щепок и примятой травы под ногами вынырнули артефакты, разгораживавшие поле на секторы. Подлетев под прозрачную защиту, они сгрудились над нашей командой. Вспыхнули темным пламенем, проросли щупальцами теней. И мы оказались под черным

непрозрачным куполом, подсвеченным артефактами, торчащими из его поверхности. Нас отрезало от стражей, от запаса и зрителей.

– Какого беса? – Кристоф закрутил головой, разглядывая полусферу.

Вард пожал плечами. Змей нахмурился, сделав движение, словно отталкивал что-то. Помрачнел – темный колпак остался на месте.

Я с трудом создала пару оранжевых огоньков, запустила их в темный заслон. Но они от него отскочили. Кто бы ни решил нас тут запереть, сделал он это на совесть!

– Похоже, у нас пикник! – хмыкнул Кристоф и улегся на присыпанную щепками землю. Вырвал травинку, сжал в зубах и подцепил линзу Изабель.

– Надо же, работает! – радостно сообщил он, взъерошивая светлые пряди на макушке. – Да, Бель не экономит! Под таким куполом обычные линзы давно передохли бы! Откуда она тут?

– Изабель мне в карман сунула. После победы я ее на газон бросила, – пояснила я.

– А туда ей и дорога! Но лучше в кармане держать – нечего ей тут высматривать. Пусть вместе со всеми по общественным проекциям глядит. Лови! – Крис бросил мне линзу.

Поймав ее в ладони, я затолкала артефакт в карман.

Трава рядом с ногой Кристофа пошла волной: вздымаясь бугром и проваливаясь, словно под землей кто-то полз. Блондин осторожно сел, на его пальцах появились темные языки теней.

Змей задвинул меня за спину, Вард не позволил обойти его сбоку. Пришлось смотреть через щелку между рукавами курток парней.

Бугор под газоном доплыл до колена Кристофа, зашевелился. Блондин рывком оказался на ногах и замахнулся.

– Стой, – тихо скомандовал Змей.

Но Крис уже швырнул сгусток теней в высунувшуюся из земли морду. Черную, плоскую, как у бульдога. Морда пронзительно заверещала, голос одновременно напомнил птичий щебет и писк застрявшей в лазе мыши. Из подземного хода вылетел меховой комок с длинным тонким хвостом, шестью лапами, витыми рогами, растущими назад и вниз, и острыми ушами. Странное создание окутывали тени.

Зло сверкнув на Кристофа желтыми глазами, зверек снова заверещал и превратился в размытое пятно, которое с невероятной скоростью заметалось по прикрытому темным куполом участку поля.

Змей и Вард заслонили меня. Крис подскочил к ним. Я оказалась между парнями.

– Что это за нежить? – озадаченно пробормотал Кристоф.

– Не нежить – бес, – отозвался Змей, на его руках пульсировали тени.

Вард сплетал щит. Оба напряженно следили за белыми вспышками, появляющимися следом за бесом.

Бес?

Я с интересом разглядывала существо, считавшееся вымершим. Во времена, когда разломы принесли в наш мир магию, вместе с тенями пришли бесы. Создания из сгустков темных чар. Интеллект как у мартышки, а пакостливость как у старой карги, от которой сбежали родственники. Когда поток магии закончился, они пропали. Считалось, что рассеялись…

– Что этот поганец делает? – Кристоф тоже начал плести щит.

– Открывает скрытые ловушки с нежитью! – выдохнула я, всматриваясь под ноги в поисках заклинания, которое могла бы использовать, чтобы остановить безобразника.

Мы все измотаны и вряд ли продержимся больше пяти минут!

Что делать?

С пальцев сорвалось два тусклых огонька. Вот… бес! Похоже, самое лучшее, что я могу сделать, – это тихо стоять на месте и не мешать!

Бес с радостным верещанием замер у самого купола. Вспышки по полю стали ярче. Коконы с нежитью открылись сразу. Пять… десять… пятнадцать…

Организаторов Игр явно надо отправить к доктору! Зачем столько ловушек с немертвыми в одном месте?

– Я закрываю, вы не лезете. – Змей смотрел на приближающихся клыкастых и рогатых чудовищ, по которым хоть справочник пиши: «Виды опасной нежити». – Потом по очереди закрываете вы. Вард, Крис?

– Понял, – отрезал Вард, опуская щит.

– Может, всем вместе ударить? – предложил Кристоф.

– Все вместе мы только пять-шесть штук уничтожим, куда остальных девать будешь, герой? Или у тебя, как у стражей, по усиливающему артефакту в кармане? – насмешливо уточнил Змей.

Артефактов у Криса не было. Пробурчав под нос что-то неразборчивое, он опустил шит.

С пальцев Змея потекли, заструились тени. Распускаясь черным цветком, они закрывали нас полупрозрачной дымкой.

С ревом нежить кинулась на хлипкий на вид заслон. Он прогнулся, но не треснул. Змей держал, стиснув зубы. Толпа из костляво-лохмато-волосатых монстров развернулась, словно косяк рыб, и ринулась на Варда. Защита Стейна выдержала. Нежить снова развернулась и опять ударила. Не обращая внимания на собственные раны, твари с упорством баранов перли на нашего здоровяка!

– Слушай, может, им парфюм твой понравился? – Кристоф почесал кончик носа.

Вард непонимающе покосился на друга.

– Ну или лицо, – добавил Крис.

Нашел время шутить!

Я озабоченно повернулась к Змею. Сбоку было видно, как по его лбу катится пот. А я сижу тут, гриб на пеньке изображаю! Магии нет, ну и что? Голова-то на месте. Как помочь? Как остановить нежить?

На глаза попались раскрывшиеся, сияющие солнечной магией коконы.

В них должна иметься защита на случай внезапного побега нежити…

Сунув в карман руку, я удивленно уставилась на сверкающую линзу. Похоже, Крис забыл отключить шпионский артефакт. Изабель, Эмерсон, судья и командир стражей прекрасно нас слышали, хотя ответить, пока я не подтвердила передачу данных, не могли.

Торопливо нажав на плавающий по поверхности артефакта портрет Изабель, я выпалила:

– Активируйте коконы!

– Уже делают, но у них не выходит, – кратко обрисовал масштаб нашего попадания тренер.

– Пробиваем купол с полицией и магами, – сообщил командир стражей.

– Рушится? – с надеждой спросил Кристоф, косясь назад.

– Да, медленно, – не стал обнадеживать Эмерсон.

Очередной удар «косяка» нежити о заслон заставил меня вздрогнуть.

– Вард. – Змей опустил руки.

Здоровяк тут же поднял щит. Как раз вовремя, потому что магия Стейна истаяла. Покачиваясь, он отступил.

Захотелось зареветь от бессилия, но я лишь тихо рассмеялась. Изабель, Эмерсон и командир стражей удивленно смотрели на меня из проекции: они явно заподозрили, что меня тут между делом чем-то приложили… Да той же косой!

Точно!

– Отправьте нам косы скелетов! – Вряд ли тот, кто нас тут запер, додумался заблокировать заклинание, подававшее нежити оружие.

Эмерсон кивнул, проекция сместилась: похоже, он бежал ко входу на арену, прихватив с собой линзу.

– Крис, не спи! – Чуть не сбив меня с ног, Змей ринулся к Варду и дал в морду скелету, прорвавшему защиту за спиной здоровяка и зацепившему его плечо до безобразия когтистой рукой. – Крис, заменяй!

Тот тряхнул головой, поставил щит. Едва удостоив рану взглядом, Вард начал подправлять заклинание: то, что создал Кристоф, было не заслоном, а сеткой с огромными ячейками, через них нечисть тут же просунула конечности.

Трава и щепки рядом со мной зашевелились. Из земли вынырнули косы. Одна, две, три… четыре. Да!

– Вард. – Змей взял косу, вторую бросил здоровяку.

Я вцепилась в оружие сама. Правда все, что смогла – стоять, держась за косу, как за подпорку.

– Вард, убирай щиты. Мартина, держись сзади. Крис, с ней, – раздавал команды Змей, с довольным видом изучая лезвие. – Начали.

Щит Варда исчез. Коса Змея рассекла сеть замешавшегося Кристофа вместе с конечностями нежити. Нежить отпрянула, но, увидев нашего здоровяка без защиты, снова воспылала к нему необъяснимой любовью и ринулась навстречу. Его коса пустилась в пляс. Стейн не отставал. Пара минут – и, шумно дыша, они опустились на одно колено. А нежить медленно исчезала.

Кристоф пнул черепушку. Ему даже не дали помахать косой. Мне тоже.

У купола возмущенно заверещало. Оставшись без армии, бесенок был вне себя. Но не настолько, чтобы погибать во цвете лет.

Едва Крис дернулся к нему, как зверек нырнул под землю.

– Чучело сделаю! – кровожадно пообещал Кристоф, бросаясь к плывущему по полю бугру.

Бугор увернулся от его ноги. Блондин ударил ручкой косы и опять промазал. Поднимаясь, Змей и Вард с интересом следили за погоней. Бес петлял под землей, бугор плыл, Кристоф зверел.

Отодравшись от косы, я замахнулась, чуть не свалилась на спину, но вонзила ее перед бугром. Под землей раздался звонкий удар и визг. Подскочивший Крис копнул рукой и вытащил бесенка. Между рогами пакостника красовалась наливающаяся шишка.

Купол затрещал и рассыпался лоскутами теней.

Мы оказались нос к носу с тренером. За его спиной маячили стражи, судья, сотрудники стадиона, охрана и отряд полиции. Трибуны за их спинами были пустыми, в воздухе не болталось ни одной линзы. Очевидно, зрителей и журналистов эвакуировали, лишив дополнительного развлечения. Наш запас выгнали вместе с ними.

– И реликт поймали, отлично. – Эмерсон заложил руки за спину. – Ну что, сегодня вы все сработали на плюс двести восемьдесят три и тридцать три тысячных. Кроме Кристофа, тебе плюс три. Боевой маг не может позволить себе такой роскоши, как замирать столбом! – Тренер показал на бесенка: – Реликт сдайте хозяйке, она там уже судью до нервного тика довела требованиями вернуть похищенную редкую зверюшку целиком, а не в качестве супового набора. Документы у дамочки на эту прелесть в порядке. И связи тоже. Одно радует: дома она его уже держать не будет. Только в клетке, в уединенном поместье с усиленной защитой. Чтобы точно никто не спер… Не уволок. Кристоф, чего стоим?

Крис козырнул, сунул бесенка под мышку и помаршировал к арке.

– А вы сдавайте орудия труда и грузитесь в катафалк, – не дал насладиться праздным стоянием Эмерсон.

Оставив косы рабочим стадиона, мы со Змеем и Вардом вышли на стоянку у входа.

Утренняя духовозка типа тарантас ждала неподалеку. Водитель пил кофе в кафетерии напротив. Изабель что-то высчитывала, обложившись бумагами за соседним столом. Наш запас наслаждался мороженым на веранде, там же попутно пытался заигрывать с молоденькими посетительницами.

Одна из них приветливо помахала Варду рукой. Здоровяк завернул в кафетерий.

Забравшись в салон духовозки, я рухнула на сиденье у окна. Змей устроился рядом, положил руку на спинку кресла и немного – на мое плечо. Сил убрать заблудившуюся ладонь теневика не имелось. Прислонившись виском к стеклу, я смотрела, как по улице спешат мобили и духовозки. По тротуарам бегут прохожие.

Вард о чем-то разговаривал с девушкой у входа на веранду кафе. Кажется, она была в свите принцессы и ее матери… Та самая фрейлина?

Присмотревшись, я нахмурилась. Из-за проклятия или от усталости во мне проснулась мнительность: казалось, Вард и его знакомая хоть и выглядели парочкой, но ею не были. Скользило в их жестах, в том, как они смотрели друг на друга, нечто… фальшивое? Словно они очень старались, и у них даже получалось. Но все равно чего-то не хватало…

Когда любишь, все иначе!

Моргнув, я незаметно посмотрела на Змея.

Иначе. Я точно знаю. Потому что влюбилась в одного теневика, привыкшего решать проблемы в одиночку… Он уверен: все правда. А я… Обряд вызвал мои эмоции или я сама решила, что дожить до двадцати и не потерять голову от чувств – это невежливо? Не знаю.

Но даже эти чувства выглядят по-другому, не так, как у Варда и фрейлины принцессы.

Они не влюблены.

Надежный, сильный, один из претендентов на роль пажа в тотализаторе Изабель. Вард… Зачем ему разыгрывать любовь с фрейлиной? Чтобы их встречи не вызвали подозрения. Потому что они нужны для чего-то другого… Он и есть паж? Да ладно! Его похождения никак не вязались с характером Варда! А если это все же так? Их роман точно не устроит императора.

И сегодня нежить нападала именно на нашего здоровяка… А в случае с солнечными? Хотели выбить запас из игры или уничтожить его?

– Мартиша. – Змей убрал руку, повернулся ко мне и поймал мою ладонь в свои пальцы. – Нам надо поговорить.

– А давай чуть позже, как приедем? – Я отдернула руку, торопливо стянула перчатки.

Девушка, улыбнувшись Варду, оставила мимолетный поцелуй на его щеке и быстро зашагала прочь. Здоровяк направился к духовозке.

Я сняла всю защиту, с головы в том числе. Не знаю, может, для лучшего эффекта его лучше обнять?

Змей едва заметно поморщился, улыбнулся и согласно кивнул. Поднял руку, приглашая забравшегося в салон Варда сесть рядом.

Здоровяк устроился на сиденье впереди, повернулся к нам и оперся о спинку. Вопросительно посмотрел на Змея, ожидая пояснений.

– Извини, – виновато улыбнулась я, опуская пальцы на широкое запястье теневика, – но нам надо знать, что происходит.

– Это ты сдал Юрга? – сразу с места в карьер начал Змей.

На его щеках ходили желваки, ему, как и мне, не нравилось, что приходится допрашивать друга.

– Нет, – спокойно ответил Вард.

Он осторожно попытался убрать мои ладони. Очевидно, не из страха быть разоблаченным, а из желания направить странную девушку товарища на путь истинный, пока не случилось скандала.

– Ты знаешь, кто сдал Юрга? – перефразировал вопрос Змей.

– Изабель, – пожал плечами Вард.

Не врет.

– Кто была та девушка, с которой ты разговаривал?

– Кто хочет тебя убить?

Вопросы мы со Змеем задали одновременно.

– Фрейлина принцессы. Не знаю. – Вард едва заметно нахмурился, явно начав подозревать неладное.

Надо спешить, пока он не понял, с чего вдруг его тянет на правду!

– Почему тебя пытаются убить? – Змей.

– Ты паж из статей? У тебя роман с принцессой? – Я.

– Потому что император пообещал выдать принесу за победителя Игр. Нет. Они все переврали о паже. Да. Да какого беса происходит?!

Вард снял мои пальцы с руки. Я вздохнула, уныло глядя на Змея. Узнали так узнали!

– Рука принцессы достаточно большой куш, чтобы вначале устроить опасные случайности командам, а потом убрать конкурентов? – пробормотала я.

Не собиралась говорить вслух. Но я вынудила Варда признаться, и проклятие повысило мою правдивость. Вытащив из рукавов и из-за шиворота куртки защитные лоскуты из магии, я спросила, глядя на хмурого Варда:

– Может, сам расскажешь?

Здоровяк запустил в волосы пальцы, пригладил кудряшки и медленно прогудел:

– Расскажу.

Пока я возвращала защиту на коже и натягивала перчатки, он кратко изложил свою историю.

Дедушка Варда был придворным доктором. В его обязанности входило следить за здоровьем фрейлин. Дамы любили приветливого старичка, у которого, кроме пилюль и лекарств, всегда находилось доброе слово для каждой. Но возраст давал о себе знать, носить тяжелую сумку становилось все тяжелее. Ему выделили помощников. Когда у них случались выходные, дед брал с собой внука.

Варду тогда едва стукнуло пятнадцать.

Во время одного такого похода он познакомился с веселой девочкой, которая пряталась за портьерой. Без парадных нарядов и прически принцесса мало походила на свою официальную версию. Они подружились. Стефани довольно долго боялась открыть ему правду. А когда сказала, было поздно: Вард и принцесса давно и прочно полюбили друг друга.

Мать Стефани заметила перемены в дочери. Лаерна Бриар действительно была не просто выжившей в лавине девочкой из городка горцев, она являлась дочерью местного короля. И у ее народа совсем иначе относились к дружбе с простолюдинами.

В крохотных городках, где границы королевства заканчиваются за околицей, лучшие соратники, мужья и преданные друзья выходили

как раз из тех, у кого не было короны. И местные короли легко приближали их к себе.

Но она была фавориткой императора. И не заблуждалась насчет того, что ждет дочь и ее любимого. Принцесса не имеет права на любовь. Она должна выйти за человека, выгодного короне.

Женщина решила им помочь.

Принцесса должна была отправиться в путешествие и там заключить брак с Вардом. Тот самый, по древнему обычаю.

Мы со Змеем переглянулись: хоть кому-то от этого обряда была бы польза!

А Вард продолжил.

Полгода они собирались скрывать это событие. А потом поставить императора в известность. Тем более у матери принцессы имелся козырь.

Император не хранил ей верность, и одна из временных пассий нашего правителя была беременна мальчиком. Родня увезла девушку домой и выдала замуж за парня, влюбленного в нее по уши. И он вполне осознанно собирался воспитывать чужого малыша как своего.

– Жизнь чужого ребенка в обмен на жизнь дочери? – Я поморщилась. – Так себе выход.

– Мы со Стеф решили, что не станем говорить ему о сыне. Хватит того, что Стеф всю жизнь была признанным бастардом, – непривычно многословно отозвался Вард. – Лаерна Бриар поняла бы нас. Мы бы пришли к отцу Стеф и все сами рассказали бы.

– И он бы ничего не сделал… – закончил за него Змей. – Ваши жизни уже были бы связаны.

– Да, – подтвердил Вард.

Но план полетел под откос, как старая духовозка. В него вмешался паж.

Некто инкогнито назначал принцессе свидания, подбрасывал записки с признаниями. Подписывался: «Ваш паж». Бумажки Стефани уничтожала, но все равно очередное послание попало к охране, потом и к императору.

А он решил, что дочь пошла в… него. Случился семейный скандал. Император, мать принцессы, Стефани и охрана. Наш правитель в сердцах пообещал выдать вертихвостку

за победителя Игр. Ведь это правильно, если вспомнить о законах родины матери? Ближе к народу!

А императоры не берут свои слова обратно… они скрывают их наличие.

Принцессу посадили на короткий поводок. Паж продолжал писать. Это тоже скрывали. А Вард не понимал, почему Стефи его избегает.

В проекциях журналистов появились новости о беглом паже.

Начались случайности на Играх.

А потом принцесса нашла способ передать привет Варду через меня. Ее рвение нас увидеть и остальные слова были напоминанием о прошлом пары, о котором знали только они. Вард понял, что победа в Играх – единственный способ снова увидеть принцессу.

– Император не сможет отказать победителю, – улыбнулась я, глядя на непривычно взволнованного Варда, – даже если это рука дочери.

– Но последнее слово за ней, – поправил меня здоровяк. – Даже император не может никого принудить.

Только женить без согласия, тайком, как отца Змея.

Надеюсь, он не настолько зол на дочь? Принцесса заслужила свое «да». Но она его точно лишится, если на Играх останется один претендент на ее руку – «паж»!

– Паж точно среди игроков. У него достаточно средств и связей, чтобы его люди оказались во всех командах, способных дойти до финала. – Змей сделал другие выводы. – Похоже, вначале он не знал о ваших с принцессой отношениях, поэтому тебя, Вард, просто выпихивали из команды. Теперь точно знает, из-за кого она выбрасывает его послания, и пытается тебя убить.

– Откуда он узнал? – Я вспомнила тотализатор нашей брюнетки и сама себе ответила: – Если у него есть средства и люди, он мог проверить всех, кого Изабель выдвинула в список претендентов на руку принцессы… Изабель сделала за него половину работы. Он учится у нас?

– Или его человек, – добавил Стейн.

– Вард должен дойти до победы! – Я улыбнулась здоровяку.

– Как и вы? – спросил он будто между прочим.

– Как догадался? – хмыкнул Змей.

Вард пожал плечами, возвращаясь в привычное молчаливое состояние, и добавил:

– Помогу.

Даже не спросил, зачем это нам. В этом весь он.

Кстати, Стейн ведь тоже очень даже претендент на руку принцессы? Женатый. Неужели нас поженили, чтобы исключить его из списка? Да нет! Тогда и остальных тоже окольцевали бы по всем правилам конспирации. И Варда в том числе. Значит, у вдовствующей императрицы какая-то другая цель. Или у ее доктора была двойка по душевным расстройствам.

– Надо найти крота. – Змей прищурился, глядя в окно.

Тренер выгонял из кафе Оливера и Чарли. Изабель со своими листами топала к духовозке. Водитель шел за ней. От входа в стадион вприпрыжку бежал Кристоф, успевая на ходу отвешивать дамам комплименты.

Раз, два, три – кто ты, говори?

Глава 22

Всю обратную дорогу я продремала на плече Змея. В разлом вошла, зевая. В мобиле, ждавшем нас по ту сторону, я нагло задрыхла, уютно устроив голову на коленях теневика.

В институт мы прибыли в четыре часа после полудня.

Солнце грело зеленеющую землю, птицы радовались весне, а я разглядывала клумбы и газоны чисто с точки зрения сна: вот тут будет неплохо лежаться, а здесь – валяться.

К счастью, Эмерсон отложил выволочку на завтра, ехидно заметив, что у таких амеб, как мы, все его слова пронырнут через протоплазму, не задерживаясь. И отправил нас доходить до состояния многоклеточного организма.

Наш запас понял тренера по-своему. Оливер и Чарли сбежали в город; Кристоф помялся немного и вспомнил, что собирался навестить официантку из ресторации неподалеку; Изабель никуда не сбежала, а, сияя, как новая монета, устроилась на ближайшей скамейке и зарылась в бумажки, периодически что-то отправляя по линзе. Похоже, сорвала куш. Вард утопал в казарму.

Я тоже собиралась к себе, но Стейн поймал меня за руку и уволок в скрытую за зданием полигона рощу. Прижав к дереву, поцеловал. Увернуться от настойчивого, пьянящего поцелуя не вышло. Сонливость как рукой сняло. А когда у нас окончательно сбилось дыхание, Стейн тихо спросил, глядя мне в глаза:

– Ну и почему моя мышка от меня все время убегает?

– Не убегаю, – честно ответила я.

Дистанцию пытаюсь держать… Другом пытаюсь считать, но не убегаю. От него убежишь! Догонит и разрушит простой план продержаться до развода!

– Почему у меня чувство, что ты пытаешься воздвигнуть между нами стену? – Васильковые глаза печально блеснули, Змей невесело усмехнулся. – В чем дело?

– В нас! – не выдержала я. Не могу больше делать вид, что мы друзья. – В обряде! В этом бесовом обряде!

Я толкнула Змея, пытаясь высвободиться из его рук. Не отпустил. Держал крепко, но осторожно. Словно я из тонкого фарфора…

– Это все неправда! – Я рассмеялась, покачала головой. – Все неправда. Это все обряд! Он связывает магию, связывает души! Поэтому тебе кажется, что я тебе нравлюсь! Поэтому я думаю, что люблю тебя!

Стейн немного отодвинулся, но из объятий так и не выпустил. Васильковые глаза потемнели. Он хмуро спросил:

– Мама сказала об обряде?

– Да.

– С ним не все так просто.

– Он не связывает души? – Губы сами сложились в грустную улыбку.

– Связывает. – Стейн коснулся ладонью моей щеки, захотелось прижаться к шершавой коже, но… все это неправда. – Мы ничего не перепутали, Мартиша.

– Это ты так думаешь!

Пальцы теневика накрыли мои губы, заставляя замолчать.

– Обряд связывает души и магию, и это вызывает чувство родства. Оно немного напоминает дружбу. Но обряд не может заставить полюбить, Мартиша. – Стейн покачал головой. – Не может. Это просто древний способ привязать тех, кто не согласен.

– Но твоя мама сказала, что именно из-за связи душ такие браки не расторгают! – с сомнением нахмурилась я. – Обряд связывает и вызывает любовь, если не было чувств.

– Ах вот оно что, – Стейн посмотрел на дерево над моей головой, – ясно.

– А мне нет!

– Причина в другом.

– В чем же?

– Этот обряд довольно варварский. И он… не допускает измен.

– Как это?

Я озадаченно таращилась на Стейна.

– То есть совсем?

– Да. И эту часть обряда по истечении полугода не убрать.

Вот это новость! То есть его отец всю жизнь был верен жене, которую не любил?

– А-а-а… – Я беспомощно развела руками, не зная, как задать бестактный вопрос, без ответа на который так и буду сомневаться. – Твой отец и его жена? А твоя мама?

– Он не прикасался ни к жене, ни к маме, – предельно просто и прямо ответил Змей. Грустно улыбнулся и добавил: – Хотя Лора, его жена, его очень любила.

– Из-за обряда? – У меня включился режим недоверчивого дятла.

– Нет! – рассмеялся Стейн. – Она влюбилась в него сама, мышка. И мне жаль, что Лора не полюбила никого другого…

– Но она же была привязана к твоему отцу? – Рада бы списать неуемное любопытство на проклятие, но это было не оно.

– Любовь бывает разная. – Змей легко коснулся губами уголка моего рта.

– Почему тогда твоя мама не рассказала мне все это, а выдала урезанный вариант? К тому же не совсем правдивый. Зачем солгала?

– Она не лгала. – Он грустно улыбнулся. – Мама ревновала отца. Видела, как Лора его любит, и ей было очень тяжело. Еще и отец не объявлял меня наследником. Настаивал, что это надо сделать после его смерти. Он сильно болел, а не все болезни можно вылечить. Отец боялся, что, когда они с женой умрут, император заберет их состояние, а меня обвинит в самозванстве. Поэтому я, как отец и хотел, появился в самый последний момент, чтобы они могли сделать вид, что я опоздал. Но они передумали, и я все же стал наследником. Но до этого… маме было очень сложно. Думаю, рассказанную тебе историю мама придумала давно, чтобы примирить себя с фактом, что рядом с отцом не она, а Лора.

– Но она ведь не могла не понимать, что лжет самой себе?

– Она понимала это.

– А мне озвучила эту версию, чтобы я не вздумала остаться твоей женой… – подытожила я. – Мы ведь можем разлюбить друг друга, а развестись уже не выйдет…

– Я никогда тебя не разлюблю. – Змей подцепил пальцами мой подбородок, посмотрел в глаза. – Я люблю тебя, Мартиша.

И я люблю. И уже об этом сказала, когда накинулась на него с обвинениями.

Обняв его за шею, я потянулась за поцелуем.

Нацеловались вдоволь, за все время, что я пыталась выдать наши чувства за дружбу. И на пару дней вперед.

Змей проводил меня до крыльца общежития.

В комнату я входила, счастливо улыбаясь. Оказывается, когда любовь взаимна, это не просто крылья за спиной, это небо под ногами!

Навестив душевую, я решила провести остаток дня с пользой. Нацепила на шею обучающий амулет и завалилась спать. Вырвало меня из царства формул и нужных, но нудных размышлений Лангуста жужжание линзы.

За окном отгорал закат, по комнате скользили тени. Сонно щурясь, я нажала на картинку с личиком Ненси.

– Ты как? Тебя не ранили? – выпалила сестричка, нервно теребя прядь у виска.

– А почему меня должны ранить? – пробурчала я, цапнула артефакт и отключила поток формул в голове.

– Так вас же накрыло! Во всех новостных проекциях крутят, как вас черным куполом накрывает! – Ненси оставила волосы в покое и придвинулась к линзе, словно это могло помочь лучше меня рассмотреть. – А потом кошмар такой творился! Купол пытаются пробить, а вы внутри с нежитью, твое лицо во всю проекцию, но все равно видно!

Чего там с моим лицом? Лицо во всю линзу было, только когда я с тренером говорила… Откуда у журналистов запись?

Изабель!

– Всего пару секунд, но я чуть не поседела! – Сестричка стиснула пальцами кулак, взволнованно подняла руки к груди, затем опустила. – Потом вы пропали… Там полиция, люди какие-то, парни, зрителей уводят… Все бегают, что-то делают… А потом вас с косами показали. И все! Ты что, не могла связаться со мной и сказать, что все в порядке?!

Она возмущенно уставилась на меня.

– Я не знала, что журналисты все это сняли. – Как умудрились? – Когда нас вытащили из-под купола, на поле не было ни одного корреспондента, – зевнув, пробормотала я.

– Значит, кто-то додумался спрятать линзу, – пожала плечами сестричка. – Там угол странный такой. С тобой точно все в порядке?

– Абсолютно!

– Ладно, пойду маме скажу.

Чего?

– А с каких пор мама смотрит Игры? – Она же никогда их не глядела! И нам не давала.

– А она не смотрит. – Глаза сестрички сердито блеснули. – Я, как весь этот ужас начался, ей показала. Она пыталась меня выставить, у нее там посиделки с подругами были в честь возвращения одной из них из Квирина. А я им проекцию включила. Посмотрели. Потом меня все равно выставили. Потом мама попросила сказать, что там с тобой.

– Попросила? – недоверчиво переспросила я.

– Ну-у-у… – поморщилась Ненси и нехотя призналась: – Как она обычно просит, ты же знаешь?

– Сообщите мне, дочь моя, если станет известно?

– Ага.

Ненси пригладила ладонью волосы.

– Я побежала.

И отключилась.

Едва линза погасла, как снова заблестела, и на ее поверхности появилась физиономия брата.

Я сплю? Вроде нет… Ущипнув себя за руку, я потерла след от ногтей (больно!) и нажала на картинку.

Бернард молча смотрел на меня с проекции. Его лицо ничего не выражало, однако в глазах промелькнуло облегчение и радость.

– Я цела, – сообщила я.

Братец продолжал изображать безмолвный бюст неизвестного героя в музее.

– Может, расскажешь о проклятии? – предложила я. – Как у тебя получается им управлять? Поделишься опытом?

Проекция моргнула и исчезла – брат решил, что достаточно налюбовался на мое лицо.

Ну и семейка у нас!

Завалившись на кровать, я уснула, напрочь забыв об обучающем амулете. Спать без формул и обрывочных сновидений, которые мозг успевает засунуть между лекциями, было сплошным удовольствием!

Утро подложило мне сюрприз, и это была не розовая хрюшка, а пирожки с чаем. Судя по горе выпечки, Стейн и парни до конца

пятого курса, вплоть до выпускного, будут дежурить по кухне.

Наевшись до состояния той самой хрюшки, я решила, что завтрак в меня точно не влезет, и отправилась на конюшню.

Белла встретила меня радостным тявканьем. Нарезала пару кругов по вольеру. Попросилась на руки, подставила живот для чесания. А потом приволокла мне палку.

– Бросить? – Я покрутила деревянный подарок.

Лисичка радостно подпрыгнула.

Погонявшись за деревяшкой, она вспомнила о привычке жевать перчатки. Но стоило сказать «Фу!», как Белла отпускала мой палец. «Фас!» – и она нападала. Похоже, первую команду мой жутко боевой энфилд освоил еще до старта курса тренировок с ректором!

За развлечением «фас-фу» нас и застал Юрген. Он пришел навестить своего элементаля и по пути занес мне программу ректора, разработанную для наших с Беллой тренировок.

В ней пока было не так много пунктов. Для начала лисичке предстояло научиться по команде сидеть, идти к хозяйке, нападать и носить небольшие предметы. Занятия начинались по возвращении в институт.

– Мы куда-то едем? – Я вопросительно посмотрела на теневика, почесывающего Беллу за ухом.

– Вы едете, – хмуро кивнул Юрг. – Команда.

Его глаза довольно блеснули, по губам скользнула злая усмешка.

– Но не все.

– Почему?

Оказалось, император озаботился происходящим на Играх, и финал пройдет на закрытой территории в дворцовом комплексе. Финалисты приедут заранее. Наша команда, как вышедшая в финал первой, прибудет туда немедленно и проведет в гостевой части дворца пять дней. Наши противники (о них станет известно за два дня до игры) присоединятся позже.

Только основной состав команд и тренер. Никакого запаса.

Гости тоже будут, но их количество ограничено. Плюс от каждого игрока по два родственника. Все приглашенные должны явиться за сутки до финала.

– Изабель наверняка придумает очередной тотализатор, – расстроенно пробормотала я. – Тренер мне ничего не сказал…

Меня не берут.

Обидно вот так, перед самой целью, получить по носу! Вся надежда на Стейна. Но у него всего одна просьба! А нам и нужна одна, мы же вроде разобрались с нашим браком. Но все равно странно вот так ничего не делать.

– Изабель не едет.

Смысл слов Юрга не сразу до меня дошел.

Изабель не едет, я тоже.

– А кто едет? – Я обрадованно улыбнулась, глядя на теневика. – Ты? Тебя восстановили?

Юрген отрицательно покачал головой.

– Изабель выгнали из команды. Она транслировала все, что происходило на арене, незаметно прицепив линзу к углу арки. Несмотря на запрет тренера и полиции.

И теперь ей грозил штраф от полиции и выволочка от ректора, в дополнение к той, что устроил с утра в присутствии Змея Эмерсон.

– Ты в команде, – добавил Юрг, а потом открыто и довольно улыбнулся.

И пояснил.

Эмерсон занят, ищет себе замену на время «отпуска» с нами. Лангуст при всем желании не может прикрыть его занятия на пять дней, а ректор не согласен ставить окна.

Поэтому тренер сгрузил сбор команды на Стейна, а сам укатил в город, разыскивать старых знакомых из военных, способных пять дней читать его записи юным дарованиям. Желательно так, чтобы дарования поняли, о чем речь.

Змея в институте тоже нет. Они с Вардом ищут дом, где официантка Кристофа снимает квартиру. Тот со свидания так и не вернулся, и на линзу не отвечает. Занятия у него должны были начаться сегодня после обеда, поэтому Крис и не торопился. А мы вполне могли остаться без игрока, потому что, согласно приказу императора, за час до полудня должны вместе с небольшим запасом вещей грузиться в присланные мобили.

В общем, почтовым голубем и помощником в перетаскивании чемоданов парни решили сделать Юрга, и он со своей задачей справился. Я все знаю и готова бежать к воротам вприпрыжку!

Юрг, напротив, не видел смысла торопиться.

– Даже если девушка не собирается долго паковать вещи, лучше дать ей на это время, – философски заметил он.

Пообещав зайти за полчаса до отправки, Юрген пошел к своей ассирде. Не удержавшись, я заглянула в вольер, куда заходил теневик.

Его элементаль действительно напоминал большую нелетающую птицу с драконьей головой, увенчанной тремя рогами. Увидев хозяина, она радостно затрясла башкой и стукнула лапой по полу. Каменная плита пошла трещинами. Вот это удар!

До комнаты я добралась, побив все личные рекорды по бегу. Вытащив чемодан, распахнула дверцы шкафа и поняла, что Юрг был прав. Собраться за полчаса, как я хотела, не выйдет! Потому что в голове всплыли старательно вбитые мамой правила этикета. И, согласно им, одеться в первое попавшееся платье и рвануть во дворец нельзя.

В поисках того, что хоть немного соответствует случаю, я провела оставшееся до отправки время. Единственное, что взяла не по правилам, – это длинную тонкую веревку. С ее помощью можно несколько раз обмотать чемодан, если вдруг замок решит взбрыкнуть и открыться. У него такое случалось.

Когда вышла к Юргу, чемодан оказался очень легким, и передавать его теневику не было никакого смысла.

Поняв, что помощь не нужна, Юрг пожелал удачи и ушел.

У ворот мы с чемоданом были первыми.

Василиски тут же повернули головы в мою сторону и начали меня с интересом изучать. Захотелось спросить, давно ли они кукарекали. Может, надо помочь снять заклинание против пения, а то вон как глаза таращат?

– Бегом! – К воротам подлетел Змей, следом мчался Вард, замыкал строй помятый Кристоф.

Пронырнув в приоткрывшуюся створку, парни понеслись в сторону казармы.

Как оказалось, не зря торопились: к институту приближалась кавалькада мобилей. Черный лак блестел на их боках, за сильно затененными стеклами не было видно ничего! Словно к воротам подкатили шесть темных капель ртути, причем сделали они это сами.

Пока мобили парковались, подошел Эмерсон в застегнутом на все пуговицы плаще с портфелем в руке. Следом вернулись парни

с рюкзаками. Совсем не по этикету.

Тьфу! Заклинило меня на нем, что ли?

Я задумчиво потеребила свалившуюся на грудь прядь.

Синие «перья» в волосах тоже не по этикету, но я про них не вспомнила! Вот и нечего тратить время на мысли о том, чему я там соответствую. Я часть команды. И точка.

Водители, выйдя из мобилей, рассадили нас по одному. И кортеж тронулся.

Шумные улицы столицы быстро остались позади. Мы проехали через ворота в белой мраморной ограде, окружающей дворцовый комплекс, Санердаль. В его центре стоял одноименный замок, резиденция императорской семьи.

Парки, фонтаны, зеленые лабиринты, арки, статуи, светлые здания, беседки, искусственные озера с лилиями мелькали за окнами. Только привык к одному виду, как его уже сменил другой, более захватывающий.

Когда мобили остановились у белого двухэтажного здания с барельефами, я знала, что вечером будет болеть шея. Она ведь у меня не совиная! Не рассчитана на то, что ее попытаются вывернуть под немыслимым углом!

Водители передали нас с рук на руки мажордому в светлой ливрее. Он сообщил, что вещи отнесут в наши личные апартаменты, а вот нам придется задержаться и пройти осмотр. Император пожелал убедиться в нашем физическом и магическом здоровье. До осмотра нас рассадили по отдельным комнатам на первом этаже, неподалеку от входа.

В светлом помещении было уютно и прохладно. На столике с гнутыми ножками стояли закуски и вода. Но кусок не лез в горло: вдруг меня признают нездоровой в магическом плане? Я ведь немного проклята. Правила не запрещают таким, как я, участвовать в Играх!

К счастью, долго ждать не пришлось.

Мажордом проводил меня дальше по коридору в зал, напоминающий больничную смотровую с несколькими ширмами.

За столом в центре сидел неприметный мужчина неопределенного возраста. На стуле рядом с ним – секретарь с кипой бланков. Сбоку от них устроился Эмерсон.

Меня поочередно отправили за каждую ширму. Мама, конечно, заботилась о нашем здоровье, но доктора императора осматривали особенно тщательно. Проверили все: от зрения до переносимости продуктов.

Адептка Леннет была признана здоровой.

После докторской инквизиции наступила время инквизиции магической. Маг допрашивал, опрашивал, прикладывал ко мне артефакты.

Вердикт был ожидаем: нейтральная искра, магия бытовых и прикладных заклинаний, никаких сбоев, все работает как полагается.

За последней ширмой меня встретил проклятийник: мужчина лет пятидесяти с короткой острой бородкой. В ответ на мою нервную улыбку он заверил:

– Не волнуйтесь, это не займет много времени.

С его пальцев потекли тени, тьма окутала меня прозрачным коконом магического тумана.

Я забыла, как дышать: сейчас все выяснится, и меня выгонят! Надо что-то сделать…

– Простите, я хочу вас предупредить… – Я медленно вдохнула, стараясь, чтобы голос звучал ровно, и посмотрела через колышущуюся завесу на мужчину. – Я проклята. Но это не запрещено правилами Игр.

– Да, все верно, – согласился проклятийник. Тени рассеялись. – Но проверить происхождение вашего проклятия все равно придется.

Проверить происхождение? Зачем? Как? Он что…

– Вы можете его снять? – едва слышно, боясь спугнуть удачу, спросила я.

– Безусловно. – Он взял перо, начал заполнять бланк. – С личного разрешения императора.

– Но почему? – вырвалось у меня. – Что мешает вам просто его снять?

Проклятийник оторвался от записей, с сожалением посмотрел на меня.

– Мне мешает тот факт, госпожа Леннет, что подобные проклятия ставятся только с личного разрешения королевской семьи. И снимаются они тоже только по разрешению императора.

Я сползла по спинке кресла, руки безвольно опустились.

Вот это новость!

Получается, первая проклятая Леннет чем-то разгневала императора? И отец не лгал, когда сказал, что его не могут снять? А его стремление стать ближе к короне? Не только для дела? Но почему тогда таких, как я, счастливиц, не использовали на благо короны? Мы ведь очень нужные…

– Мы изучим архивы, – возвращаясь к записям, ровным тоном продолжал проклятийник. – Если к вашему проклятию не прилагается запрет на нахождение во дворце, вы останетесь.

– Еще и запрет? – Я тихо рассмеялась. – Извините.

– Может быть все что угодно, – терпеливо пояснил проклянийник.

«Вы везучая, как нежить!» – повисло в воздухе.

И меня выставили к тренеру.

Некоторое время я топталась под взглядом трех мужчин. Потом секретарь собрал документы и передал неприметному человеку. Он посмотрел, покивал. Показал Эмерсону один из листов.

– Это не запрещено, – заявил тренер.

О, я даже знаю, по какому поводу он это сказал!

– До выяснения подробностей о вашем проклятии, госпожа адептка, – произнес таким же бесцветным, как лицо, голосом «неприметный», – ваше пребывание в команде остается под вопросом. Можете идти.

Эмерсон проводил меня взглядом из разряда «закопаю, воскрешу и снова закопаю». От публичной выволочки меня спасло лишь то, что ему было необходимо присутствовать на осмотре остальных членов команды.

Но пугал не гнев тренера. Впереди опять была неизвестность. И я не могла ничего сделать, чтобы изменить ситуацию. Вообще ничего!

Разве что попробовать отвлечься и вычислить крота? Тем более претендент остался всего один… И мне совершенно не верилось, что это он!

Глава 23

Едва я вышла из зала, как меня встретил мажордом, вежливо поклонился и проводил на второй этаж, в выделенные апартаменты.

Белая с позолотой дверь вела в гостиную. Уютную, бежево-розовую, с диванами, мягкими креслами и окном во всю стену. Преобладали цвета чайной розы и белый. С одной стороны от нее находилась спальня. Там тоже было панорамное окно. Стояла большая кровать, туалетный столик, пуфики, большой платяной шкаф. Из нее можно было попасть в ванную комнату и уборную. С другой стороны от гостиной была столовая со столиком и стульями с мягкими сиденьями и спинками. Из окна открывался шикарный вид на территорию дворца. В стене обнаружился лифт для подачи еды.

Можно заказать еду в любое время дня и ночи, положив лист с названием блюда внутрь короба и повернув рычаг на стене. Через двадцать минут заказ приедет к тебе.

– Здесь есть все необходимое, госпожа Леннет, – заверил мажордом. – Вы проведете тут пять чудесных дней, – с нажимом на «тут» добавил он.

– Только тут? В комнатах? – переспросила я.

– Да, госпожа, вам нельзя их покидать. – Мужчина показал на рычаг у двери гостиной, который я не заметила. Оказалось, что, если мне потребуется что-то, кроме еды, достаточно его повернуть, и я буду иметь честь видеть мажордома.

Меня заперли. Или арестовали до выяснения подробностей о проклятии? Или не только меня?

Едва за мажордомом закрылась входная дверь, я вытащила из кармана линзу. Про запрет общаться через артефакт не было сказано ни слова. Но я все равно волновалась, пока искала картинку с лицом Стейна, а потом маршировала по комнатам, ожидая ответа.

Когда я почти убедила себя, что стала единственной узницей Санердаля, над линзой появилась проекция.

Затормозив посреди гостиной, я сообщила Змею:

– Меня заперли.

– Нас тоже, – улыбнулся он. – Я через стенку столовой от тебя. Кристоф под твоими комнатами. Вард под моими. Тренер с другой стороны от твоих комнат.

– Его тоже заперли? – Я недоверчиво покачала головой. Не верю, что Эмерсон так просто согласился сидеть взаперти пять дней!

– Нет, но за ним будут присматривать. Он может гулять по территории и навещать нас. – Стейн хмыкнул. – У Эмерсона чуть пар из ушей не пошел, когда ему сказали, что мы будем мариноваться в комнатах пять дней. Он сразу заявил, что взаперти мы обрастем жиром, как отборный окорок.

– Что ему ответили?

– Что, если его адепты обрастают жиром за столь короткий срок, нам нечего делать на Играх.

– Похоже, у нас каникулы, – рассмеялась я. Очень странные каникулы. Мы пленники четырех стен, а мое пребывание на Играх вообще под вопросом. – Стейн, они узнали, что я проклята. И еще… Это проклятие от короны.

– Неожиданно, но многое объясняет.

– Например, то, что моя семья его так и не сняла… – Я поймала синюю прядь, покрутила. – Зато они придумали, как использовать его с выгодой для себя.

– Больше никто никого не будет использовать. Мы победим, – оборвал мои размышления вслух Змей.

– Меня могут отстранить. Так сказал неприметный господин.

– Глава тайной службы императора часто говорит чересчур прямолинейно и преувеличивает масштаб проблемы. Так он проверяет реакцию собеседника.

Если так, то все отлично. Наверное.

– Ты его знаешь? – Я удивленно уставилась на Стейна.

– Отец служил императору, был в личной охране, – поморщился он. Ему было неприятно вспоминать.

– По крайней мере, если меня выкинут, останешься ты! – Я улыбнулась. – Брак ведь ничего страшного нам не сделает…

Последние слова прозвучали с сомнением. Я все никак не могла привыкнуть к мысли, что Змей на самом деле меня любит. Сам, не из-за обряда. А проклятие радостно тащило наружу бардак, который творился у меня в голове.

– И вообще, есть и хорошая новость: у нас остался один кандидат в кроты. – Моя жизнерадостность закончилась. – Но я не верю, что это Крис.

– А я не верю, что паж мог вылететь из Игр. Слишком много усилий, чтобы он позволил себе промах в конце. – Змей потер висок пальцем. – Но и Кристоф мне кажется не самым лучшим вариантом на роль пажа.

– Мы потеряли злодея? – Я огляделась и уселась на кресло, что стояло ближе к окну. – Может, он в другой команде?

– Возможно.

– Кто остался из претендентов на финал? – деловито осведомилась я.

Остались две команды: Полицейской высшей магической школы и солнечные.

Кто из них выйдет в финал, станет известно через три дня. Пока в составе команд было слишком много тех, кто подходил под пажа. Родовитые, с деньгами, связями, с теоретической возможностью найти способ передавать записки во дворец… Весь основной состав.

Восемь пажей – явный перебор! Точнее, пажей вышло семь. Один из основных игроков Солнечной академии был под вопросом по состоянию здоровья. Кто займет его место – неясно. В запасе недобор. Журналисты повторяли на разные лады сплетню, что академия ведет переговоры с кем-то из выбывших сильных игроков.

А все тлетворное влияние нашего института!

Ведь раньше он был просто Институтом теневой боевой магии. Но ректор решил, что принимать и обучать только темных невыгодно. Боевую магию могут освоить не только они. Двадцать лет назад название изменилось на «теневой и боевой». И среди студентов появились те, у кого два дара. А потом и нейтральные маги. Ректор оказался тем еще выдумщиком.

И вот от него заразился руководитель солнечных.

Название пока прежнее, но, говорят, в этом году к солнечным начали брать небольшое количество магов других направлений. Возможно, это сделано только для того, чтобы в случае необходимости привлечь чужих игроков.

Мне категорически не нравились эти слухи. Особенно слово «переговоры».

Бродвигцы вон договорились до Бернарда в составе.

Не хотелось бы увидеть братца в финале. Может, я просто нервничаю, вот и мерещится Бернард за каждым кустом! А у нас тут семь злодеев, между прочим!

– Надо найти способ проверить Кристофа до финала, чтобы точно знать, ждать ли подвоха, – откинувшись на спинку кресла, пробормотала я спустя час изучения проекций, найденных в новостных службах.

– Значит, придется проверить, что я могу удержать, а что нет. Время у нас есть, – отозвался Змей. В васильковых глазах горела решимость проверить все заклинания на нашей импровизированной тюрьме.

Если его поймают, наша команда точно проиграет, оставшись без командира. Надо что-то простое и действенное… И времени у меня нет – нужно успеть раньше Стейна!

В дверь постучали. Змей пообещал связаться по линзе, если обнаружит что-то интересное в… интерьере. А в мою комнату шагнуло возмездие в лице тренера.

Увидев мрачное лицо Эмерсона, я торопливо сунула линзу в карман, подскочила с кресла и выдала:

– Я вас слушаю, сэр!

– Нет, это я вас слушаю! – отрезал тренер, усаживаясь в кресло напротив.

И, не дожидаясь, пока я соображу, с чего начать, он сам начал препарировать меня с видом прирожденного некроманта, которому подарили в коробке с ленточкой редкую нежить. Безответственную, скрытную, самоуверенную, совершенно не думающую о команде, ошибку обмена адептами. Бытовушку.

– Простите, сэр, – влезла я в прочувствованную речь Эмерсона, – но вы сами сказали, что вас не волнуют причины. Главное – мотивация.

О тени и солнце! Опять проклятие меня в колючие кусты правды утащило!

– На будущее, Леннет: если решили бить правдой кому-то в лоб, не останавливайтесь! Выдавайте все, что есть. Часть правды мало кого

смутит. Ее всегда можно повернуть нужной стороной, – совершенно спокойно посоветовал Эмерсон, вынул из кармана знакомый амулет, бросил мне. – Обучайтесь. Все равно будете дрыхнуть, как медведь зимой, так хоть с пользой! За ответ плюс два, за то, что забыли сказать о проклятии, минус двадцать!

Я ошарашенно смотрела, как за Эмерсоном закрывается дверь. Интересно, каким чудом адепты с такими оценками вообще остаются на курсах, а не вылетают стаями?

Остаток дня я изучала комнаты. Точнее, заклинания на них. Они тут были везде: на стеклах окон, сеткой перекрывали раму, если открыть створки, пленкой закрывали входную дверь, стоило ее распахнуть… Защитили нас от окружающего мира капитально! Даже обидно! Кристоф всего этажом ниже, прямо под моими комнатами, а ему ни руку пожать, ни обнять.

Зазвенел колокольчик кухонного лифта: приехал ужин.

Забирая его из продолговатой ниши, я озадаченно замерла. Завтрак и обед проглотила не заметив, слишком занимали меня заклинания. А стоило быть внимательней!

Перетащив поднос с ужином на стол, я бросилась к нише.

Деревянные створки были сверху и снизу, закрывались медленно. Стоило повернуть рычаг, как короб за стеной с тихим шелестом ехал вниз.

Вниз!

Мысленно считая секунды, я выяснила, что до подвала, откуда нам доставляют блюда, полторы минуты. Значит, до выхода из лифта в столовой Кристофа – тридцать секунд.

Взяв со стола нож, я попыталась разжать створки, но только придала серебру новую, волнистую, форму. Лифт открывался-закрывался, поднимался-опускался рычагом. То есть попасть в шахту нельзя. В короб по ширине пройду, а вот по высоте сложиться не выйдет. Я давно не мелкий кошмар нянек, сбегающий через дверцу для кошек на кухне, чтобы посмотреть на устройство колес нового мобиля отца.

Отправив погнутый нож на стол, я подняла лифт и сунула голову внутрь.

Выход из шахты на кухню наверняка закрыт магией. А вот у Кристофа, как и у меня, нет. Зачем? Наши комнаты как крепость –

дальше нижнего или верхнего этажа не сбежишь.

Я старательно изучила дно короба. Хорошая древесина, сухая. Постучала пальцем, прислушиваясь. Не слишком толстая. А защитили ее от короедов и гнили…

Задумчиво потрогав полированное дерево, я вынырнула наружу и повернула рычаг, закрывая створки.

От души поужинав, отправила вниз посуду с запиской. Пункт первый: просьба, чтобы делали мясо помягче, а то весь нож погнула, пока резала. Пункт второй: мне до крайности хочется острого супа! Большую тарелку, самую большую!

Озадачив поваров просьбой, я просидела в ванне до полуночи. Выплыла, откопала на полках шкафа веревку для обвязывания чемодана, майку и шорты, в которых спала в конце весны и летом. Облачившись в пижаму, я оставила перчатки на кровати и сняла защиту с кожи. Скрутила волосы на затылке в пучок.

Погасив везде свет, соорудила из подушек на кровати подобие спящего тела и, поджимая пальцы на ногах, чтобы не сровнять ими все углы, подтащила стул к кухонному лифту.

Остывший острый суп ждал меня в коробе. Очень большая тарелка. Блюдо темной жижи с сильным ароматом перца.

Привязав веревку к рычагу, я подергала конец, проверяя прочность узла. Со вторым концом в руках забралась на стул. Сунув голову в лифт, запустила оранжевые огоньки под тарелку. Под ней ярко вспыхнуло заклинание разогрева. Затрещало дерево. Цапнув посудного монстра, я быстро поставила его на сиденье, приподнялась на руках и сунула ноги в дыру, образовавшуюся от провалившегося вниз днища. Упираясь ногами и руками, я влезла в шахту и дернула за веревку. Створки закрылись.

Вот он, момент истины. Снаружи их не открыть. А изнутри?

Я нажала на деревянные половинки, они послушно разъехались.

Да!

Торопливо заскользила вниз, стараясь растопырить все, что топорщилось, потому что вряд ли дежурный повар в подвале будет рад, если я вывалюсь к нему!

Створки лифта у комнаты Кристофа открылись легко.

Выпав в полумраке столовой, я рысью, сшибая на ходу углы и тихо ругаясь, понеслась в спальню.

На кровати в позе звезды спал Крис. К счастью, он не страдал экзотическими привычками вроде отдыха нагишом. На Кристофе имелась пижама. Рубашка и брюки.

Говорят, что женщины страшны тем, что неожиданны, как цунами.

Сегодня я была очень страшной женщиной.

Забравшись на кровать, дернула Кристофа за ворот, крепко обняла и выпалила:

– Ты паж?

От моих объятий мертвый бы проснулся. Но не Крис! Он сонно забормотал, попытался отстраниться.

Вот кто медведь зимой, а не я!

А у меня там скоро дежурный повар запах гари учует из лифта, и мне в это время надо быть у себя.

Уронив соню на подушку, я отвесила ему оплеуху. Кристоф сел и проснулся одновременно. Потянулся к светильнику на стене. Я перехватила его руки, вцепилась в запястья.

– Это я.

– Мартина? Ты чего тут?

– Не важно. Отвечай. Быстро. Ты писал письма принцессе?

– Было дело, – зевнул Крис. – Откуда ты знаешь?

– Отвечай.

Я замерла: он?

– Мне лет пять было. Я ее тогда первый раз увидел. Потом два месяца строчил стихи… А что?

Не он?

– Ты хочешь на ней жениться?

– Да. – Кристоф почесал щеку. – А кто не хочет? Она же лапочка, прелесть какая!

Я его сейчас побью!

– Ты паж?

– Хотел стать, но отец голову пообещал оторвать. Он их… В общем, он их слегка не мужиками считает.

Со стороны столовой потянуло гарью. Пора бежать. Надо еще кое-что спросить, чтобы точно.

– Ты подстраивал несчастные случаи командам?

– Каким командам? – не понял Крис.

Не он!

Запах гари стал насыщенным, хоть ножом режь.

Слетев с кровати, я ринулась в столовую. Засунула голову и руки в лифт. Пальцы соскользнули, глаза защипал дым. Я, точно в прорубь, нырнула вниз. Пытаясь затормозить падение, растопырила локти. Ободрала в кровь. И тут меня поймали за ноги чуть выше щиколоток.

– Держу, – пропыхтел Кристоф.

Снизу скрипнуло, вспыхнул свет. Мы с Крисом замерли.

В открывшийся светлый квадрат заглянул господин с аккуратной белой шапочкой на лысой голове. Как она там держалась – история умалчивает. У лица повара вспыхнули солнечные огоньки. Они поднялись, освещая меня, головой вниз висящую в шахте. И Кристофа, с трудом влезшего в нее и сжимающего мои щиколотки.

Попалась!

Я без перчаток, а теневик держит меня прямо за голую ногу! Я боялась, что выгонят Стейна? Теперь выгонят нас с Крисом! Если только не сказать правду?

– Что вы делаете? – озадаченно спросил повар.

– Вишу. – Я пожала плечами.

– Держу, – пробурчал Кристоф.

К счастью, держать на вытянутых руках гирьку вроде меня и толкать длинные речи ему было проблематично.

– А как? – Повар тоже красноречием и точностью вопросов не блистал.

– Суп холодный! – Я показала пальцем куда-то в район своих ног. – Заклинание подогрева активировала, а это горит! Я тарелку туда, сама сюда и вот!

– А вы как ее?.. – повар посмотрел на Криса.

– Гарью воняло, еле успел, – выдал тот.

Сверху, потрескивая, горела кабинка лифта, на наши головы сыпались искры.

– Да погасите вы ее! – возмутилась я, пальцами сбивая огонь с занявшейся пряди, выбившейся из пучка. – И вытащите меня отсюда, страшно ведь!

Действительно страшно.

Кристоф заволок меня к себе. Отскочив от него на шаг, я попросила:

– Не говори, что я к тебе приходила.

Крис кивнул.

Во входную дверь уже влетал мажордом. Одетый с иголочки, словно спал стоя и при полном параде.

– Госпожа Леннет, что с вами произошло? Повар сказал, вы пытались подогреть суп, сожгли лифт, хотели его потушить и провалились в шахту? – выпалил он на одном дыхании.

Я прикусила губу: говорить хотелось зверски и только правду.

– А я ее поймал! – спас меня от позорного признания Кристоф. – Что у вас за лифты для посуды такие огромные? А если бы принцесса туда провалилась?

Мажордом побледнел и пробормотал:

– Лаерны раньше не пытались греть суп в кабинке… Для этого на столиках есть специальные вставки, они не горят.

Со стороны столовой доносились голоса, кажется, кто-то магией гасил пожар снизу, потому что из слуг в комнаты игроков может зайти только мажордом.

Поднимаясь вслед за ним, я старалась не думать, что расхаживаю по дворцу в майке и шортах.

Едва мажордом открыл входную дверь, как я рысью бросилась в столовую. Лишь бы веревка сгорела!

На ходу зажгла свет сразу во всех комнатах, бросив оранжевые огоньки под потолок.

На рычаге болтался тлеющий огрызок веревки. Отодрав, я сунула компромат в суп, густая красная жижа отлично его замаскировала.

– Вот! Суп целый! – гордо сообщила я мажордому и с тарелкой пошла к столу. Взяв ложку, отправилась в спальню.

Накинув халат, устроилась на пуфике с деликатесом, от одного аромата которого слезились глаза.

Некоторое время спустя в спальню заглянул мажордом и вежливо сообщил, что все исправлено. Пожелал приятного аппетита.

Отсалютовав ему ложкой, я сунула ее в рот. По языку растекалась обжигающая лава, из глаз брызнули слезы. Едва за мажордомом захлопнулась входная дверь, как я понеслась в ванную.

Столько воды в жизни не пила. И все равно во рту немного пекло.

Без малейших угрызений совести я вылила суп с приправой из веревки в канализацию. Отправив тарелку вниз на залатанном

лифте, я погасила свет, забралась под одеяло и взяла линзу.

– Это не Кристоф! – просипела я простуженным голосом, едва перед лицом появилась проекция Стейна.

В ответ на удивленный взгляд описала свои приключения.

– Надо привыкать, что моя девушка так и норовит меня обойти, – улыбнулся он, дослушав до конца.

– Если только немного.

* * *

Следующие три дня прошли в состоянии расслабленного беспокойства.

Тело отдыхало от тренировок, нежась на диванах и отмокая в ароматной пене ванны. А в голове металось: вдруг меня выгонят из-за проклятия? Отвлечься можно было двумя способами: погрузившись в учебный сон и поговорив со Змеем по линзе. Я исправно пользовалась обоими.

На третий день стало известно, что нашими противниками в финале будут солнечные.

Их также проверили и заселили к нам. Под такой же арест. Кто стал новым игроком взамен снятого по стоянию здоровья, ни газетчики, ни мы не знали.

После приезда солнечных Эмерсон обошел нашу команду и лично пообещал каждому кары преподавательские в случае проигрыша. Мне – лично проконтролировать, чтобы я училась в институте и никуда не ушла. Я была не против. Тогда тренер добавил, что будет сам контролировать всю мою учебу… А это уже была страшная угроза!

На четвертый день нашего заключения позвонила Ненси. Она злилась и ругала организаторов и отца: он взял на финал маму. Но сестричка нашла выход.

– Я пять линз купила! Запущу все и буду смотреть сразу все проекции! – заявила она.

– Косоглазие не заработай! – беззлобно подколола я сестричку. И тут же с удивлением спросила: – А как папа пропустил твою покупку?

Отец контролировал ее траты и вряд ли разрешил бы купить столько артефактов. Одно дело нужные молодой девушке на выданье платья, одобренные мамой, другое – линзы в таком количестве.

Ненси закусила щеку, отвела взгляд.

Та-ак!

– Откуда деньги? – обеспокоенно спросила я.

– Мне котик помог, – едва слышно призналась сестричка.

Уже хочется этому котику хвост оторвать!

– Куда ты влезла, сестричка? Пять линз – это же… Такие подарки просто так не дарят!

– Да не дарил он! – обиженно огрызнулась Ненси. – Знаю я, не маленькая! Он мне через знакомую помог часть денег вернуть за заказ в ресторации, я на них… маскировку купила: парик, платье попроще. Я в салон устроилась, туда, где лаернам образ подбирают.

Глаза сестрички радостно заблестели.

– У меня получается!

– Ты устроилась на работу? – Меня душил смех.

– Да.

Ну, Ненси! Папу ждет сюрприз! Ни одна из его дочерей не хочет быть идеальной лаерной!

– А с котиком познакомь, – строго сказала я. Я же все-таки старшая. Мало ли! Какие-то хищники решили сестрице помочь!

Ненси показала мне язык.

– Познакомлю.

И отключилась.

На утро пятого дня, когда мажордом принес совершенно новую, с иголочки, форму для соревнований, я была готова просить его отвести меня к «неприметному» господину. Только бы узнать вердикт!

– Вам просили передать. – Мажордом протянул запечатанный конверт.

Внутри оказалась написанная мелким почерком записка. В ней сообщалось, что мое проклятие было наложено по приказу принца Джонатана Пятого. Причины наложения проклятия из архива изъяли. Зато имелся запрет на ведение дел с моей семьей. Но так как он касался лишь финансовых отношений, это не является препятствием для зачисления меня в качестве игрока.

Торопливо вытащив линзу, я нашла картинку с лицом Змея, нажала и, едва замерцала проекция, выпалила, смеясь от счастья и облегчения:

– Я остаюсь в команде!

Время до вечера прошло в состоянии эйфории.

Едва солнце село, как линза зажужжала, и на ее поверхности появилась сосредоточенная каменная морда.

Едва я нажала на портрет, как Ру́би рыкнула:

– Общайся!

И передо мной появилась проекция Беллы. Лисичка радостно затявкала и завиляла всем телом (небольшой размер позволил ей уместиться полностью, а то, что пришлось сидеть на каменной ладони, ее ничуть не смутило).

– Ты моя прелесть, соскучилась? – улыбнулась я.

– Еще бы не соскучиться! – пробормотала горгулья, оставаясь за пределами проекции. – Она чуть бунт не устроила!

– Что?

– Бунт, – ворчливо повторила Ру́би.

Лисичка гордо тявкнула.

– Как бунт? – озадаченно переспросила я.

Оказалось, что в самом прямом смысле этого слова.

Юрг в качестве единственного хозяина хвостатую мелочь не устроил. И она выбралась из вольера, прошмыгнула мимо ног смотрителя и отправилась искать меня. А так как Белла не знала, где именно обитают пропавшие хозяйки, она проверила вольеры. Поставила на уши зверье, заручилась поддержкой элементалей. И на территории института случился первый в истории митинг волшебного зверья с требованием показать назойливой лисичке ее хозяйку.

Вот меня и показали.

– Не бойся, я не пропала, – я провела кончиками пальцев по воздуху у морды лисички, – я скоро вернусь.

Белла радостно тявкнула. Горгулья закатила глаза и отключилась.

Но на ней желающие пообщаться со мной не закончились.

На следующее утро, когда я, одетая в форму, нервно мерила комнаты шагами, ожидая прихода мажордома, на линзе появился портрет Изабель. Стоило нажать на него, как она выдала:

– Ты моя последняя надежда! Скажи, ты сможешь пронести к разломам мои линзы?

– К каким разломам? – Я непонимающе покачала головой.

– К тем, через которые вас будут кидать по самым опасным местам Фридхольма, – торопливо пояснила Изабель.

– Как так – кидать? – Я хлопнулась в кресло и хмуро уставилась на повелительницу ставок и выгоды. – Ты вообще о чем?

– Молча! Или ты думала, вас опять ждут просто иллюзии?

– Да.

– Никаких иллюзий, – окончательно запутала меня Изабель. – Вы будете переноситься через разломы в самые опасные места королевства, так тренируют личную охрану императора. Так будут вас испытывать. Сюрприз от нашего правителя, для зрелищности.

– Ничего себе!

– Так возьмешь мои линзы?

– Нет.

– Да что ж вы все такие принципиальные? – возмутилась Изабель. – Крис – и тот отказался! А он на подпольных боях самые зрелищные поединки устраивает, между прочим! Ладно, найду кого-нибудь другого.

Проекция с лицом Изабель исчезла.

Я потянулась к линзе, собираясь спросить у Змея, что там за история с разломами, но не успела: пришел мажордом.

Глава 24

– Госпожа Леннет, вам придется снять перчатки и защиту. – Маг, определявший мою силу и ее стабильность по прибытии в Санардаль, с сожалением развел руками.

Я стояла в светлой комнате, где было девять дверей и два десятка углов, и с надеждой переводила взгляд с мага на тренера, с него на проклятийника, и обратно.

Эмерсон едва заметно, отрицательно покачал головой.

Как же не вовремя наш правитель решил воскресить одно из отмененных правил, запрещающих любые артефакты! А ведь еще вчера они были разрешены! Те из них, что не влияют на силу игрока, его товарищей или противников. Вроде тех, что доктора ставят при аллергии, или моих перчаток, блокирующих проклятие…

– Вам будет не до вашего проклятия, – успокоил проклятийник.

Я стянула перчатки, затем защиту с рук, дернула за нитку и начала отстегивать ошейник, на котором держался «чулок» для головы.

Троица мужчин равнодушно следила, как я ловлю непослушное плетение, норовящее соскользнуть в декольте традиционного платья. В отличие от моих перчаток его никто отменять не собирался. Хорошо, что брюки, сапоги и куртка тоже остались традиционными.

– Если обе команды начнут нести правду во имя правды вместо того, чтобы соревноваться, я вас предупреждала, – пробурчала я, передавая магу перчатки и защиту.

– Вряд ли об этом кто-то узнает. – Проклятийник показал на одну из дверей за спиной мужчин. – Все проекции будут жестко редактироваться перед показом.

– Да здравствует цензура! – выдала я и виновато развела руками. – Я говорила, что без защиты я очень правдивая.

– Идите. – Маг показал на четвертую от входа дверь.

За тремя уже ждали начала игры Змей, Вард и Кристоф. По жеребьевке наша команда первой шла к месту, откуда нас забросят в закрытый комплекс с целым букетом разломов, ведущих в разные части Фридхольма, там будет проходить состязание. Точнее, оно будет

проходить в местах, куда нас отправят через разломы. Вначале в одно, потом в другое, потом как повезет…

– Идите, – повторил маг.

Одернув рукав куртки, я вошла в комнату.

Помещение напоминало тренировочные залы полигонов института: ни окон, ни дверей, только пара вмурованных в потолок светильников. Помимо них, имелся стул и проекция с именами окончательно одобренных игроков. То есть попавших в такие же комнаты.

Пока там была наша команда и капитан солнечных, блондин с тяжелой челюстью. У него был один дар: дар солнечной магии. Дальше моргали три пустых прямоугольника.

Решив, что стулу нехорошо стоять без дела, я устроилась на мягком сиденье. Пальцы дрожали, ладони вспотели. До финала осталось всего ничего. Неужели я дошла? Дошла. И не могу проиграть. А значит…

Глядя на моргающие прямоугольники, я вспоминала утреннюю речь главы судейского комитета. Нам прислали проекцию, в которой приятный мужчина в возрасте подробно и обстоятельно рассказывал о том, что нас ждет в финале.

А ждало нас много чего интересного.

Досмотр перед игрой, не такой тщательный, как вначале, но имелся. Потом нас размещали в комнатах ожидания. Там мы ждали, пока всех игроков досмотрят и распихают по полочкам… По помещениям.

Из этих помещений нас при помощи банальных тоннелей переместят в закрытый комплекс. Как косы скелетов. Не в комплекс вообще, а к конкретному разлому. Вот прямо впритык. Либо ты шагаешь в него и оказываешься… где-то, либо ты проиграл. Обычно там тренировалась личная охрана императора, но иногда проходили финалы Императорских магических игр. Случалось это славное событие тут всего пять раз… очень давно. Тогда еще не было линз. А места, куда нас могли закинуть, даже по описанию судьи, были специфическими…

Каждое место обнесено снаружи защитой, чтобы туда случайно не сунулся заплутавший путник, а внутри опасно и полно нежити. По словам нашего «экскурсовода», если вы в горах, вполне можете

попасть под сель… или в зубы к какому-нибудь ледяному гаду. Таких мест для тренировок имелось около пятидесяти, какое и кому достанется, неизвестно. За нами будут наблюдать, конечно, куда без этого? Съеденные участники Игр испортят имидж правителя. Только вот успеют наблюдатели нас вытащить или нет – большой вопрос.

Да, император обеспечил зрелищность финала по максимуму!

Пустое окошко в списке солнечных моргнуло, и я отвлеклась от мыслей.

Второй игрок оказался рыжей девушкой с коротко остриженными волосами в зеленую крапинку. У нее было два дара: солнечный и магии расчетов. Вот бы с кем Изабель посоревноваться! Но она предпочла прибыль от тотализатора. А мне очень хотелось верить, что жребий не выберет меня в противники рыжей.

Да, нас ждала еще одна жеребьевка.

Команда против команды – это скучно, поэтому финал иногда проводился в более зрелищном (да, опять в зрелищном!) режиме. Игроки бились один на один, параллельно пытаясь не стать закуской нежити. В нашем случае еще и стараясь не сгинуть под природными явлениями типа лавины, ливня и прочего… Победил – тебя перекинут к разлому, и дальше новый разлом и переход к свободному игроку. Оказался равным противнику – обоих отправят к новым соперникам. Если таковых нет – к товарищам, которые не успели закончить бой. Помогать или ждать очереди, судья не уточнил.

И последнее: записи проекций перед показом приглашенным гостям, а потом и остальной публике, будут проверены и отредактированы, дабы не порочить облик игроков непечатными высказываниями. Или ненужной информацией.

В общем, Ненси зря злилась, что отец не взял ее. И она, и родители увидят один и тот же вариант боя. Только первые чуть раньше, в уютном павильоне для гостей.

Еще одно окошко на проекции моргнуло. Солнечный оказался с двойным даром: кроме дара света, у него были способности к прикладной магии!

Похоже, ректор Солнечной академии действительно решил подражать нашему!

Последнее окошко моргнуло, и я не поверила глазам: с проекции на меня смотрел Бернард!

Не успела удивиться, как картинки с лицами завертелись, потом замерли и начали выстраиваться в пары. Змей против командира наших противников, Вард – против солнечного с двойным даром, Кристоф против Бернарда, и я – против рыжей.

Стул подо мной сложился. Под ногами открылся круглый люк, и я под собственный визг съехала в темный тоннель. Пару минут меня покрутило точно юлу, потом спуск закончился и меня выкинуло носом к змеящемуся по земле разлому. Поднявшись на ноги, я шагнула в него. Короткое светопреставление, и я оказалась на той стороне. Не успела оглядеться, как опять провалилась в тоннель, а потом выпала на что-то холодное и мягкое.

Чудесно! Не просто перенесли, а доставили точно к тому месту, где наверняка будет опасно.

Сощурившись, я увидела заснеженное плато, над которым нависал козырек ледника. Над ним вздымались в яркое лазоревое небо горы. Где-то там, в вышине, поблескивали линзы.

Прохладный воздух тут же забрался под легкое платье. Застегнув куртку, я огляделась. Снег, камни, ледник. Проваливающийся под ногами наст. Холодно, но терпимо. В такую погоду в Йоне даже самый отчаянный турист не полезет осваивать горные пики. Снесет лавиной на раз-два.

Значит, может случиться лавина. А я стою почти у края плато. Надо побыстрее убраться отсюда!

Осторожно ступая по снегу, я двинулась к стене из камня, виднеющейся под нависающим козырьком. Там имелись выбоины и даже одна трещина. Может, я смогу туда втиснуться? И вести бой из безопасного места. Кстати, где моя противница?

Не успела я пройти и половины пути, как получила ответ на свой вопрос. Снег сбоку от меня пришел в движение, из него вынырнула рыжая в зеленые пятна макушка. Восставшая из засады солнечная с размаху запустила в меня сияющим белым пламенем. Чудом увернувшись, я отправила в сторону плавящегося под светлым заклинанием снега оранжевые огоньки. Заклинание для восстановления поверхности катков определенно становится моим любимым. Языки солнечного пламени погасли, накрытые коркой льда.

– С ума сошла? – шепотом возмутилась я, глядя на рыжую, которая бодро топала в моем направлении. На ее руках распускались слепящие глаза солнечные цветы. Даже находясь на ее ладонях, они вовсю плавили снег вокруг.

– Стой! Осторожно! Ползком к стене, тогда, может быть, нас не снесет! – Я старалась говорить едва слышно и запустила ей под ноги оранжевые огоньки.

– Промазала! – ловко отпрыгнув, выдохнула злорадно рыжая.

– А я не в тебя целилась!

Ледяная дорожка появилась точно под сапогами рыжей. Размахивая руками, она поехала ко мне.

– Молчи! – вырвалось у меня.

– Идиотка! – рявкнула она, на лету сплетая солнечную сеть, от сияния которой плавилось все вокруг и трещало где-то под подошвами. – Я все рассчитала! Лавина не сойдет!

– Лавина, может, и нет, а вот нас вместе с потоком подтаявшего снега и воды вполне может смыть вниз! Ты просчитывала такой вариант? – Я запустила огоньки под ноги: еще и еще.

Треск начал стихать.

Но упертая рыжая все так же слепила меня солнечной магией.

– Не смоет. – Что-то мысленно прикинув, она запустила в меня золотисто-белым сгустком.

Щиты я делать не умею, зато прыгаю хорошо. Отпрянув в сторону, я отправила в рыжую рой огоньков. Любимое Эмерсоном заклинание охлаждения, подправленное мной, окружило ее густым туманом. Из него тут же во все стороны полетели «кометы» из солнечной магии.

– Все равно попаду, – зло сообщила рыжая. – Мои расчеты всегда верны!

Еще одна упертая с расчетами!

У меня расчетов нет, зато есть чувство, что как-то у нас все просто идет. Мы, ледник, снег. Сильно сомневаюсь, что тут нет нежити. Тогда бы нас сюда не закинули.

Стараясь не попадать под обстрел, я внимательно изучила снег вокруг. Потом подняла глаза и тихо выругалась: часть нависающего карниза следила за нами голодными черными провалами глазниц. Белоснежные крылья и шерсть отлично скрывали огромных

нетопырей. Снежными смертями их назвали не ради красивого словца. Слепая опасная нежить собиралась в стаи и спускала лавины. Кружа над снежным потоком, они выхватывали добычу. А когда стихия успокаивалась, выкапывали ее, ныряя в толщу льда, снега и камней.

Нам «повезло» встретить сразу трех монстров. Судя по треску, нас заметили. И до того, как на голову обрушится ледник, остались считаные секунды.

Что могу сделать против крылатой напасти?

Солнечная «комета» задела мою руку, оставив ожог. Подув на кожу, я покосилась в сторону окутанной туманом рыжей. Туманная дымка редела, противница испаряла ее, создав вокруг себя что-то вроде сияющей спирали. Через ее завитки она ловко запускала в меня сгустки чар.

Ее бы упрямство – да в мирное русло… Или не мирное?

Уходя от сияющих заклинаний, я прикинула расстояние до крыланов. Остатки тумана помогли добраться до рыжей, зайти со спины и не дойти до состояния прожаренного бифштекса. Взмахом руки убрав туман, я подставила рыжей подножку, схватила ее за плечи и дернула на себя, вместе с ней упав на спину. Запахло паленым. Горела моя куртка, ткань не выдержала встречи со спиралью. Противница выругалась так, что захотелось попросить словарь, где она такое нашла. Сорвавшиеся с ее пальцев «кометы» взвились вверх и ударили по крыланам. Раздалось шипение, и два монстра исчезли, став снегом.

Рыжая вывернулась из моих рук и попыталась сделать то, за что Эмерсон регулярно обещал оторвать нам головы: одновременно две вещи. Убить крылана, сорвавшегося с карниза вместе с лавиной, и обездвижить меня, набросив слепящую солнечную сеть.

Сгусток солнечной магии врезался в карниз, превращая лавину в смертельный поток из льда, снега, камней и воды. Сеть обхватила сугроб, я откатилась в сторону.

На нас несся крылан и лавина. Первого так расстроила гибель товарищей, что он опередил вызванное им же стихийное бедствие.

И это был шанс на спасение!

Оранжевые огоньки ринулись навстречу монстру и окутали его крылья. Послышался удивленный рев. Перепонки на крыльях,

выкрученные заклинанием сушки, заставили тварь свалиться на снег в шаге от нас.

– На него! – скомандовала я.

Рыжая не стала артачиться. Мы взгромоздились на дергающегося монстра. Смахнув сдерживающее его заклинание, я вцепилась в белую шерсть. Крылан взревел и ринулся вверх, пытаясь сбросить нас.

Внизу лавина с ревом полировала плато, на котором мы только что были.

Крылан заложил вираж, собираясь нырнуть в поток из снега и камней. Я одарила его крылья целой россыпью огоньков, и плетение растянуло их, сделав жесткими и неподвижными. Это заклинание обычно использовали для растягивания шкур. Наша «шкура» рычала и крутила головой, но вставшие колом крылья не давали свернуть. Мы неторопливо планировали вниз.

Дергая нежить за уши, я направила первый в мире нежителетательный аппарат к леску, подальше от лавины. Крылан хлопнулся на поляну, пропахав в снегу полосу, и замер: заклинание не позволяло шевелить ни крыльями, ни лапами.

Рыжая не удержалась, перелетела через меня и оказалась между лесом и мордой монстра.

Я сползла с шеи крылана.

– Ты хороша, но у тебя нет шансов. – Рыжая замахнулась, в меня полетел сгусток светлой магии.

Единственное, что у меня оказалось под рукой, – крылан. Сдернув удерживающее его заклинание, я рухнула на землю, прикрыв голову руками. Освобожденная нежить ринулась вперед, налетела на «комету» и снесла заклинание и его создательницу. А потом превратилась в кучу снега. Теперь из сугроба торчала только рыжая в зеленые пятна макушка.

– Ты там живая? – поднимая голову, спросила я.

В ответ мне пожелали прогуляться на тот свет вместе с крыланом, из-за которого у солнечной не осталось магии.

А нежить при чем? Она не заставляла бить по мне изо всех сил!

Темный лаз открылся прямо под руками. Нырнув в него точно в прорубь, я вспомнила замысловатое выражение рыжей.

В этот раз меня крутило по темным тоннелям куда дольше. Пару раз что-то холодное касалось руки, но, прежде чем я успевала

ударить в ответ, исчезало. Повороты и падения закончились неожиданно. Я с размаху шлепнулась у разлома, заползла в него. Надеюсь, это вырежут из проекций? Другая сторона, и опять тоннель. Вывалилась я на что-то мягкое. Снова.

Проморгавшись, поняла, что сижу на толстом ковре в чужой не то гостиной, не то библиотеке. Большие окна с пасторальным пейзажем за ними (зеленый сад), диван и кресла, шкафы с книгами и просто закрытые, об их содержимом оставалось только догадываться. Все очень пыльное, потрепанное, в паутине, словно тут давно никто не жил.

Ну а что? Заброшенные из-за нежити поселки в нашем королевстве имелись. Почему бы не сделать из них испытательный полигон?

Покосившись на ладони, я удивленно отметила, что они зажили. Последствия беготни по плато и катания на крылане тоже исчезли. Не осталось ни следа от ссадин и ожогов. Вот, значит, что меня касалось: так меня лечили.

Из-за дивана донеслась ругань, потом высунулась мужская ладонь, и наконец явился Бернард целиком. Брат был взъерошен, местами подкопчен и решительно настроен победить меня любой ценой.

Не сказав ни слова, он махнул рукой. Оранжевые огоньки понеслись в ковер, и тот начал сворачиваться. Отползая назад от растущего свертка, норовящего закатать меня в свои недра, я запустила под диван рой огоньков. Шторы за спиной братца шевельнулись и обернулись вокруг его рук.

В шкафу со сплошными дверцами заскреблось. Мы дружно отцепили от себя оживший текстиль и отодвинулись ближе к полкам с книгами. Рука Бернарда почти касалась моей.

– Я рад, что ты прошла в финал, – неожиданно сказал он.

Дверца шкафа открылась, наружу выпала… мумия. Привет из Ортрунской пустыни!

Мы дружно направили магию на книги. Свалившись с полок, они подлетели под потолок и, отряхивая пыль со страниц, рухнули на голову нежити. Придавили качественно, секунда – и под нашим «прессом» остался лишь песок.

Обернувшись к брату, я схватила его за руку.

– Почему ты рад?

– Потому что мне не придется выбирать.

Глаза Бернарда хитро блеснули. Я заметила оранжевые огоньки у своих ног. Сапоги капитально приклеились к полу.

– Заклинание для починки обуви? – улыбнулась я, тем же заклинанием намертво приклеивая желто-белую куртку брата к открытой створке шкафа.

– Ага, – кивнул Бернард, выдергивая руку из моих пальцев и стаскивая куртку.

Я стащила сапоги и снова поймала брата за запястье.

– Расскажи о нашем проклятии. Почему отец скрыл, что оно королевское? Что он хочет получить от императора?

– Ты почти все знаешь, – попытался отвертеться Бернард.

– И все-таки. Чего я не знаю о проклятии?

Он перехватил мою руку за рукав, не давая коснуться. Прямо посмотрел в глаза.

– Ты знаешь почти все. Кроме того, что нашего предка и его сестрицу прокляли за обман. Она разыграла любовь с принцем и, прикрываясь его именем, вместе с братом подписала несколько договоров на поставку тканей, сказав клиентам, что скоро будет работать на корону.

– Им поверили? – Я высвободилась из захвата, переступила босыми ногами по холодному полу, оставляя в толстом слое пыли следы. Хотела снова вцепиться в брата, но вдруг поняла, что он не врет, хотя я его не касаюсь…

– Она была искусна во лжи, а ее брат считался очень честным предпринимателем, – пояснил Бернард.

– И принц их наказал, – закончила я за него. – Она не может лгать, а самый честный предприниматель только и делает, что лжет. И все вокруг него – тоже.

– Да, – подтвердил братец. – Тогда они едва не разорились. Помогли родственники. А потом они просто старались избегать рождения вторых детей-девочек.

– Но это невозможно. Девочки все равно появлялись. И тогда они придумали, как это использовать?

– Именно так, сестричка. – Бернард оттолкнул меня. Послышалось щелканье, потянуло гарью.

Обернувшись, я увидела догорающую в круге для розжига мумию.

– Прошвырнемся по другим комнатам? – предложил Бернард. Огоньки нырнули под мои сапоги, и он показал на обувь. – Обуйся. Вечно ты простываешь.

– После ползанья по снегу меня это вряд ли возьмет, – натягивая сапоги, улыбнулась я.

Так странно говорить с братом… Словно не было того времени, когда я неожиданно стала лишней, а Бернард превратился в чужого человека. Воспоминание отрезвило, развеяло туман радости в голове. Какие бы цели ни преследовал брат вместе с отцом, ему не устоять против проклятия.

Бернард распахнул дверь, я вцепилась в его пальцы. Он покосился на мою руку и едва заметно приподнял темную бровь.

– Зачем вам с отцом Игры? Чего он хочет?

– Избавиться от запрета на торговлю с дворцом, конечно, – пожал плечами брат.

Мы вышли коридор. Мумия вынырнула из ниши в стене. Недолго думая, я применила к бинтам заклинание для растягивания шкур.

– Только это? – глядя на утекающий под половицу ручеек из песка, хмуро спросила я. – Не руку принцессы? Не избавиться от проклятия?

– Только это. Нет и еще раз нет. – Бернард вгляделся в лестницу, ведущую вниз. Показал мне два пальца. Два зомби.

Оранжевые огоньки сорвались с наших рук одновременно. Скрылись из виду, и вскоре снизу донесся грохот падающего льда. Мы оба решили использовать заклинание охлаждения по максимуму.

– И тебя это устраивает? – Я покосилась на брата. Мы осторожно спустились и прошли мимо двух вмороженных в лед мумий.

– Я наследник дела и рода. – Бернард едва заметно поморщился.

Я крепче стиснула его пальцы.

– Слушай, Мартиша… – Впервые за много лет брат назвал меня нормальным уменьшительным именем, а не своим любимым прозвищем. – Когда принц приговорил нашу семью к проклятию, он допустил один промах. Перестань бояться лжи, и станешь самым искусным лжецом, тебе поверят. Зато и вокруг тебя все будут лишь лгать.

– Не бойся причинить боль правдой, и никто не сможет солгать, – продолжила я и с непониманием посмотрела в глаза Бернарда. – Зачем ты это говоришь?

– Затем, что пора заканчивать с беседами и возвращаться к Играм. – Брат неожиданно открыто улыбнулся и насмешливо коснулся пальцем кончика моего носа, как в детстве, когда дразнил дятлом, способным додолбиться до правды. А потом добавил: – Я ведь твой противник, сестричка.

Лестница закончилась. Мы оказались в светлом холле, полном напольных ваз с огромными букетами цветов. Видимо, их защищала магия, раз они выглядели так, словно их только что срезали… Одна из ваз тут же покатилась мне под ноги, лишившись заклинания, удерживающего неустойчивую посудину в вертикальном положении. Увернувшись от подарочка братца, я устроила ему бег с препятствиями, завалив остальные вазы.

В голове крутились слова Бернарда. Я повторила их, пытаясь понять, почему он решил сказать их мне именно сейчас. Именно решил. Потому что…

– Ты не увернулся! – выдохнула я, превращая букеты в сухой, растопыренный во все стороны хворост, по которому крайне сложно передвигаться. – Ты ведь мог не дать взять себя за руку!

– Мог, – кивнул брат.

Несчастная икебана вспыхнула. В меня помчались оранжевые огоньки. Я с трудом спасла одежду от заклинания сушки, от которого она встала бы колом.

– Почему дал себя схватить? – Во мне проснулся тот самый пресловутый дятел.

– А сама как думаешь?

– Не знаю, – совершенно честно ответила я.

– Знаешь, мы близнецы. Ты все поймешь, – улыбнулся брат, проваливаясь в тоннель.

Я тоже нырнула в открывшуюся дыру.

Глава 25

Разлом. Переход. Тоннель.

Тоннель выплюнул меня посреди каменной площадки, по краю которой валялись обломки колонн и валуны, до блеска отполированные ветрами. Вокруг вздымались барханы. Ярко светило солнце, нещадно пригревая в макушку. На севере грозным валом вздымалась песчаная буря. В небе поблескивали линзы. Интересно, если она дойдет до нас, зрители хоть что-то увидят?

– Надеюсь, мы уберемся отсюда до того, как буря накроет площадку! – пробурчал Кристоф, выбираясь из-за камня.

– Вряд ли. – Из-за обломка колонны выглянул Бернард.

– И все? – разочарованно протянул Крис, вытряхивая из волос рыбью чешую: очевидно, ему повезло попасть на побережье. – Я думал, нас тут побольше будет.

С тихим хлопком в камне открылись сразу три тоннеля. Наружу выпал Вард в подранной рубашке, командир солнечных с выражением ненависти и желания убивать на физиономии и Змей, одежда которого выглядела так, словно ее пересушили на солнце до состояния обугливания. Как потемневшие лоскуты на нем держались – оставалось загадкой.

Итого, у Змея с солнечным ничья. У Варда победа. У Криса? Ничья с моим братом. Потом моя случайная победа над рыжей и опять ничья с Бернардом. Теперь мы вчетвером против двух солнечных. Они в меньшинстве.

На такой случай тренер, заявив, «все равно благородство взыграет», разрешил продолжать игру в том же количестве, что и противники.

– Второй раунд? – предложил капитану солнечных Змей.

Тот уверенно кивнул.

– Сестричка? – хмыкнул Бернард.

– С удовольствием! Когда еще выпадет возможность побить братца?

– Щиты, от бури прикрыть. – Покачиваясь, Вард подошел к краю площадки.

Нехило его потрепало! Даже подлечивание в тоннеле не помогло.

– Сиди ты, мечта доктора! – Кристоф опередил Варда и начал обходить площадку по периметру. Полупрозрачный щит, сотканный из тьмы, начал закрывать нас от порывов несущего песок ветра.

Вард присел на камень. Я встала напротив брата. Змей занял позицию рядом с солнечным.

Буря накрыла внезапно. Заревела, зашуршала песком. Крис еле успел закончить купол вокруг площадки. Внутри стало темно. Не было видно ничего, кроме несущегося песка. Кажется, я получила ответ на свой вопрос: зрителям и наблюдателям вообще ничего не видно. Нам, впрочем, тоже.

Командир солнечных запустил под купол светящийся шар, и стало намного лучше. Выискивать в темноте противника на ощупь – так себе перспектива.

– Поехали! – шутливо скомандовал Кристоф, выходя, точно рефери, на ринге в центр площадки.

– Ты чего?..

Я не договорила, Вард странно дернул головой. На его кулаках жгутами свились тени. Он вскочил и запустил ими в Бернарда.

Брат отпрянул, но в него тут же полетела солнечная магия. Бернард еле увернулся от удара своего же командира. Змей оказался между Вардом и солнечным, вцепился в их шеи. Вокруг них заколыхалось прозрачное марево, окружило обоих, закрыв в прозрачном коконе.

– Стейн! Берегись! – Оранжевые огоньки сорвались с моих пальцев.

К ним присоединился еще один рой, того же цвета. Мы с братом подняли с площадки весь песок, не давая Кристофу прицелиться.

Я же его проверяла? Он не паж! Или?..

Вспомнился наш с ним веселый дуэт в шахте лифта. Мы не сказали ни слова лжи, но и правду повар и мажордом так и не узнали. Так и Кристоф. Он соврал мне, говоря чистую правду!

Он меня обманул!

Но сейчас это было не важно: Стейн держал парней и их магию. А они рвались в бой. Точно как наш запас и солнечные в городе. Мы искали старательно скрытый второй или третий дар, а все оказалось проще: еще одно проклятие. Проклятие, заставляющее всех

вокруг Кристофа испытывать непреодолимое желание немедленно вступить в бой. Не важно с кем. Как и Бернард, он научился этим пользоваться. Вначале арена и подпольные игры, теперь мы. Те, кто не должен попасть в ряды победителей.

Он явно решил скрыть под бурей нашу гибель и выдать ее за внезапные последствия переутомления. Благо Юрг со своими «затмениями» имелся. А тут общее затмение. Его проклятие надежно скрыто, даже гадать не надо, кто из придворных ему в этом помог. Вариант один: проклятийник, который оба раза нас проверял.

Однако Крис просчитался. Брак связал меня со Змеем, и я не рвусь в бой. А со мной связан брат. Проклятие одно на двоих. И он тоже никуда не торопится.

Но что могут сделать два бытовых мага против одного боевого темного?

Многое. Особенно если они прокляты!

Я подбежала к брату.

– Перестать бояться, чтобы все сказали правду?

– Да, – кивнул он. С его пальцев сорвались огоньки, нырнули между камнями.

Хорошо.

Направив магию следом за чарами брата, я почувствовала, как начинает расползаться плетение, долгие годы не дававшее пустыне поглотить площадку.

Я больше не буду ничего скрывать. Правда, и только она. Да, иногда это больно, но иногда без нее, как без лекарства, не обойтись!

Стиснув руку брата, я мысленно досчитала до трех.

На счет «три» сражающийся с песчаным туманом Кристоф провалился по пояс в камни. Мы подбежали к краю образовавшегося в площадке провала.

– Говори! – выдохнули одновременно.

– Только правду!

– Лги!

Как заставить искусного лжеца говорить правду? Лжеца, который верит в свою ложь? Вынудить лгать и говорить правду одновременно. Только так и родится истина.

А когда на тебя в полную силу давит проклятие, тебе не до войны. Руки сами опускаются, тени утекают с пальцев.

Кристоф замер, тьма исчезла с его ладоней. В его глазах горела ненависть, но он не мог молчать.

– Она всегда мне нравилась. Шустрая, бойкая. Ни на какие комплименты не велась. Другую лапочкой назвал, и она готова тебе ключи от спальни на тарелке принести, – непривычно пренебрежительным тоном начал он. – Эта другая. Принципиальная. С ее-то отцом!

Принцесса не замечала Кристофа. А он, между прочим, из очень родовитой семьи. Когда-то давно император проговорился его отцу, что их род входит в список аристократических семей, из которых Стефи будет выбирать мужа.

Кристоф решил завоевать ее. Паж был его весьма удачным изобретением. И таинственный, и романтичный, и личность неизвестна – сплошная мечта девичьих грез. А воплощать ее в жизнь помогали должники его отца и те из дворян, кто был замечен на подпольных магических боях.

Но грезы принцессы так и остались ему недоступны.

О скандале, когда император пообещал выдать дочь за победителя Игр, Крис узнал от офицера из личной охраны правителя. Тот тайно участвовал в подпольных боях. Собственно, тогда он и решил стать единственным победителем. Обучение в одном из самых престижных вузов с отличной командой только утвердило его в этом.

Кристоф начал устраивать случайности на отборочном этапе. Свою команду тоже не обошел, чтобы не было подозрений. Затем решил обеспечить себе первый состав без варианта снова оказаться во втором, избавив нас от запасных игроков. Но вмешались мы со Змеем.

Крис знал о природе способностей Стейна. А вот наша внезапная дружба показалась ему подозрительной.

– Они вас поженили! – Кристоф расхохотался, даже не пытаясь выбраться из ямы.

Змей осторожно отпустил шеи Варда и солнечного. Крис больше не направлял на них проклятие, и парни смогли справиться с тягой бить морды и лупить магией по всему, что движется.

– Поженили! – еще раз хохотнул Кристоф.

Да, он знал о нашем браке.

Вначале заметил знакомое украшение: перстень на руке неприметной горожанки. Я тоже видела его, но в отличие от блондина, не бывала во дворце и не знала, что на пальце женщины блестело одно из украшений фаворитки императора и матери принцессы.

– Мужики прокалываются на привычках, а бабы – на побрякушках, – выдал Кристоф.

Поняв, кто приходил посмотреть на Игры, он решил выяснить, зачем Бриар туда приходила. Наш со Стейном внезапный визит в мэрию подсказал направление, где искать ответы. Связи помогли и тут. Крис выяснил природу договора и то, что у моей семьи есть странности. И понял, зачем вдовствующая императрица вынудила меня принять участие в Играх.

– Эти две фифы, старая и молодая, решили, что так смогут вынудить меня уйти! – Глаза Кристофа довольно блеснули.

Идея вдовствующей императрицы и матери принцессы была хороша. Они понимали, что тот, кого не в силах поймать охрана императора, непременно узнает о его словах и будет биться за руку принцессы. А так как он лжец, ходячий источник правды точно выведет его на чистую воду. Рано или поздно. А меня прикроет Змей. Лучший из защитников, тот, кто точно никогда не подойдет к принцессе, потому что его семья хоть и служила императору, но настрадалась от него так, что никакая месть это не искупит. Да и слишком они благородные для мести.

Вот вам и стишок из нашего брачного договора!

Обряд требовал указать всех, принимавших в нем участие. Вот магия и указала на ту, что не подписывала документы, но была рядом…

– Вначале я хотел тебя убрать, Мартина, – продолжал вещать Кристоф. – Но потом появился твой брат. И стало даже забавно, до чего вы оба доведете остальных. – Он рассмеялся и добавил зло: – Кто же знал, что вы сильнее, чем кажется?

Бернард знал. И рассказал мне о проклятии.

– Ты тоже заметил, что с Играми нечисто? – Я покосилась на брата.

Он уверенно кивнул.

Кристоф расхохотался:

– Солнце и тень! Того, кто заставляет всех лгать, смутила чья-то ложь?

Брат лишь пожал плечами. А я поняла, что, если он хоть немного мой близнец, на встрече императора нас всех ждет сюрприз.

Крис замолчал. Змей на всякий случай закрыл парней прозрачным щитом.

– Откуда взялось твое проклятие? – Я озадачила Криса новым вопросом.

– Мать одного из бойцов подсуетилась, – пожал плечами Кристоф.

Как просто. А он не стал его снимать, потому что нашел внезапную выгоду. Прямо как мой отец!

Буря успокоилась так же мгновенно, как и поднялась. Купол над нами медленно расползался. Крис пытался сопротивляться магии проклятия, и его силы утекали, как вода в песок.

В небе сверкали линзы. Со всех сторон от нас открывались люки тоннелей. Люди неприметной внешности выудили Кристофа из провала и заковали в антимагические наручники.

Оказалось, что видеть нас через линзы не видели, зато слышали хорошо.

Нет, Кристоф все верно рассчитал: купол отрезал нас от артефактов, пока мы с братом не ослабили его хозяина своим проклятием. Так что еще раз слушать его признание не придется.

Кристофа под конвоем увели через разлом, до которого нам всем пришлось топать по барханам, норовя попасться в клешни местной нежити, сильно смахивающей на скорпионов. Но обошлось. Финал закончился, и дополнительных испытаний нам никто устраивать не собирался.

Из многоугольной комнаты нас расселили обратно по апартаментам без права выхода. С той разницей, что подо мной больше не жил Кристоф.

Через пару часов на линзу пришла проекция. В ней судья объявлял, что случился такой казус, как ничья. Впервые по очкам за все время Игр. Но так как дополнительных состязаний на этот счет не предусмотрено, чествование игроков пройдет завтра.

Хоть отдохну! Вряд ли император оценит мою перекошенную от радости и магического истощения физиономию!

До цели остался всего один шаг. И пора признать, что наши тренировки со Змеем не дали того результата, на который мы рассчитывали. Если проклятие останется, я все равно окажусь в домике. Правда, благодаря Стейну смогу покидать его на несколько часов в день. Только вот захочу ли? Процесс ослабления проклятия изматывает моего любимого. Значит, не захочу.

Хорошо, что мы все же добрались до императора. Остался всего один шаг!

Но, как выяснилось чуть позже, к нему вел весьма замысловатый путь.

Ближе к вечеру мажордом пригнал целый отряд девушек, которым предстояло подготовить меня к завтрашнему торжественному поздравлению команд и личной аудиенции императора. Эти два события разделяло всего несколько часов, и являться на оба в одном и том же было дурным тоном. И никто не собирался позволять мне его проявлять: следом за помощницами мажордома прибыли два вечерних платья. Оба с длинными пышными шлейфами и довольно простым верхом: с плотным корсажем и открытыми плечами. Одно малиновое, второе голубое. Как ни странно, оба цвета отлично сочетались с синими «перьями» в моей каштановой шевелюре.

– У лаерны Лотти новая помощница! – довольно сообщила мне старшая девушка. – Чудесные наряды подбирает. Необычно, но по этикету.

Вкус у этой неизвестной лаерны оказался отменный.

К платьям прилагались туфли на тонком и высоком каблуке и короткие перчатки, напоминающие ажурную паутину. Защиты на этой паутине было столько, что она невидимой пленкой растекалась по всей открытой коже. Похоже, никому не нужны внезапные приступы правдивости. А пока от последней страдали девушки, делающие из меня достойную торжеств лаерну.

Пока они надо мной колдовали, я узнала много чужих секретов и чуть не стала причиной ссоры между двумя подругами. К тому же рассказала, как я люблю Стейна, потом выдала, что хочу мороженое… Сливочное. Нет, шоколадное. Нет, уже не хочу…

Проклятие подкидывало подлянки одну за другой, вынуждая тех, кто оказывался рядом со мной, делиться всем. Буквально. И меня вместе с ними… Теперь я отлично понимала, что с таким фонтаном

красноречия лучше тихо булькать в домике. К полуночи, когда помощницы мажордома покинули комнату, я была готова сама их выгнать, лишь бы больше не слушать ни своей, ни чужой правды.

Правда хороша, но не та, о которой не подозревают даже сами говорящие. Мысли, желания, случайные размышления… Тот организованный и не очень хаос, что ежесекундно творится в голове, должен оставаться внутри, а не выплескиваться наружу.

После ухода девушек на линзу позвонила Ненси.

– Как тебе мои платья? – сияя счастливой улыбкой, выдохнула она.

– В смысле – «твои»? – не поняла я.

– Малиновое и голубое. – Сестричка ткнула пальцем мне за спину. – Это я подбирала тебе наряды.

– Но двор не ведет дел с нашей семьей, им запрещено. Если корона узнает…

– А они знают. – Ненси дотронулась до светло-рыжих волн на голове. Было странно видеть ее без старательно выпрямленных волос, но ей очень шло. – Когда лаерне Лотти пришел заказ на образ победительницы от вашего института, я сказала ей про запрет. О нем Бернард проговорился. Я вызывала его по линзе перед Играми, думала, поругаемся опять, а он сказал про запрет и про отца. Ну, что ему только снятие запрета нужно. Не знаю, зачем он это сказал…

– Я тоже. Мне он тоже сказал, – задумчиво протянула я. Не то. – Как ты смогла обойти запрет, чтобы подобрать мне платья?

– Я подбирала их не тебе, – улыбнулась сестричка, – а клиентке своей работодательницы. То есть для тебя их подбирал ее салон. Но она указала, кто из ее сотрудников этим занимался, чтобы в случае отказа другие платья подобрал кто-то еще. Но им понравилось.

– И все? – Я тихо рассмеялась.

Так просто! А отец не додумался. Или ему претило работать с короной через посредников? Или все было еще проще: несмотря на вопли о том, что отец лучший торговец тканями в Фридхольме, он далеко не лучший. Особенно если вспомнить о проклятии и Бернарде, которого он постоянно использовал. А может, именно поэтому брат и рассказал мне о проклятии? Мы же близнецы…

Ненси пожелала мне блистать как королева и отключилась.

Линза снова зажужжала. Нажав на картинку, я улыбнулась Змею:

– Как ты?

– Чувствую себя медным тазом, который натерли песком! – усмехнулся он.

Оказалось, к приему готовили не только девушек, парням тоже досталось по полной.

Прежде чем пожелать мне спокойной ночи, он сказал:

– Поздравляю с победой, мышка.

– С нашей победой, – добавила я.

Ночь прошла в нервном ожидании часа «икс».

Уснула я под утро. Облачение в платье и превращение меня в достойную лаерну продремала, положившись на помощниц и отличный вкус сестрички. Пришла в себя на платформе, украшенной цветами. За спиной тоже были увитые зеленью и бутонами арки, вставленные друг в друга от большей к меньшей.

Мы стояли четко по центру. Наша команда и солнечные.

Парней облачили во фраки с белыми галстуками. Нас выстроили не по росту, а так, чтобы разбавить темные наряды парней яркими пятнами. Я оказалась между Стейном и Вардом. Солнечную рыжую в желтом платье воткнули между командиром и Бернардом. Я присмотрелась: брат тоже был в перчатках с секретом. В команде бывших противников не хватало игрока, которого отделал наш здоровяк Вард. Доктора не отпустили. Его личная аудиенция пройдет позже.

А пока мы слушали проникновенную речь главы судейского комитета и старались не щуриться от яркого солнца и блеска летающих линз. Незаметно поглядывали на чинно сидящих у платформы гостей и родственников.

От Варда был Эмерсон с супругой. Жена тренера оказалась высокой крепкой женщиной с румянцем во всю щеку. Изящное платье на ней смотрелось странно, так и просилось что-то попроще и такое же прямолинейное, как хозяйка. Она с гордостью поглядывала на сына и с любовью – на мужа. Эмерсон смотрел на всех с превосходством и едва заметно поглаживал руку жены.

Рядом с ними сидела мать Стейна. Выглядела она безупречно. Ей было неприятно находиться в Санердале, однако она была слишком лаерной, чтобы показать это. Только в глубине глаз таилось недовольство.

Мои родители, напротив, выглядели до безобразия счастливыми. Отец – эталон успешности: фрак, выражение собственной исключительности на лице. Мама – образец примерной жены: идеально уложенные в прическу прямые светлые волосы, платье сложного кроя с пышным жабо, легкая накидка.

Папа то и дело поглядывал на Бернарда, но брат был совершенно спокоен. Хотя нет, уголки губ едва заметно подрагивали, словно он боролся со смехом. Прямо как я, когда волнуюсь. Но отец этого не замечал.

Вторым рядом восседали особые гости, одобренные императором. Среди них оказались несколько господ из Вилессы. Их легко можно было опознать по четырем черным кольцам, надетым на левую руку. Для нас – странная традиция, для них – символ того, что у них, и только у них, появились первые темные маги. Кто считает иначе, может получить вызов на дуэль. Неподалеку от иностранных гостей я неожиданно заметила знакомое лицо.

Изабель!

Наша повелительница ставок расположилась рядом с лаерном под пятьдесят лет. Судя по тому, как он поглядывал на ее декольте, а она хлопала ресницами, это был отнюдь не ее отец…

Речь главы судей закончилась, нам вручили грамоты. Линзы сняли миллион проекций с нашими лицами, улыбками, руками, прическами, перчатками… И нас отправили переоблачаться к аудиенции. А гости остались в саду праздновать.

Пока нас переодевали, стало известно, что встреча с императором пройдет в необычном формате. Во-первых, нас поделили. Не по командам, а на две группы. Капитан солнечных и рыжая – в одной, они пойдут первыми. Наша команда и Бернард – вторыми. Во-вторых, разрешили присутствовать одному родственнику. Я даже не сомневалась, кто из моих родителей воспользуется этим разрешением.

Аудиенция с императором проходила в светлом зале с арочными окнами, обилием позолоты на белоснежных, будто покрытых инеем стенах.

Наш правитель, высокий жилистый мужчина с горбинкой на носу и темными глазами восседал на троне, стоящем на возвышении. По правую руку от него, в кресле с высокой спинкой, сидела

принцесса. По левую – седая стройная лаерна в возрасте, вдовствующая императрица. Рядом с ней на простом кресле – лаерна Бриар. На пальце фаворитки императора поблескивал знакомый перстень. За спинкой кресла принцессы Стефани топтались сразу трое: неприметный глава тайной службы, маг и проклятийник. Последний был совсем не тем, кто нас проверял и помогал Кристофу. Вдоль сверкающей магическим инеем золотой дорожки, ведущей к шести ступенькам у трона, выстроилась стража.

Наша родня заняла место в паре шагов от двери. Эмерсон, мать Стейна и мой отец.

Мы остановились у входа, ожидая, когда глашатай объявит наши имена и разрешит приблизиться к императору и подняться до третьей ступеньки. Честь, которую оказывали избранным. И победителям Игр.

Первым к императору направился Бернард.

Затаив дыхание, я ждала просьбы брата. Мы близнецы, но я так давно его не понимала, что сомневалась, правильно ли истолковала его слова.

Поднявшись на третью ступеньку, брат после церемонных поздравлений императора и своего не менее протокольного ответа дождался, пока правитель спросит, имеется ли у него просьба.

– Да, ваше императорское величество, – склонив голову, ответил Бернард.

Отец подобрался как гончая, учуявшая добычу.

Император терпеливо ждал, посматривая то на Варда, то на мать Стейна. Она бесстрастно взирала в ответ. Все по этикету. Никаких эмоций. Только ненависть в глазах. Не заметить ее наш правитель не мог, и уголки его губ опустились. А чего он ждал? Радости и благодарностей?

– Моя просьба, ваше императорское величество, – продолжал Бернард, – касается старой истории. Истории, из-за которой наша семья оказалась в опале.

Неужели я ошиблась и брат выполнит приказ батюшки?

Отец с трудом сдерживал радостную улыбку.

Но это будет неправильно!

Дернувшись вперед, я, наплевав на этикет, выпалила:

– Снимите с нас проклятие!

– Прошу снять проклятие, – одновременно со мной сказал Бернард.

Я не ошиблась. Я поторопилась…

В зале воцарилась гробовая тишина.

Казалось, еще секунда, и меня вынесут из зала если не стража, то сам император, темные глаза которого пригвоздили меня к сверкающему камню не хуже булавки.

– Прошу прощения, ваше императорское величество, – пробормотала я, осторожно придерживая подол голубого платья и отступая к Змею, – я несколько поторопилась сформулировать мысли брата.

– Близнецы… – Губы правителя тронула понимающая улыбка.

Над залом едва слышно пронесся вздох облегчения. Только отец сверлил спину Бернарда злым взглядом.

Стейн поймал мою руку, переплел наши пальцы.

– Мы наслышаны о вашем проклятии, – император помахал рукой, новый проклятийник подошел к нему, – и считаем, что его необходимо снять. Но поскольку господин Леннет-старший проявил нечистоплотность, используя проклятие, мы также считаем, что он должен понести наказание.

Наказание?

Я крепче сжала руку Змея. Неужели и мою семью сейчас лишат денег и отправят в ссылку? Нет, не так я хотела освободиться от проклятия! Мама такого не заслужила, бабушка и прабабушка тоже. И тети…

Стейн погладил большим пальцем тыльную сторону моей ладони. Отвлек, не дав снова натворить глупостей.

– Но так как ваш сын, несмотря на давление, провел все сделки без применения проклятия… и использовал проклятие только на Играх, что не запрещено правилами… – ровным тоном говорил император.

Без? Без проклятия? Бернард – ты гений! Но, тени тебя побери, если ты с самого начала не собирался помогать отцу, зачем устроил представление с откровениями насчет меня?

– …то запрет на предпринимательскую деятельность коснется только вас, господин Леннет-старший, вашего отца и тех, кто одобрил применение проклятия, – закончил император. – Ваш сын и дочери

вполне справятся с вашим делом. Более того: мы даем разрешение на торговлю с нашим королевским двором, если их услуги нам подойдут.

Я с трудом сдержала смешок: отец все же получил свою отмену запрета! Только вот ему она никак не поможет.

– Вам рекомендовано отправиться в провинцию и поселиться уединенно, – добавил император. – Немедленно покиньте Санердаль.

А вот и домик. Но не для меня.

Два стражника подошли к отцу. Проходя мимо, он с презрением и злостью посмотрел на меня. Словно я его предала. Но это было не так. Это он предал меня и Бернарда, когда решил использовать проклятие.

За отцом закрылись двери. На душе было тоскливо.

Стейн снова погладил мою руку. В груди сразу стало тепло и уютно. В конце концов, не я заставляла отца нечестно вести дела, когда была жива его сестра, а потом использовать нас с братом. Это его решение. Это его правда. А моя правда вон, стоит рядом и смотрит так, что сердце забывает, в какую сторону ему стучать!

– Приступайте. – Император кивнул проклятийнику.

– Госпожа Леннет, подойдите, – позвал тот, подходя к Бернарду.

Отпустив пальцы Змея, я быстрым шагом, почти бегом, пронеслась по дорожке и поднялась по ступенькам.

– Снимите перчатки и возьмитесь за руки, – скомандовал проклятийник, едва я оказалась на ступеньку ниже брата.

Торопливо сняв перчатки, мы потянулись друг к другу. Бернард стиснул мою ладонь. С пальцев проклятийника потекли темными ручейками тени…

– Это займет некоторое время, – предупредил он.

Мы дружно кивнули: хоть месяц, лишь бы не стало это правдиво-лживой пакости!

Бернард покосился на меня, я перехватила взгляд голубых глаз.

«Прости», – читалось в них.

«Как ты мог сказать мне то, что сказал? Как мог вести себя так, словно мы чужие?» – «ответила» я ему.

«Мне нельзя было рисковать, я не знал, выдержишь ты или согласишься с отцом. Мне было непросто провести все сделки так,

как хотел отец, без магии и обмана, чтобы клиенты остались довольны».

Я нахмурилась, чуть крепче сжала его пальцы: «Знаю. Но твои слова до сих пор отдаются болью в сердце. Ты ведь не лгал».

Тени окутали наши запястья темными кандалами.

«Нет, не лгал. Но и правдой это не было. Не тогда. Это была старая правда. Правда мальчишки, которому сказали о проклятии и заставили учиться лгать. А его сестра все еще играла в кукол… Я расстался с той правдой и понял, что надо искать выход. Поэтому и отдалился, чтобы случайно не выдать себя».

«Ты мог сказать мне!» – Я грустно улыбнулась.

«Ты бы не поверила».

«Тебя ждет сюрприз, братец. Я на редкость легковерная девушка!»

Бернард едва заметно усмехнулся:

«Знаю!»

«Ты невыносим, но ты мой брат… И я тебя потом прибью, ладно?»

«Я буду сопротивляться!»

«Только попробуй!»

«Ладно, не буду».

«И я тоже. Я рада, что ты снова ты».

«И я».

Беседа взглядов закончилась.

Тени над нашими переплетенными пальцами сложились в корону, распустились темным цветком и растворились в воздухе. Исчезли тени, а вместе с ними и желание говорить все, что крутится в голове.

Проклятия больше нет.

Нет!

Поклонившись проклятийнику, а потом императору, мы с Бернардом, держась за руки и не веря, что все закончилось, вернулись к Змею и Варду.

Едва встали между здоровяком и Стейном, как глашатай назвал имя Варда. Тот почти мгновенно оказался на третьей ступеньке. Протокольные слова летели безликими бумажными птицами.

– Все почти закончилось. – Мою вторую руку слегка пожал Змей.

Да, почти. Сейчас наш друг либо загремит в ссылку, либо станет самым счастливым!

– …Я бы хотел просить руки вашей дочери! – глядя прямо в глаза императору, произнес Вард.

Второй раз в зале воцарилась тишина. Так, что стало слышно, как где-то за окном радостно щебечут ласточки, которым все равно, где вить гнездо: под крышей простолюдина или в императорской резиденции.

Стефани стиснула пальцами подлокотники и напряженно повернулась к отцу, нарушив весь этикет. В ее глазах были надежда и страх. Ведь император вполне может вспомнить о каком-нибудь старинном, всеми забытом правиле, запрещающем принцессам влюбляться.

Взгляд императора блуждал по лицу Варда. Потом соскользнул на мать Змея, на лице которой читалось плохо скрытое презрение и вопрос: сможет ли он разрушить жизнь дочери, как разрушил жизнь той, которую любил? И любит. Да, до сих пор.

Правитель не выдержал, отвернулся. Встретился глазами с матерью Стефани. В них была любовь к нему, к дочери и боязнь, что сейчас случится непоправимое.

– А что скажет моя дочь? – Голос императора прозвучал не так ровно и правильно, в нем была злость. Но и любовь… к дочери.

Стефани встрепенулась, заулыбалась. Потом вспомнила про протокол и, чинно сложив руки на коленях, ответила:

– Ваша дочь согласна.

Вард просиял счастливой улыбкой. А кто-то поперхнулся и зашелся кашлем: Эмерсон, о котором все забыли, был буквально сражен новостью о женитьбе сына. Справившись с шумной радостью, он уставился на Варда: это было обещание. Обещание довести сына перед женитьбой до генерала минимум. Хоть тренер и считал, что звание не сделает никого равным придворным лаернам, но оставлять Варда обычным боевым магом он точно не собирался.

– Официально о помолвке объявим, когда вы, молодой человек, получите первое звание. – Император тоже решил заняться воспитанием будущего зятя.

Бедняга Вард!

– Так точно, сэр! – привычно козырнул Вард.

– Да, папа! – выдохнула принцесса.

И тут же оба торопливо исправились:

– Простите, ваше императорское величество!

Император махнул на них рукой и тихо добавил:

– Способ незаметно встречаться сами найдете. Стефани, ты в этом явно пошла в меня.

Вдовствующая императрица грозно нахмурилась, лаерна Бриар спрятала улыбку, а мать Змея чуть склонила голову, словно извиняя императора… но не прощая.

Еще бы ей простить! Ее семья в опале. До сих пор. А наш правитель не то забыл об этом, не то не знает, как подать отмену, чтобы его не побили туфелькой от радости.

Зато я знаю! А еще знаю, что Стейн никогда об этом не попросит.

Церемонно поклонившись правителю, Вард вернулся к нам.

Глашатай назвал мое имя.

Шагая навстречу императору, я старательно подбирала слова. Одна, две, три ступеньки. Протокольная речь. Вопрос, за которым чувствуется подтекст: какого еще беса надо этой внезапной, как приезд родни, девице?

– Я прошу вернуть семье Стейна Уотса-Борга все ее привилегии, титул и изъятое состояние, – срываясь на шепот, ответила я.

– Какая основательная просьба… – В глазах императора легкой тенью промелькнуло вначале удивление, затем радость. – Не могу вам отказать.

Я пробормотала слова благодарности и поклонилась одновременно. Потом так спешила назад, что потеряла туфлю, так с ней в руках и добралась до двери.

А глашатай уже приглашал Змея.

Мы встретились в шаге от выхода. Улыбнулись друг другу. Он пошел к императору, а я – надевать туфлю. Возвращать утерянные части туалета на место этикетом не запрещено.

Я как раз справилась со своенравной обувкой и расправила ткань подола, когда в зале прозвучало:

– Я прошу расторгнуть наш брак.

Ровный и уверенный голос принадлежал Змею. Стейн стоял на третьей ступеньке и вопросительно смотрел на императора. А я не знала, что думать. Развод? Зачем? Мы же любим друг друга?

Правитель бросил на мать быстрый взгляд, потом посмотрел на фаворитку. Обе женщины старательно держали лицо, делая вид,

что не понимают, о чем идет речь, но его это ничуть не обмануло.

– Не вижу препятствий.

Император вытянул руку в сторону Стейна, и тени над его раскрытой ладонью сложились в несколько кругов, вложенных друг в друга. В них появились наши имена. Секунда, и они исчезли.

– Поздравляю с разводом. – Слова императора прозвучали набатом.

Расторжение брака не укладывалось в голове, потому что я не находила ответа на вопрос: зачем? Обряд ведь никого не заставляет. Или Змей мне солгал?

Прислушалась к себе. Нет, я все так же его люблю, хоть и не понимаю причин развода. Глянула на довольного Стейна, идущего обратно. Ничего не изменилось, он по-прежнему смотрит на меня с нежностью…

Глашатай объявил об окончании аудиенции. Сдвинувшись в сторону от двери, мы замерли в полупоклонах.

Император и его свита покинули зал. Потом настала наша очередь. Едва мы оказались за дверью, как я цапнула Стейна за руку и оттащила в сторону.

– Если ты сейчас не ответишь, зачем нас развели, я тебя побью! – выпалила я, глядя в довольные васильковые глаза.

Вместо ответа он неожиданно опустился на одно колено, выудил из кармана тонкое колечко и спросил:

– Выйдешь за меня замуж?

– Мы только что развелись! – сердито напомнила я, наконец поняв, для чего он все это устроил.

Надо выходить замуж не потому, что так кто-то решил. А потому, что так решили вы. Ты и он. И больше никто.

– Тебя смущает брак с разведенным? – насмешливо спросил Змей, натуральный, но любимый.

– А тебя?

– Ничуть. – Он ловко надел кольцо на мой палец.

– Я не сказала «да». – С трудом сдерживая улыбку, я покрутила украшение.

– Ты не сказала «нет». – Стейн поднялся с колена, обнял ладонями мое лицо и поцеловал.

– Да! – выдохнула я, глядя в его счастливые глаза.

Эпилог

В камине потрескивали дрова: саламандра носилась по поленьям, выбирая повкуснее. За окном солнце пекло укрытые ледниками далекие вершины, устоявшие перед напором лета, путалось в листьях жимолости, отбрасывающих на пол мастерской замысловатые тени. Тикали часы за дверью. Из кухни тянуло ароматными травами – домоправительница успокаивала нервы после визита Ненси.

Сестричка на славу поработала над ее образом. Традиции ее родины были соблюдены, длинные платья и шали остались. Но цвета стали куда веселей, а фасоны – не такими громоздкими. Выглядела женщина теперь куда моложе. На нее даже начал засматриваться хозяин сапожной мастерской. Но сестричке этого оказалось мало, теперь она пыталась уговорить мою домоправительницу сняться в проекции для рекламы салона, где работала.

– Мартиша, будешь чай? – донеслось из коридора.

– Нет, я потом, – отозвалась я, выкладывая на стол круглые заготовки, напоминающие кольца.

Зная упрямство Ненси, я уверена, что скоро госпожа Бевис будет красоваться на проекции.

Я вон тоже сопротивлялась, но сестра все равно отвоевала у меня Беллу. В итоге мы обе стали «приходящими» мамами лисичке. У Ненси она два раза в неделю. У меня тоже два. На один день ее у нас забирал Юрг.

Да, не смог он с ней расстаться.

Белла была в полном восторге от такого количества хозяев и больше бунтов не устраивала. Ее занимали куда более интересные вещи: мы освоили начальную программу ректора и приступили к основной части обучения. Постепенно Белла превращалась в настоящую миниатюрную помощницу боевого бытового мага. И темного боевого мага. Ректор не упустил возможности натаскать ее и в качестве помощницы Юрга, на случай если вместо его птицы рядом окажется она. Или мы с теневиком окажемся в переплете вместе с лисичкой. Юрген представить такой вариант не мог, но все равно тренировался с лисичкой и со мной.

Стейн, шутя, спрашивал, не пора ли ему ревновать.

Ревновать было не к кому. Я на чужих котиков не покушалась.

Да, то, что котик сестрички – Юрг, выяснилось случайно.

Мы с Ненси, Стейном и Бернардом сидели в кафетерии, когда он ей позвонил. Надо было видеть наши с братом лица, когда сестричка в своей непосредственной манере представила нас проекции Юргена. Змей, как оказалось, догадывался о личности хвостатого.

А сам «котик» влип. Точнее, влюбился. Причем взаимно. Это было видно, когда они с Ненси разговаривали, смотрели друг на друга, просто сидели рядом…

Но, как и мы со Стейном, они не торопились жениться.

Юрг хотел получить диплом, до которого осталось полгода. Ненси – повышение. Ее пригласили следить за гардеробом младших фрейлин. Наша семья все же получила работу во дворце. Только вот отец к ней не имел никакого отношения. Они с мамой жили в уединенном домике на одном из удаленных горных курортов. Отец с нами не общался, считая предателями. Общалась мама. Наконец получив мужа в полное свое распоряжение, она воспрянула духом и телом и выглядела очень счастливой. А нам другого и не надо.

Правда, маму немного расстраивал факт, что Бернард расстался с Изабель. Знатной невестой. Невестой, расчеты которой показали, что ей надо срочно свернуть тотализатор на имя пажа и выходить замуж за очень богатого друга семьи, того самого, с которым мы видели ее на награждении. Настолько скоро, что она бросила учебу, а Бернарду о расставании сообщила по линзе. Он напился в компании Стейна и Юрга, потом полностью ушел в работу. А пару недель спустя снова стал привычным вредным братом, с которым мы иногда думали «хором».

По слухам, Изабель тоже не горевала и доводила мужа не то до разорения, не то до сердечного приступа, не то до здравой идеи развода и поиска менее активной супруги.

А меня доводил до нервной икоты Эмерсон.

Полгода до сдачи экзамена для дальнейшей учебы в институте еще не прошли. Минуло только три месяца. А из меня уже вытрясли все экзамены и нормативы и зачислили на третий курс. Пробелы в программе предстояло заполнять обучением по артефактам. И отлынивать не выйдет, потому что в конце третьего курса начинается

«полевая» практика при полиции. А на ней адепты не имеют права позорить своих учителей.

Другим тоже доставалось от тренера.

Змея готовили к диплому и выпускному так, словно он единственный адепт в мире. Стейна это совершенно не смущало. Дело в том, что он получил приглашение из Службы магического надзора и защиты населения. Они старались пригласить перспективных выпускников пораньше, пока их не перехватили другие, более престижные ведомства. Змей ответил им согласием и с нетерпением ждал, когда получит диплом и приступит к работе. Сдать экзамены и защититься досрочно ему не позволил ректор, у которого уже случился один такой казус, и второй учебным планом был не предусмотрен.

Вард с бодрого пинка Эмерсона экстерном закончил институт и уже вовсю служил где-то на границе с Ортрунским каганатом. Принцесса готовила свадебное платье. По ее словам, первое звание ее любимого вот-вот должно было свалиться на его голову.

Ее высочеству явно не хватало обычного общения вне дворца, поэтому мы регулярно разговаривали по линзам. Ничего секретного или тайного: самые банальные темы, от погоды до нового артефакта для фонтанов. Стефани обладала нейтральным даром и увлекалась бытовой магией, но принцессе не по рангу копаться в артефактах. Как посмеивалась Ненси, у меня наконец появилась подруга. Такая же странная, как и я.

Подруга появилась не только у меня. У матери Стейна тоже.

Лаерна Бриар отказалась от должности фаворитки императора, чем крайне его удивила. А потом удивила еще больше, вспомнив, что когда-то дружила с матерью Змея. Женщины, сердца которых были разбиты, быстро нашли общий язык. И теперь мать принцессы часто видели в «Фонаре».

Новой пассии император так и не завел. Поговаривали, что его приворожила некая неизвестная дама. На самом деле все было проще: он понял, что нельзя заставить любить или полюбить по желанию. Потому что это будет ложь и ничего больше.

К слову, титул и деньги семье Стейна он вернул. Все, что было изъято у семьи его отца и у матери. Но это были всего лишь титул

и деньги, и они не вернули утраченной любви и не исправили то, что натворил наш правитель…

Другой вытворятель, Кристоф, прочно и надолго сел в тюрьму. На его фоне император казался просто слегка неуравновешенным влюбленным.

Наверное, поэтому мама Змея извинилась передо мной. Неожиданно и без всякой подготовки поймала на улице и попросила прощения за то, что сказала не всю правду. А потом добавила:

– Теперь все правильно. Теперь это только вы.

Да, только мы. И мы со Стейном не торопились жениться. Меня ждали три года учебы. Его – диплом и служба. Но это не было главной причиной. Просто у нас была вся жизнь! И мы сами могли решить, когда поженимся. Сегодня, внезапно или спустя полгода. Все… этикеты мы и так нарушили, как только выбрались из Санердаля после фееричного развода и предложения.

Хлопнула входная дверь. В коридоре Стейн поздоровался с домоправительницей.

– Я в обувную лавку, – сообщила она в ответ, – там такие туфли на витрине! Как на меня шили.

На нее и шили. Хозяин не знал, как найти подход к госпоже Бевис, вот и выпросил у меня ее старый башмак. Решил приманивать на живца. На туфельку то есть. Удачи ему и его туфелькам!

Отложив инструменты, я бросилась на шею заглянувшему в мастерскую Стейну. Потянулась к его губам. Не виделись всего час, а будто целая вечность прошла.

Когда мы оторвались друг от друга, Змей подхватил меня на руки и уселся в мое рабочее кресло.

– До безумия хочется назвать тебя Мартиной Борг, – прошептал он, касаясь шеи губами.

– А мне тебя – мужем, – честно призналась я.

Стейн тут же выудил линзу из кармана и нашел расписание мэрии.

– Через неделю есть свободное место под бракосочетание. – Он ткнул пальцем в проекцию. – Как думаешь, нам подойдет?

– Еще как!

* * *

Неделю спустя я в белом платье и фате и Стейн в черном фраке заходили в мэрию. Сзади шествовала госпожа Бевис под руку с хозяином сапожной мастерской. За ней Бернард и Ненси с Юргом и линзой. Из проекции за нами следила мама.

– Чуть левее, дочь моя. Будьте добры, мне не видно! – попросила она в своей манере.

Когда наша процессия оказалась в просторном холле, навстречу выбежал знакомый клерк с магической книгой в руках. Увидев нас со Змеем, он икнул и тихо спросил:

– Опять проверять брак?

– Заключать, – хором ответили мы со Стейном.

– Еще раз? – растерянно спросил клерк.

– Тот был пробный, теперь постоянный, – абсолютно серьезно ответил Стейн.

– Контрольный, – добавила я.

Судя по лицу клерка, он был согласен на все, даже на контрольный в свою голову, лишь бы с нами больше не встречаться. Проводив нас в украшенный цветами зал, он с выражением произнес речь о пользе брака и любви. Потом, сделав запись в магической книге, объявил нас мужем и женой.

– Лаерна Борг. – Змей церемонно поцеловал кончики моих пальцев.

– Лаерн Борг, – отозвалась я в тон ему.

Мы рассмеялись. Стейн подхватил меня на руки, закружил.

– Я люблю тебя, – прошептала я, обнимая его за шею и касаясь его губ своими.

– Опять проклятие проснулось? – улыбнулся он, отвечая на поцелуй.

– Нет. Это правда, о которой нельзя молчать.

– Люблю тебя.

И это тоже она.

КОНЕЦ